ISSN 0207—7167

625773

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

МАРИЙСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. В. М. ВАСИЛЬЕВА

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Выпуск 7

62573
МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Йошкар-Ола 1990

Ш 166.32
В 74

Печатается по решению Ученого совета
Марийского научно-исследовательского института
языка, литературы и истории

В сборник включены статьи, посвященные исследованию трех разделов марийской ономастики: топонимии, орнитонимии, фитонимии. На основе архивных данных и полевых материалов раскрывается их происхождение, определяется относительная хронология их возникновения, развития.

Сборник может быть полезен лингвистам, этнографам, археологам, историкам, занимающимся изучением финно-угорских и тюркских языков.

Редакционная коллегия:
И. С. Галкин (отв. ред.), А. С. Ефремов

1 - 89

© Марийский научно-исследовательский институт, 1990

ПРОФЕССОР И. С. ГАЛКИН

(к шестидесятилетию со дня рождения)

В этом году отмечает свое шестидесятилетие один из ведущих финно-угроведов, крупный специалист по марийскому языку, доктор филологических наук профессор Иван Степанович Галкин.

И. С. Галкин родился 16 сентября 1930 года в деревне Рошня Советского района Марийской АССР в семье крестьянина-колхозника. В 1948 году окончил Ронгинскую среднюю школу и поступил в Петрозаводский государственный университет. Будучи еще студентом, он проявил активную деятельность в общественной и научной работе. В 1953 году после успешного окончания университета, получив специальность филолог-финно-угровед, И. С. Галкин поступает в аспирантуру при кафедре финно-угорских языков Тартуского госуниверситета. Под руководством академика Пауля Аристэ написал кандидатскую диссертацию на тему «Суффиксальное образование глаголов в современном марийском языке», которую защитил в 1958 году. С 1956 по 1982 год И. С. Галкин работал в Марийском научно-исследовательском институте младшим научным сотрудником, старшим научным сотрудником, зав. сектором языка, директором. В 1968 году защитил докторскую диссертацию на тему «Историческая морфология марийского языка», а в 1970 году утвержден в ученом звании профессора по специальности «Финно-угорские языки». С 1982 года по настоящее время — профессор кафедры марийской филологии Марийского государственного университета.

И. С. Галкин — ученый широкой эрудиции, его научная деятельность весьма многогранна. И. С. Галкина интересуют самые разнообразные проблемы марийского

языкознания: основные труды посвящены разработке теоретических вопросов фонетики и лексики, морфологии и синтаксиса, истории марийского и других финно-угорских языков, языковых контактов. Многие вопросы марийского языкознания впервые получили освещение в его трудах. Им написано около 200 научных статей по самым различным областям марийского языкознания.

Особенно широкое признание И. С. Галкин получил как грамматист. Уже в 1958 году выходит в свет его монография, посвященная одному из трудных вопросов грамматики — категории залога: «Залоги в марийском языке» (Йошкар-Ола, 1958). Результаты этого исследования позже легли в основу соответствующих разделов научной грамматики марийского языка «Современный марийский язык. Морфология» (Йошкар-Ола, 1961), утвержденной в качестве учебника для вузов. Фундаментальным исследованием является его монография «Историческая грамматика марийского языка» в двух частях (ч. I, Йошкар-Ола, 1964; ч. II, Йошкар-Ола, 1966). Первая часть монографии посвящена систематизации и обобщению вопросов марийского словоизменения. Во второй части дается анализ состава словообразовательных суффиксов, пути их становления на основе привлечения богатого материала из диалектов марийского языка и данных из родственных и неродственных языков. Под руководством И. С. Галкина проведена большая работа по написанию многотомной научной грамматики марийского языка. Он сам участвовал в написании ряда разделов («Введение в морфологию», «Местоимение», «Глагол»), был одним из ответственных редакторов этого фундаментального труда.

Вопросам общего финно-угроведения посвящены вузовские учебники И. С. Галкина, написанные в соавторстве с Е. Н. Мустаевым, «Основы финно-угроведения» в двух частях (ч. I, «Фонетика». Йошкар-Ола, 1980; ч. II, «Морфология. Синтаксис. Лексика». Йошкар-Ола, 1984). Привлекают внимание исследователей статьи «Об одном уральском явлении в марийском языке» (Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1982), «О двух сходных явлениях в марийском и прибалтийско-финских языках» (Сущность, развитие и функции языка. Москва, 1987) и др.

В марийском языкознании в последние годы заметно оживилась исследовательская работа по вопросам оно-

мастики. И успехи марийской ономастической науки во многом связаны с именем профессора И. С. Галкина, возглавившего эту актуальную для марийской лингвистической науки отрасль в республике. Он активно участвует в ономастических конференциях и посвящает этой отрасли науки ряд статей и монографии. Его этимологии аргументированы многочисленными языковыми фактами и подкупают читателя своей убедительностью и достоверностью. Особо следует отметить книгу юбиляра «Тайны марийской топонимики» (Йошкар-Ола, 1985). В ней излагается древняя история Марийского края по данным топонимических названий, объясняется происхождение основных названий деревень, сел, городов, рек, озер и территории, заселенной марийцами, рассматривается возникновение некоторых географических названий и их судьбы. Интересны его наблюдения в области марийской ономастики и отражены в статьях «Топонимические заметки» (Вопросы марийской ономастики, вып. 3. Йошкар-Ола, 1982), «Русские фамилии марийского происхождения» (Вопросы марийской ономастики, вып. 4, Йошкар-Ола, 1983), «Древнейшие пласты марийской топонимики» (Вопросы марийской ономастики, вып. 6, Йошкар-Ола, 1987), «Основные типы топонимов на территории Марийской АССР» (Вопросы финно-угорской ономастики, Ижевск 1989) и др. Он известен также как составитель и научный редактор серии тематических сборников под названием «Вопросы марийской ономастики», выпуск которых начался в 1978 году.

В течение многих лет И. С. Галкин на кафедре марийской филологии МарГУ ведет научный топонимический кружок, вводит студентов в курс топонимической науки.

Широкое признание И. С. Галкин получил как эти-

молог. Его историко-этимологические изыскания освещены в статьях **«Тялем, телим** или **елем, елим?»** (Вопросы марийской ономастики, вып. I. Йошкар-Ола, 1978), «Этимологические заметки» (Там же), «Происхождение названий дней недели в марийском языке» (Вопросы марийской ономастики, вып. 5, Йошкар-Ола, 1985), «Этимологические этюды» (Марийская филология. Йошкар-Ола, 1986) и др.

Значительна заслуга И. С. Галкина в лексикографической работе. Под его руководством велась работа по составлению большого «Русско-марийского словаря» (Москва 1966). По инициативе профессора И. С. Галкина была начата работа по составлению многотомного «Словаря марийского языка», первый том которого издан в этом году. Он является главным редактором и автором отдельных разделов данного издания.

И. С. Галкин постоянно обращался и обращается к проблеме межъязыковых контактов. Лексические, фонетические, грамматические особенности, возникшие в марийском языке в результате межъязыковых контактов, исследуются им в таких работах как «Некоторые вопросы проницаемости языков» (Третий Международный конгресс финно-угроведов, Таллин 1970), «Некоторые вопросы контактирования языков» (Вопросы советского финно-угроведения, Петрозаводск 1974), «О некоторых явлениях русско-марийского языкового взаимодействия» (Вопросы истории и диалектологии. Йошкар-Ола 1979), «К вопросу о монголизмах в марийском языке» (Вопросы грамматики и лексикологии, Йошкар-Ола, 1981), «О марийско-пермских лексических параллелях» (XVII Всесоюзная финно-угорская конференция, Устинов 1987) и др.

Большая работа проведена И. С. Галкиным по усовершенствованию марийской орфографии. Он принимал активное участие в составлении правил правописания и всенародном обсуждении их в начале 70-х годов. В 1972 году эти правила опубликованы в книге, составленной в соавторстве с З. В. Учаевым, «Марий орфографий мутер».

Будучи директором Марийского НИИ, И. С. Галкин много сил и энергии приложил к организации научной работы. Под его руководством институтом проведены крупные научные сессии: по этногенезу марийского на-

рода (1965), XIII Всесоюзная конференция финно-угроведов (1969), «200 лет марийской письменности» (1975), первая конференция историков-аграрников Среднего Поволжья (1976) и др.

Неоднократно И. С. Галкин достойно представлял марийскую лингвистическую науку на Международных конгрессах и Всесоюзных конференциях по финно-угроведению.

Свой научный багаж и опыт профессор И. С. Галкин охотно передает молодежи.

За плодотворную научную деятельность ему было присвоено Почетное звание «Заслуженный деятель науки Марийской АССР» и «Заслуженный деятель науки РСФСР».

Коллеги, друзья и многочисленные ученые поздравляют Ивана Степановича с юбилеем, желают ему здоровья, удачи во всех начинаниях и новых свершений в его многогранной деятельности.

Аркадий Ефремов

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Совещание по вопросам координации исследования диалектов прибалтийско-финских языков // Вопросы языкознания.— 1955.— № 5.— С. 181—183.

М. Якимовын поэзийже нерген=О поэзии М. Якимова // Ончыко.— 1957.— № 2.— С. 93—95.

К истории некоторых глаголообразовательных суффиксов в марийском языке // Труды МарНИИ. вып. X.— Йошкар-Ола, 1957.— С. 90—107.

Заметки о вокализме глаголообразовательных суффиксов в марийском языке // Ежегодник общества родного языка. Вып. IV.— Таллин, 1957.— С. 224—230.

Общефинно-угорские суффиксы с л-овым элементом в марийском языке // Учен. зап. Тартуского университета. Т. 51.— Тарту.— С. 67—80.

Марийско-немецкий словарь Ф. Видемана // КК.— 1958.— № 1.— С. 58—59.

Из истории общефинно-угорской лексики в марийском языке // Труды МарНИИ. Вып. XII. Йошкар-Ола, 1958.— С. 121—136.

Из истории марийского спряжения // Ежегодник общества родного языка. Вып. V.— Таллин, 1958.— С. 274—285.

Залоги в марийском языке.— Йошкар-Ола, 1958.— 52 с.

К вопросу о происхождении сложных глаголообразовательных суффиксов в марийском языке // Учен. зап. МГПИ. Т. 16.— Йошкар-Ола, 1958.— С. 61—76.

Шабдарын йылмыже нерген=О языке произведений Шабдара // Ончыко.— 1959. № 3.— С. 94—95.

К вопросу о возникновении двух типов спряжений в марийском языке // Совещание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков: Тезисы докладов.— М. 1959.— С. 59—60.

К вопросу о происхождении суффиксов **-ед** в марийском языке // Труды МарНИИ. Вып. XIII.— Йошкар-Ола, 1960.— С. 73—77.

Галкин И. С., Грузов Л. П. Некоторые итоги диалектологической экспедиции МарНИИ // Труды МарНИИ. Вып. XIII.— Йошкар-Ола, 1960.— С. 189—207.

О происхождении суффиксов **-ан** в марийском языке // Ежегодник общества родного языка. Т. VI.— Таллин, 1960.— С. 220—222.

Из истории форм родительного и винительного падежей личных местоимений множественного числа в марийском языке // Ежегодник общества родного языка. Т. VII.— Таллин, 1961.— С. 201—205.

К истории форм 1-го и 2-го лица марийского глагола // Труды МарНИИ. Вып. XI.— Йошкар-Ола, 1961.— С. 89—94.

Краткие итоги диалектологической экспедиции МарНИИ 1959 года // Труды МарНИИ. Вып. XV.— Йошкар-Ола, 1961.— С. 155—169.

К вопросу о возникновении двух типов спряжения в марийском языке // Вопросы финно-угорского языкознания.— М.— Л., 1962.— С. 165—177.

Введение в морфологию // Современный марийский язык.— Йошкар-Ола, 1961.— С. 4—12.

Местоимение // Современный марийский язык. — Йошкар-Ола, 1961.— С. 130—148.

Глагол // Современный марийский язык.— Йошкар-Ола, 1961.— С. 148—175, 227—243.

Сложный мутым сочетаний деч ойырен моштыман // Ончыко.— 1962.— № 5.— С. 107—111.

Из истории марийских падежей // Всесоюзная конференция финно-угроведов. Тезисы докладов.— Петрозаводск, 1961.— С. 46—49.

Несколько слов о суффиксе местного падежа в марийском языке // Ежегодник общества родного языка, Т. VIII.— Таллин, 1962.— С. 221—223

Имеются ли притяжательные местоимения в марийском языке // Вопросы марийского языкознания. Вып. 1.— Йошкар-Ола, 1964. С. 115—118.

К вопросу о пермской топонимике на территории Марийской АССР // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: Тезисы докладов и сообщений.— Сыктывкар, 1965.— С. 32.

Об одной форме собирательных местоимений в марийском языке // Ежегодник общества родного языка. Т. XII — Таллин, 1970.— С. 157—163.

Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 1.— Йошкар-Ола, 1964.— 204 С.; Ч. 2.— Йошкар-Ола, 1966.— 168 с.

Об одной форме числительных в марийском языке // СФУ.— 1965.— № 3.— С. 193—197.

Их истории некоторых марийских слов // Вопросы марийского языкознания. Вып. II.— Йошкар-Ола, 1968.— С. 32—33.

Топонимика марийского края в связи с происхождением марийского народа.— Йошкар-Ола, 1967.— С. 203—210.

Галкин И. С., Учаев З. В. Марий орфографий мутер.— Йошкар-Ола, 1972.— 198 с.

Финно-угорские языки //Русская речь.— 1973.— № 3.

Путь в науку //Валериан Михайлович Васильев.— Йошкар-Ола, 1974.— С. 5—13.

Рецензия на диссертацию Смиренниковой А. Е. Развитие залоговых противопоставлений в мордовских языках.— СФУ.— 1973.— № 3,— С. 224—227.

Рецензия на диссертацию Якимовой Э. С. Соматическая фразеология марийского языка.— СФУ.— 1976.— № 4.— С. 311—314.

Рецензия на диссертацию Бобковой Л. В. Фонетические характеристики ударных и безударных гласных марийского языка в сравнении с английским.— СФУ.— 1975.— № 2.— С. 153—155.

Некоторые вопросы проницаемости языков //Третий Международный конгресс финно-угроведов. Т. I.— Таллин, 1975.— С. 67—71.

Из истории некоторых марийских слов //Вопросы марийского языка.— Йошкар-Ола, 1975. С. 32—37.

Формирование марийской письменности и литературного языка — фактор духовного роста нации //200 лет марийской письменности — Йошкар-Ола, 1977.— С. 3—10.

Краткие итоги деятельности МарНИИ в 1971—1975 годах //Тезисы докладов на нучной сессии по итогам работы за 1971—1975 гг.— Йошкар-Ола, 1976.— С. 3—11.

Некоторые вопросы контактирования языков //СФУ. — 1977.— № 2.— С. 107—110.

Финно-угроведенийын негызше дене программа. Университетын студентше-влаклан=Программа по основам финно-угроведения.— Йошкар-Ола, 1978.— 9 с.

Галкин И. С., Грузов Л. П. Марий йылмын исторический грамматикыж дене программа. Университетын студентше-влаклан=Программа по исторической грамматике марийского языка.— Йошкар-Ола, 1978.— 10 с.

Тялем, телим или **елем, елим?** //Вопросы марийской ономастики.— Йошкар-Ола, 1978.— С. 5—12.

Этимологические заметки //Вопросы марийской ономастики.— Йошкар-Ола, 1978.— С. 41—44.

Развитие языкознания в научных учреждениях Марийской АССР (1917—1977 гг) //СФУ.— № 4 — С. 290—292.

О древнем значении латива на **-н** в финно-угорских языках //Вопросы истории и диалектологии марийского языка.— Йошкар-Ола, 1979.— С. 112—116.

Развитие системы глагольных времен в современном марийском языке //Вопросы истории и диалектологии марийского языка.— Йошкар-Ола, 1979.— С. 137—143.

О некоторых явлениях русско-марийского языкового взаимодействия //Вопросы истории и диалектологии марийского языка.— Йошкар-Ола, 1979.— С. 102—112.

Галкин И. С., Гордеев Ф. И. Основные типы марийских топоформантов //Вопросы финно-угроведения: Тезисы докладов XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов.— Сыктывкар, 1979.— С. 84.

Топонимические этюды //Вопросы марийской ономастики. Вып. 2.— Йошкар-Ола, 1989.— С. 16—22.

Марийский научно-исследовательский институт при Совете Министров Марийской АССР (краткая справка).— Йошкар-Ола, 1980.— 7 с.

Особенности гармонии гласных в горном и северо-западном наречиях марийского языка и причины их возникновения //Пятый Международный конгресс финно-угроведов. Т. II.— Турку, 1980.— С. 17.

Галкин И. С., Гордеев Ф. И. О типах марийских топоформантов // Пятый Международный конгресс финно-угроведов. Т. II.— Турку, 1980 — С. 131.

Марийский научно-исследовательский институт. К 50-летию основания // СФУ.— 1980.— № 3.— С. 223—226.

Галкин И. С., Мустаев Е. Н. Финно-угроведенийын негызше. Тӱҥалтыш ужаш. Фонетика=Основы финно-угроведения. Ч. I. Фонетика.— Йошкар-Ола, 1980.— 135 с.

Особенности гармонии гласных в горном и северо-западном наречиях марийского языка и причины их возникновения // Вопросы марийской диалектологии.— Йошкар-Ола, 1981.— С. 31—43.

Об одном уральском явлении в марийском языке // Вопросы марийского языка.— Йошкар-Ола, 1982.— С. 3—7.

Топонимические заметки // Вопросы марийской ономастики. Вып. 3. — Йошкар-Ола, 1982.— С. 5—24.

Финно-угорское и нефинно-угорское в системе глагольных времен марийского языка // Четвертый Международный конгресс финно-угроведов. Т. III.— Будапешт, 1981.— С. 383—386.

Об относительной хронологии в развитии местных падежей // Вопросы грамматики и лексикологии.— Йошкар-Ола, 1980.— С. 22—29.

К вопросу о монголизмах в марийском языке // Вопросы грамматики и лексикологии.— Йошкар-Ола, 1980.— С. 119—127.

Рецензия на книгу Учаева З. В. Марий йылме.— СФУ.— 1983.— № 4.— С. 299—303.

Галкин И. С., Мустаев Е. Н. Финно-угроведенийын негызше. Морфологий. Синтаксис. Лексика.=Основы финно-угроведения. Морфология. Синтаксис. Лексика. Ч. 2.— Йошкар-Ола, 1984.— 122 с.

Вопросы истории марийского языка в трудах Г. Г. Кармазина // Из истории марийской филологии.— Йошкар-Ола, 1984.— С. 6—15.

Роль родного языка в условиях зрелого социализма // Дружба народов и интернациональное воспитание трудящихся.— Йошкар-Ола, 1984.— С. 106—112.

Академик Пауль Аристэ и марийское языкознание // Труды по финно-угроведению. Вып. 12.— Тарту, 1985.— С. 34—42.

Заметки о языке марийских писателей (В свете работ В. М. Васильева о марийском литературном языке) // В. М. Васильев.— Йошкар-Ола, 1985.— С. 76—83.

Родство через века // Сервус, Савария! — Йошкар-Ола, 1985.— С. 32—40.

Русские фамилии марийского происхождения // Вопросы марийской ономастики. Вып. IV.— Йошкар-Ола, 1983.— С. 5—17.

Происхождение названий дней недели в марийском языке // Вопросы марийской ономастики. Вып. V.— Йошкар-Ола, 1985.— С. 30—43.

Тайны марийской топонимики.— Йошкар-Ола, 1985.— 96 с.

Марий йылмын исторический грамматикыже=Историческая грамматика марийского языка.— Йошкар-Ола, 1986.— 122 с.

Марий исторический лексикологий.— Йошкар-Ола, 1986.— 70 с.

Академик Б. А. Серебренников и марийское языкознание // Вопросы марийского языка.— Йошкар-Ола, 1986.— С. 7—21.

Этимологические этюды // Марийская филология.— Йошкар-Ола, 1986.— С. 8—16.

Древнейшие пласты марийской топонимики // Вопросы марийской ономастики. Вып. 6.— Йошкар-Ола, 1987.— С. 5—24.

К вопросу о расселении древних мари.//Этногенез и этническая история марийцев. АЭМК, Вып. 14.— Йошкар-Ола, 1988.— С. 44—45.

Об одной дезидеративной конструкции в финно-угорских языках// Уралистикай танулманьйок.— Будапешт. 1988.— С. 153—159.

Основные типы топонимов на территории Марийской АССР.//Вопросы финно-угорской ономастики.— Ижевск, 1989.— С. 33—44.

ЛИТЕРАТУРА

Гордеев Ф. И. Марий залог нерген научный паша//Марий коммуна.— 1959.— 29 мая.

Громов Г. Книга — коллективный труд//Марийская правда — 1963.— 28 дек.

Пенгитов Н. Т. Марий йылмын историйжым чын ончыктышо книга//Марий коммуна.— 1964.— 16 мая.

Вийтсо Т. Р. Рецензия на книгу «Историческая грамматика марийского языка//СФУ.— 1967.— № 1.— С. 61—64.

Грузов Л. П. Рецензия на докторскую диссертацию//СФУ.— 1968.— № 4.— С. 309—312.

Казанцев Д. Эше ик наука доктор//Марий коммуна — 1969. 13 янв.

Иванов И. Тале йылмызе, кумылзак айдеме//Марий коммуна.— 1980.— 17 сент.

Иванов И. Уста йылмызе//Ямде лий.— 1980.— 13 сент.

Васин К. Исследователь, организатор//Марийская правда.— 1980.— 17 сент.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучением собственных имен (топонимии, орнитонимии, антропонимии, фитонимии, гидронимии и т. д.) с точки зрения их происхождения и развития марийские лингвисты в последнее время занимаются весьма интенсивно. Исследования совместно с данными археологии и этнографии позволили решить ряд этнолингвистических вопросов Марийского края: миграции, языковых контактов и т. д.

В предлагаемый вниманию читателей VII-ой выпуск «Вопросов марийской ономастики» вошли статьи, посвященные рассмотрению трех разделов собственных имен: географических названий, названий травянистой и ягодной флоры, названий птиц. Большинство статей сборника все же связаны с географическими названиями.

В статье проф. И. С. Галкина рассматривается происхождение названий некоторых населенных пунктов Марийского края.

С точки зрения происхождения рассматриваются названия марийских населенных пунктов Прикамья в статье В. И. Вершинина.

Интересна статья А. Н. Куклина, раскрывающая историю развития названий исчезнувших населенных пунктов Марийской АССР с топоформантом *чодыра* «лес».

Проф. Л. Ш. Арсланов посвятил свою статью определению марийского пласта в географических названиях Татарской АССР.

Большой интерес вызовет у читателей статья доцента Ф. И. Гордеева о сарматских элементах в названиях рек Поволжья.

Ряд интересных наблюдений читатель найдет в статье учителя В. П. Шаймарданова, посвященной субстратной топонимии Марийского края.

В статье В. Н. Васильева определяется языковая принадлежность названий птиц, встречающихся параллельно в марийском и удмуртском языках.

Зам. директора МарНИИ А. С. Ефремов в своей статье раскрывает принципы наименований трав и ягод в марийском языке.

Статья С. С. Сибатровой посвящена этимологии некоторых марийских слов.

Не все статьи одинаковы по глубине своего содержания, но все они затрагивают какие-либо новые проблемы и представляют интерес для развития ономастической науки, поэтому редколлегия сочла необходимым включить их в настоящий сборник.

Профессор *И. С. Галкин.*

И. С. Галкин

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

В предлагаемой читателю статье мы продолжим начатое этимологизирование географических названий на территории Марийской АССР еще во втором и третьем выпусках «Вопросов марийской ономастики».

р. Юронга

Река Юронга является левым притоком р. Ветлуги. Она протекает по территории Шаранского, Воскресенского районов Горьковской области и Юринского района Марийской АССР, впадает в Ветлугу немного южнее поселка Козиково. В речи местных марийцев название этой реки звучит несколько иначе: *Йырӹнг, Юрынгы*. Что бы это значило? Ответить на этот вопрос, исходя из данных современного марийского языка, практически невозможно, ибо там нет подобного слова, кроме как в названии данной реки, поэтому объяснение надо искать в других языках и старых письменных источниках. Одним из таких источников является «Книга большому чертежу», которая представляет собой описание крупнейшей несохранившейся карты России XVII в. В ней сказано: «А в реку Ветлугу пала река Локшага Большая, потекла от реки Унжи. В реку же Ветлугу пала река Уста, в левые стороны, протоку 100 верст. А ниже Усты Юрюган река, а ниже Юрюгана Яржум река, а ниже Яржума Большая Яржум. А ниже Большие Яржумы, на усть реки Ветлуги, пала речка Яржум Меньшая» (КБЧ 1950:136).

В «Книге большому чертежу» название реки Юронги зафиксировано, как мы видим, не так, как мы привыкли видеть его на современных картах, а совершенно иначе: Юрюган.

Исходя из того, что это слово является названием реки, то какой-то элемент в нем должен указывать на

то, что это действительно водоем. Этим элементом, на наш взгляд, здесь является *юган* «река». Это слово финно-угорское, по своему фонетическому облику угорско-пермского характера, ср. р. *Бадья-Юган* в Ямало-Ненецком автономном округе Тюменской области, р. *Юган* левый приток Оби, р. *Васюган* левый приток Оби в Ханты-Мансийском национальном округе и Томской области. В хантыйском языке имеется слово *йогын* «река», которое, по-видимому, в финно-угорскую эпоху звучало *Юган* «река». В марийском языке этому слову соответствует *йогын* «течение». Что обозначал корень *Юр*, сказать сейчас весьма трудно. Если исходить из марийского его варианта, то можно предположительно сравнить его с коми *йир* «омут». Почти такого же мнения А. К. Матвеев, с которым соглашается Ф. И. Гордеев (см. стр. 89). Таким образом, гидроним *Юрюган*, встречающийся в «Книге большому чертежу», предположительно можно перевести «река с омутами».

Марийский вариант *Йорынг*, по-видимому, возник из горномарийского *Йыр+йынгы*, т. е. *Йыр Юнга*, ср. горномарийское *Йынгы* р. Юнга, которое тоже находит прямое соответствие в хантыйском языке *йынг* «вода».

Об угорско-пермском характере рассматриваемого гидронима говорят и названия трех речек *Яржум, Большая Яржум* и *Яржум Меньшая*, ср. также р. *Выжум*. Причем вариант *Яржюм*, встречающийся в «Книге большому чертежу», подсказывает, что конечный элемент этого гидронима *Юм* находит прямое соответствие в мансийском языке, ср. *юм* «речка», *Хул юм* «нерестовая речка» при *хул* «рыба».

Название же *Яржум (Яржюм)*, по-видимому, можно объяснить из коми *ярей*, ср. *Ярей нитш* «олений мох, ягель» (Туркин 1986:138) и мансийского *юм* «речка» (*ярей* в коми языке обозначает безлесную равнину в тундре с песчано-гравийной почвой). В ненецком языке *яр* «песок», *яра* «песчаный». Надо думать, чо в топоосновe *ярж-* конечный согласный является суффиксом как, например, в гидрониме *Кудежья* и др. Предположительно развитие гидронима *Яржум* можно представить следующим образом: **Яреж+юм=Яржюм=Яржум* «Песчаная речка».

с. Шор-Уньжа

Село является центром одноименного сельского совета Моркинского района. Марийское название его *Унчо*. В экономических примечаниях 1793 года отмечена марийская деревня *Илля, Унжа тож* и деревня *Шор, Илля тож*. В деревне было 8 дворов, а в деревне Шор — 45 дворов, поэтому можно полагать, что деревня *Шор, Илля тож* и есть современное село *Шоруньжа*.

Относительно происхождения названия *Шоруньжа*, по-марийски *Унчо*, В. В. Кузнецов правильно пишет, что это отгидронимное образование: *Унчо* — название реки. В официальном названии компонет *Шор* представляет марийский апеллятив *шор* «болото» (Кузнецов 1987:47). Но В. В. Кузнецов не раскрывает значения гидронима *Унчо (Унжа, Уньжа)*. Д. Е. Казанцев название села *Шоруньжа* полностью считает пермским по происхождению. «Первый компонент данного топонима,— пишет он,— следует сопоставить с коми-зырянским *шор* и удмуртским *шур* «ручей». Во втором его компоненте угадывается коми-зырянское *удж* «нельма» (ср. манс. *унш* «нельма»)» (Казанцев 1985:39). С мнением Д. Е. Казанцева нельзя согласиться даже потому, что в гидронимах название рыбы, как правило, выступает определением к апеллятиву, а не наоборот, ср. *Нужъяр≠нуж* «щука»+*яр* «озеро». С другой стороны, гидроним *Унжа* охватывает весьма широкий ареал, начиная с Марийской АССР до Архангельской области, ср. *Уньжа* в Марийской АССР р. *Унжа* в Костромской области, речка Унжица в Архангельской области, поэтому это название следует считать более древним и связывать его с коми названием *нельмы*, на наш взгляд, нельзя. Вернее будет, если этот гидроним сравнить с селькупским *Ундж, Унжа* «ручей, речка», о котором нам сообщил Ф. И. Гордеев в своем устном заявлении. Э. Г. Беккер приводит этот географический термин в следующем виде: *Унджъ (ундж, унжа)* «ручей, речка, восстанавливающаяся после дождя» (Беккер 1970:171).

Исходя из сказанного и соглашаясь в принципе с В. В. Кузнецовым, название села Шоруньжа можно перевести как «Болотная речка». Что же касается названия *Илля*, упоминаемого в экономических примечаниях, то оно также является гидонимом, ср. р. *Ил* на территории Удмуртии и мокша-мордовское *ляй* река.

д. Шаплак

В Шойбулакском сельсовете Медведевского района Марийской АССР имеется две деревни: *Малый* и *Большой Шаплак*. Что же это значит? Нам ясно только одно, что эти названия деревень отгидронимные, ибо в том же Медведевском районе имеется речка *Шапинка*, впадающая слева в Большую Кокшагу, на которой расположены две деревни: *Большие* и *Малые Шапы*. На марийском языке все эти названия звучат следующим образом: *Изи Шаплак* (Малый Шаплак), *Кугу Шаплак* (Большой Шаплак), *Изи Шап* (Малые Шапы), *Кугу Шап* (Большие Шапы). Кроме того, в 22-х километрах от г. Йошкар-Олы находится озеро *Шап*. Озеро *Шап* имеется также в Архангельской области около Холмогор. А в Прионежском районе Карельской АССР имеется река *Шапша*. В Кировской области есть деревня *Шапта*, которая расположена в Яранском районе. Таким образом, ареал распространения гидронима *Шап* весьма широк. Очевидно, его же вариантом является компонент *Сап* в названии деревни *Ключи Сап* в Арском районе Татарской АССР и деревни *Сапуньжа* (по марийски *Шап Унчо*) в Моркинском районе Марийской АССР.

62573

В свое время мы гидроним *Шап (Сап)* сравнивали с удмуртским словом *шап* «бойкий, расторопный» (Галкин 1985:70, 78). Однако употребление его как лимнонима, т. е. в качестве названия озера, а не только реки делает наше раннее предположение неверным. Да и ареал его распространения очень широк. Вернее, по-видимому, сравнивать гидроним *Шап (Сап)* с хантыйским апеллятивом *сап* «ручей, являющийся протоком между озерами или реками». Это легко объясняет, почему одно и то же слово употреблено для обозначения реки и озера. Чем же в таком случае является второй компонент *-лак* в ойкониме *Шаплак?*

В экономических примечаниях XVIII в. сказано, что деревня *Шаплак* находится «близ речки Шапы по правую сторону», в ней тогда было 6 домов. И здесь мы не находим объяснения топоформанту *-лак*. В марийском языке нет подобного слова, обозначающего какой-либо водоем, тем более речку. Однако название центра сельского совета с. *Шойбулак*, расположенного в двух километрах от Большого Шаплака, наводит нас на мысль о том, что и в названии *Шаплак* топоформант *-лак* яв-

МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ляется ничем иным как тем же топоформантом *-булак,* возникшим из тюркского *булак* «источник, родник, ручей», ср. тат. *Болак* «речка, ручеек, ручей» и речку *Булак* в г. Казани. Поэтому, на наш взгляд, есть все основания топоним *Шаплак* выводить из *Шап+булак* «речка, ручей Шап». В марийском языке произошло выпадение первого слога *бу-* слова *булак* из-за отсутствия фонемы *б* и стяжения. Деревня Малый Шаплак имеет второе чисто марийское название *Шопкела,* что означает «Осинник». Название дано по характеру местности.

д. Пеленгер

Деревня расположена в 8 километрах от с. Шойбулака Медведевского района Марийской АССР, по-марийски называется *Пыленгер.* Название явно отгидронимное, о чем говорит формант *енгер (енгер),* что соответствует марийскому *энгер* «река, речка». Кроме того, в экономических примечаниях Царевококшайского уезда за 1793 г. указана река *Пеленгер,* хотя деревня под таким названием не указана. Возможно, она в то время была выселком из деревни Шаплак, ибо из этой деревни названы два выселка: первый в 1 дом, второй — в 5 домов. Деревня же Шаплак, по всей вероятности, ныне называется Малым Шаплаком, так как Большой Шаплак в то время назывался Шоплаком и имел 13 дворов и 3 выселка, названия которых не указаны.

Что же означает топооснова *Пеля-, Пыля-*? В современном языке подобного слова не обнаружено, кроме *пыл* «облако». Но оно вряд ли может стать топоосновой названия речки: здесь надо искать другое объяснение. В связи с объяснением происхождения названия *Билямор (Пылямарий)* мы отмечали, что топооснова *Биля (Пыля)* домарийская и по своей структуре состоит из *Пы* (ср. *Пу*) и речного суффикса *-ля,* восходящего к слову со значением «река, овраг с источником» (Галкин 1985:33). Но если учесть, что само слово, обозначающее реку, первоначально имело значение «течение, текущий», ср. русское река и ручей (Фасмер 1971:464), то надо думать, что топоформант *-ля* из *ляй,* ср. морд. *лей, ляй* «река», тоже сначала мог означать «текущий, льющийся», т. е. «источник» и, возможно, одного происхождения с праславянским **lěja, leji* ср. украинское диалект-

ное *лея* «половодье, разлив речки (весной и после сильных дождей)» (ЭССЯ, 14:187) и литовским *leju* «лить» (Фасмер 1967:504).

Топооснову же *Пы-*, на наш взгляд, надо считать весьма древней, восходящей к финно-угорскому наследию, имевшему первоначальное значение «вода», а затем и «река». Э. Мурзаев отмечает в самодийских языках *Би, бу, бы* «вода, река» (Мурзаев 1984—84). По-видимому, марийская топооснова *Пы-* восходит к одному источнику с этими словами, о чем говорит марийское название *Буй-Пу вуд*, т. е. букв. «вода Пу». Таким образом, название речки *Пеленгер (Пыленгер)* состоит из *Пы* «вода+*ле* (из лей) «течение»+*энгер* «речка».

д. Пичурга

Под таким названием существовал дом лесной охраны в Звениговском районе Марийской АССР, ныне в Административно-территориальном делении республики подобный населенный пункт не числится. Название образовано путем сложения двух марийских слов *пич* «глухой» и *шӱргӧ* «лиственный лес». Здесь произошел переход согласного *ш>ч* на русской почве, ср. д. *Панчурга* в Кикнурском районе Кировской области, которая по-марийски называется *Пӓмшӹргы*, т. е. *Пӓм* — гидроним+*шӹргы* «лес».

д. Шуленгер

Этот ойконим находится в Шахунском районе Горьковской области. По-марийски он звучит *Шуленгер*. Ойконим состоит из двух частей: *Шул<Шуля+энгер*, где *Шул<Шуля* гидроним, состоящий также из двух элементов: *Шу* «вода»+*ля<ляй* и *энгер* «речка, река». *Шуленер*, таким образом, означает «речка Шуля». Речка *Шуля* имеется и на территории Марийской АССР, ср. *Шуля* в Советском районе (Галкин 1985:27).

д. Купенгур

Под таким названием расположена деревня в Шарангском районе Горьковской области. Название это явно марийское, оно состоит из марийского *куп* «болото» и *энгер* «река, речка». В официальном наименовании про-

изошел переход гласного *е>у* во втором слоге слова *энгер* «река, речка» на русской почве. Ойконим означает «болотная речка».

д. Ендур

Официальное название этой деревни топонимисту может сообщить лишь то, что оно не русского происхождения, его конечный компонент находит соответствие в марийском и удмуртском языках: мар. *тӱр, тыр* «край», удм. *дур* «край», удм. *дур* «край». Деревня эта находится в Кикнурском районе Кировской области и по-марийски называется *Ердыр*. Марийское название состоит из двух частей: *ер* «озеро» и *тӱр, тыр* «край» и очень убедительно доказывает, что оно действительно марийского происхождения, ибо сама деревня расположена недалеко от озера. В официальном названии произошел переход согласного *р* в *н* перед переднеязычным согласным *д* на русской почве. В марийском же варианте ойконима гласный *ӱ* из финно-угорского *у* редуцировался позже на диалектной основе, о чем говорит его официальный вариант.

д. Тунемер

Эта деревня расположена в Шарангском районе Горьковской области. Её название, надо полагать, марийского происхождения и состоит из двух самостоятельных марийских слов: *тумо* «дуб» и *энгер* «река, речка».

В официальном названии на русской почве произошла метатеза *Туменгер>Тунемер*. Исходя из предполагаемого марийского варианта, можно восстановить истинное значение названия: «Дубовая речка» или «речка, на берегу которой растут дубы».

д. Изидор

Деревня расположена в Кикнурском районе Кировской области на берегу реки Люя. Название деревни чисто марийское. Оно состоит из двух частей: *изи* «маленький» и *дор<тор* «черный лес, чернолесье». Таким образом, название деревни *Изидор* означает «Маленький черный лес», т. е. «маленький хвойный лес». Слово *тор* «черный лес» И. Г. Иванов правильно находит и

в названии деревни и села в Марийской АССР *Торъял* (Новый Торъял и Старый Торъял) (Иванов 1978:15).

д. Шунгунур

Ойконим находится в Большеройском сельсовете Шурминского района Кировской области. Самой деревни в настоящее время нет. У нее параллельно существовало другое название Шамша, которое отмечалось и в «Списке населенных мест Вятской губернии по сведениям 1859—1873 годов».

Шунгунур — название марийского происхождения, состоящее из двух самостоятельных слов: *Шунго* и *нур*. Вторая часть этого сложного слова имеет соответствия во всех марийских диалектах: *нур, ныр* «поле», первоначально «поляна» (Галкин 1985:46, 67).. Что же касается первого компонента *Шунгу*, то он несомненно представляет марийское слово л. *шунго, шӱнга* «кочка». Об этом же говорит марийское название деревни *Высокая Грива* (по-марийски *Кӓрмӓн* в Кикнурском районе Кировской области, что переводится на русский язык буквально «Крепостной холм, крепостная грива»). В официальном же названии деревни слово «крепостной» заменено лишь словом «высокий».

Деревня *Шунгунур* была расположена на правом берегу речки Ройка, поэтому есть все основания считать, что это название первоначально означало «Поле или поляна на холме или гриве», а деревня, расположенная на этой гриве, естественно, была названа по названию местности. Второе название этой деревни не марийского происхождения, оно, очевидно, отгидронимное, где *Шам* гидроним и *-ша* топоформант (Галкин 1985:12). Название, нужно полагать, древнее названия Шунгунур.

д. Ошкаты

Деревня расположена в Тоншаевском районе Горьковской области. Ее название произошло от названия леса, который когда-то был рядом с деревней и лес этот состоял из осокорей. Название состоит из двух слов: *ошкы, ошко* «осокорь» и *аты, ото* «роща, лес». У тоншаевских марийцев слово *аты* означает «лес». Поэтому есть все основания ойконим *Ошкаты* переводить на русский язык «осокоревый лес».

с. Параньга

Мы писали, что это название возникло из гидронима *Поранча* (Галкин 1985:64), но не объяснили происхождение самого гидронима, который в настоящее время совпадает с названием самого села: *Параньга*. Этот вариант возник несомненно гораздо позже из того же самого *Поранча* на русской почве по аналогии с другими речными названиями на *-га, -ка:* р. *Шулка,* р. *Манага* и т. д.

Что же представляло собой название *Поранча?* По нашему мнению, это название древнеудмуртского происхождения и состоит из топоосновы *пор,* что на удмуртском языке означает «мариец, мари», к этой топооснове присоединен словообразовательный суффикс *-ан,* который сохранился в коми языке, ср. *яран* «ненец», *туган* «вершина» и т. д. (Туркин 1985:5). К основе с словообразовательным суффиксом присоединился топоформант *-ша,* который на русской почве дал вариант *-ча,* ср. *Панчурга, Вонча* и др. Первоначально, по-видимому, гидроним имел форму *Паранщу* или *Поранша* и имел значение «марийская речка», ср. д. *Одинерь* из марийского *Оденгер<Одо* «удмурт»+*энгер* «река, речка». О том, что древнеудмуртский язык знал в гидронимии суффикс *-ан,* прекрасно свидетельствует речка *Шуранка,* зафиксированная в «Списке населенных мест Вятской губернии по сведениям 1859—1873 годов». В этом гидрониме топоосновой является *шур,* что по-удмуртски означает «река», *-ан* — словообразовательный суффикс, *-ка* — уменьшительный суффикс русского происхождения, ср. *Ройка, Уржумка* и т. д. В Уржумском районе Кировской области есть деревня большая *Шуран,* где отсутствует суффикс *-ка,* встречающийся обычно в гидронимах.

д. Панчурга

Данный ойконим находится в Кикнурском районе Кировской области. На марийском языке это название имеет несколько иное звучание: *Пӓмшӹргы.*

Нет сомнения в том, официальное название деревни представляет собой фонетический вариант марийского названия, возникшего позже на русской почве, ср. *Пичурга* (см. стр. 19). Марийское же название состоит

из двух частей, некогда и в марийском языке представлявших самостоятельные слова: *Пӓм* название речки и *шӹргӹ* «лес, обычно лиственный». В. Кузнецов этот гидроним сравнивает с хантыйским *пам*, мансийским *пум, пам* «трава» (Кузнецов 1985:17). В хантыйском языке это слово имеет еще диалектный вариант *пом* «трава», «сено» (Терешкин 1981:338).

п. Чекманур

В «Административно-территориальном делении Марийской АССР» за 1952 год в Тоштояльском сельсовете Параньгинского района отмечен починок *Чекманур*. В настоящее время этого починка нет. В экономических примечаниях за 1793 год этот починок назван *Чикменур*. Он состоял из одного дома и двух жителей мужского и женского пола. Очевидно, это были муж с женой.

Название это чисто марийское, оно состоит из двух самостоятельных слов: *Чыкма, цикма* «частокол»+*нур* «поле, поляна», т. е. «поле, поляна с частоколом». Фонетические варианты *Чекманур* и *Чикманур* возникли на русской почве из-за отсутствия в русском языке редуцированного гласного *ы*.

п. Ургакш

В Советском районе Марийской АССР расположены три населенных пункта под наименованием *Ургакш* — это д. *Новый Ургакш*, дер. *Старый Ургакш* и поселок *Ургакш*. Все они входят в Ургакшский сельсовет. На марийском языке в настоящее время звучат следующим образом: *У Ургаш, Тошто Ургаш* и *Ургаш*. Названия этих населенных пунктов возникли путем перенесения названия речки на населенные пункты, расположенные на её берегу. Что представляет собой название речки *Ургакш (Ургаш)* при помощи марийского языка объяснить невозможно. Мы можем лишь сказать, что конечный элемент гидронима *-кш*>*-ш* является марийским уменьшительным суффиксом, ср. *ер* «озеро» — *ераш*< *еракш* «озеро». Кроме того, в Горьковской области имеется река *Урга*, которая впадает в реку Сура с левой стороны. Несомненно гидронимы *Урга* и *Ургакш* генетически взимосвязаны. По-видимому, гидроним. *Урга* очень древен и относится в один класс с гидронимами

на *-га* (Галкин 1987:22). Ф. Гордеев сравнивает его с латышским урга «ручей» (См. ниже).

д. Шашкаенер

По-марийски эта деревня называется *Шашкеҥер*. Она расположена в 18 км. от п. Советский в Алексеевском сельсовете. Деревня носит название речки *Шашка* по-марийски *Шашкэҥер*. В недалеком прошлом в этих местах существовал дом лесной охраны, носивший также название речки *Шашка*. Он так и назывался *Шашка*.

В гидрониме мы имеем марийское слово *шашке* «норка». Таким образом, как гидроним, так и возникший от него ойконим *Шашкеҥер* означает «норковая речка, т. е. речка, где водятся норки».

д. Маскародо

Деревня расположена в Верх-Ушнурском сельсовете Советского района Марийской АССР. Название этой деревни чисто марийское. Оно состоит из двух самостоятельных слов: *маска* «медведь», *родо* «родня; родственник; родство». Название дано, по всей вероятности, по имени родоначальника первопоселенцев этой деревни. Надо думать, что в древности у марийцев существовали различные зоонимные названия родов, возможно, даже и личные имена. *Маскародо*, на наш взгляд, первоначально означало «Род медведя», но никак не «родственник медведя».

д. Семейкино

Так называется русская деревня в том же Верх-Ушнурском сельсовете Советского района Марийской АССР. Это официальное название деревни несомненно восходит к фамилии русского поселенца *Семейкин*, возникший от *Семейка* — уменьшительного имени от *Семен* (Веселовский 1974:284).

У этой деревни есть второе название, оно чисто марийское: *Келесола*. Это название возникло от имени первопоселенца-марийца *Келей+сола* «деревня, поселение», *Келесола*, таким образом, означает «Келеево поселение». Имя *Келей* было присуще марийцам не так давно (Черных 1978:91).

д. Немецродо

Так называется официально небольшая марийская деревня в Верх-Ушнурском сельсовете Советского района Марийской АССР, марийское же её название *Немыч*. Название, как и Маскародо, дано по имени родоначальника, первопоселенца этой деревни. Такое имя было распространено и среди русских в XV—XVII вв., ср. *Немец* Андрей Тимофеевич Крюков (Веселовский 1974:217), так называли обычно приезжих западноевропейцев, но не обязательно германца до Петровской эпохи (Федосюк 1972:132). У марийцев также подобное имя было в обиходе: *Немеч, Немич, Немач* (Черных 1978:97).

В неофициальном названии этой деревни произошла утрата второго компонента *родо* позже.

д. Шургумал

А «Административно-территориальном делении Марийская АССР» за 1952 год отмечены 4 деревни с подобным названием: *Шургумал* (по-марийски *Шӱргыйымал*), *Русский Шургумал* (по-марийски *Руш Шӱргыйымал*), *Средний Шургумал* (по марийски *Покшел Шӱргыйымал*), *Малый Шургумал* (по-марийски *Изи Шӱргыйымал*). *Русский Шургумал* имеет еще название *Большой Шургумал* (по-марийский *Кугу Шӱргыйымал* или *Макар сола*), а *Малый Шургумал* — по-марийски имеет второе название *Опанас сола* (Куклин 1985:183).

Происхождение названия *Шургумал* легко объясняется из марийского его варианта: *шӱргӧ* «лиственный лес»+*йымал* «низ, под», т. е. «деревня под лиственным лесом или около лиственного леса», т. е. «Подлесье». Опредедения *Русский, Большой, Малый* указывают на величину поселения и состав его населения. Вторые названия с определяющей частью *Макар* и *Опанас* возникли от имен первопоселенцев этих деревень. Все эти деревни расположены в Советском районе Марийской АССР.

д. Люперсола

Деревня находится в Шуарсолинском сельсовете Советского района Марийской АССР. Марийское современное название *Нӧлпер*. Официальное название состоит

из двух марийских слов: *лӱльпёр* «ольховник» и *сола* «деревня, село», т. е. «Ольховка». В экономических примечаниях за 1793 г. в этой деревне отмечено 30 дворов с 192 жителями.

д. Лайсола

Как официальное, так и неофициальное названия совпадают. Происхождение этого названия А. Куклин в принципе объясняет правильно. По его мнению, оно состоит из собственного имени *Лай* и *сола* «деревня, село» (Куклин 1985:181). Уже в экономических примечаниях за 1793 год эта деревня насчитывала 15 крещенных и 4 некрещенных крестьянских двора, в которых проживало 74 человека мужского пола и 59 человек женского пола. Собственное имя *Лай,* по-видимому, представляет собой ласкательную форму от русского имени *Владимир*, ср. *Лайуш* «Володя».

ЛИТЕРАТУРА

Беккер Э. Г. 1970, О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири|Языки и топонимия Сибири. Т. II— Томск.

Веселовский С. В. 1974, Ономастикон — Москва.

Галкин И. С. 1985, Тайны марийской топонимики.— Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1987, Древнейшие пласты Марийской топонимики // Вопросы марийской ономастики. Вып. 6.— Йошкар-Ола.

Иванов И. Г. 1978, Топонимические этюды (о названиях некоторых районов Марийской АССР // Вопросы марийской ономастики. Вып.— 1.— Йошкар-Ола.

Казанцев Д. Е. 1985, Формирование диалектов марийского языка.— Йошкар-Ола.

КБЧ — Книга большому чертежу, 1950. Москва.

Кузнецов В. В. 1985, Названия населенных пунктов Волжского района Марийской АССР (историко-этимологический анализ) // Вопросы марийской ономастики. Вып. 5.— Йошкар-Ола.

Кузнецов В. В. 1987, Названия населенных пунктов Моркинского района Марийской АССР (историко-этимологический анализ) // Вопросы марийской ономастики. Вып. 6.— Йошкар-Ола.

Куклин А. Н. 1985, Названия физико-географических объектов Марийской АССР (с комментариями) // Вопросы марийской ономастики. Вып. 5.— Йошкар-Ола.

Мурзаев Э. М. 1984, Словарь народных географических терминов. Москва.

Список населенных мест Вятской губернии по сведениям 1859—1873 годов. С.-Петербург.

Терешкин Н. И. 1981, Словарь восточно-хантыйских диалектов.— Ленинград.

Туркин А. И. 1985, Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики.— Таллин.

Туркин А. И. 1986, Топонимический словарь Коми АССР.— Сыктывкар.

Фасмер М. 1967, Этимологический словарь русского языка. Т. II.— Москва.

Фасмер М. 1971, Этимологический словарь русского языка. Т. III.— Москва.

Черных С. Я. 1978, Марий калыкын ең лӱмжӧ-влак // Вопросы марийской ономастики. Вып. I.— Йошкар-Ола.

ЭССЯ 1987, Этимологический словарь славянских языков, т. 14.— Москва.

В. И. Вершинин

О НЕКОТОРЫХ МАРИЙСКИХ ОЙКОНИМАХ ПРИКАМЬЯ

Работ, специально посвященных марийским топонимам смежной зоны северо-восточной части Татарии и юга Удмуртии, где и в настоящее время проживает марийское население, пока очень мало. Из них можно отметить статью проф. Л. Ш. Арсланова «Марийский пласт в топонимии Елабужского района Татарской АССР», где рассматриваются ойконимы и гидронимы Айталан, Атиаз, Актазик, Ахтиял, Дюм-Дюм, Кокшан, Куклюк, Элнет, Юраш, Псеево, Текашево. Работу в плане изучения марийской топонимии следует признать очень полезной, но все же она требует отдельных уточнений. Автор правильно сомневается относительно связи широко распространенных в этой части Прикамья топонимов *Юраш, Юрашка* с чувашским антропонимом *Юрас, Юраш,* однако в статье не учтено то, что в речи местных мари эти названия всегда звучат как *Йывраш* или *Йывыраш,* вариант этот указывает на связь с ойконимом *Юбрашъ,* Брюшли тож, при речке *Юбрашъ* (ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 3, л. 7). Очевидно, в этимологизации названий *Дюм-Дюм, Тюмтюм,* мар. *Тӱмтӱм,* объясняя их от гидронима *Тум* при мар. *тум, тумы, тумо* 'дуб', и *тӱҥ* 'устье', более прав проф. И. С. Галкин (1985:74), чем автор рассматриваемой статьи, возводящий Дюм-Дюм к мар. *тумо* 'дуб'+*тӱҥ* 'комель, основание дерева, комлевый'. При рассмотрении ойконима *Псеево,* тат. *Пысай,* не учтен марийский вариант *Пси, Пси ял,* к тому же в речи местных мари нет слова *писе* 'быстрый и т. д.', а есть *пӱсӧ* 'острый; толковый'. Не исключена связь с названиями: *Письма, Писинер, Письминер* Марийского края.

В предлагаемой же статье делается попытка дать историко-этимологический анализ части марийских ойконимов Нижнего Прикамья, её объём не позволяет рас

смотреть все географические названия, используемые в своей речи местным марийским населением.

Варале

Официальный вариант Варали — русская плюрализованная форма от мар. *Вара·л'е,* в документах: поч. Варалей по рч. Варали. В речи местных удмуртов: *Варад'и·,* татар — *Варайлы·*. Деревню основали в 1817 году сразу 7 семей, прибывших из с. Ниж. Иж-Бобья «на лес» (Материалы по статистике Вятской губернии за 1892 год), поэтому объяснять этот ойконим от личного имени Варалей или Варалий, заимствованного из русского языка (Гордеев 1983:45), вряд ли возможно, к тому же среди местных мари не зафиксированы имена Варалей, Варалий, нет и фамилий Варалиев, Варалеев или Вараулин, от антропонима деревня называлась бы Варалиево, Вараулино или же Варалеев починок. В Можгинском р-не УАССР, в 20 км от д. Варали, существовал русский починок Новые *Варали* — также без форманта *-ево, -ино, -иха.* Кроме того, д. Варали стоит на берегу речки *Варали,* очевидно, группа марийских семей сначала определила или дала название речке, а не несуществующей еще деревне. По преданию, предки местных мари пытались обосноваться до этого в нескольких местах, прежде чем выбрать эту местность. Вполне вероятно, прибывшие на жительство могли узнать название речки от живших в округе марийцев или удмуртов. В этом же Алнашском р-не, где расположена д. Варали, есть гидронимы *Варага, Варзинка,* а в других районах УАССР — *Варыж, Варавай, Варзи.*

Тем не менее, не исключено, что Варале — название марийского происхождения: недалеко от г. Елабуга есть русское село Бехтерево, в прошлом — Сарали, мар. *Сара·л'е,* хотя там нет марийских селений, но прикамским мари была хорошо известна гора близ с. Сарали, она называлась ими *Патыр курык* 'Гора Богатыря' (срыта в результате добычи руды), и точно так же называется марийцами холм близ д. Варали, где в прошлом, очевидно, также велась добыча медистого песчаника. Парное название *Патыр курык* могло возникнуть только одновременно, поскольку оно связано с легендой о великане, вытрясшем из своей обуви набившуюся туда землю, отчего якобы и образовались холмы. Топонимы

Варале и Сарале связывает и одинаковое окончание *-л'е,* которое может быть и топоформантом — в Марийском крае есть гидронимы с *-ле, -л'о, -ля.* Топооснова же *вара-* может быть связана с мар. уст. *вар* 'склон горы, возвышенность, поросшая лесом', наличие которого в прошлом предполагается на основе марийских топонимов *Варангуж/Варанғыш* и *Тосурт варш* (Галкин 1982:13, 14). По словам местных жителей, в д. Варали, расположенной под значительными склонами, не бывает сильных ветров. В то же время не менее реальна и возможность удмуртского происхождения топонима *Варале/Варади,* поскольку, как указывалось выше, в Удмуртии есть названия рек с *Вар-,* ср. также удм. *выр, выр-йыл* 'возвышенность, холм, насыпь', слово это в прошлом могло иметь фонетический облик **вара,* кроме того, на холме близ д. Варали удмуртское население многих деревень устраивало языческие моления.

Йӱле

Недалеко от с. Ильнеть, мар. Элнет, была деревня, называвшаяся *Йӱле·,* которая исчезла, как считают местные мари, не менее ста лет назад. Так же называется марийцами д. Чигайка Кукморского р-на ТАССР. В Прикамье есть и другие идентичные названия: близ д. Мари-Гондырево лесная поляна местными марийцами называется *Куго Йӱле,* около д. Усть-Сакла Каракулинского р-на УАССР — овраг *Йӱленгер корем<Йӱле энгер* 'речка' и *корем* 'овраг'. Многочисленны ойконимы Юледур, мар. *Йӱледӱр* от *йӱле+тӱр* 'край, окраина' в Марийском крае.

Этимология топонимов и микротопонимов с *йӱле* ясна, это устаревшее слово связано с мар. *йӱлаш* 'гореть', к основе этого глагола присоединялся суффикс *-е,* ср. мар. *иле·* 'сырой, не высохший, не засохший и т. д.', *коле·* 'мертворожденный, мертвый' при мар. *колаш* 'умереть', *шуэ·* 'редкий; редко' при мар. диал. *шуйыл* 'то же' с суффиксом *-ыл.* Таких слов немного, а это говорит о том, что *йӱле·* — слово довольно древнее, оно могло иметь значение 'горелый, сгоревший, выгоревший' с последующим семантическим сдвигом 'гарь, горельник, поляна, образовавшаяся в результате лесного пожара'. В словарях же зафиксирована лексема *йӱлем* 'гарь, горелое место' (МРС 1956:157). Однако вариант *йӱле·м,*

скорее всего, имел значение несколько иное: 'пожога, подсека'. На это указывает уже забытый микротопоним *Микулка·н йӱле·м* — название местности около д. Большая Ерыкса, возникшая по той причине, что корчевкой леса занимался нанятый русский батрак Микулка. Близ д. Каменный Ключ, мар. Кӱанеҥер, что в Агрызском р-не ТАССР, есть овраг *Йӱлем корем*. Можно утверждать, что *йӱле* и *йӱлем*, хотя и произошли от одной глагольной основы, однако же были словами с несколько отличными значениями.

Йыгра

Так марийцы называют д. Карманково Менделеевского р-на Татарии. Недалеко от нее протекает река Юрашка, мар. *Йывраш, Йывыра·ш вӱд*, удм. *Йыраш*, тат. *Юраш*. Очевидно, нет смысла отрывать друг от друга названия *Йыгра·* и *Йывраш*, звукосоответствие *г≈в* вполне объяснимо, ср. офиц. *Логанер* и мар. *Ловеҥер* в Советском р-не МАССР, мар. *шугынь* и *шувын* 'дубина' и т. д., окончание *-аш* также объяснимо на материале марийского языка, ср. гидронимы *Нолька* и *Нолгаш, Арбаш, Арбакш* при названиях *Арбанка, Арбинь* в Марийском крае, правда, *-аш* в топониме *Йывраш* мог появиться и под влиянием марийского мужского личного имени *Йывраш* (Черных 1978:90). О былом проживании марийцев на берегах рек Юрашки и Юраш говорят названия их притоков *Муктумер* (левый — р. Юрашка) и *Чекчемир* (правый — р. Юраш).

Думается, что топонимы Йыгра и Йывраш связаны с удмуртскими микроэтнонимами *Егра, Игра, Евгра*, при этом не совсем понятно, почему удмуртский вариант гидронима Юрашка/Йывраш — *Йыраш*, а находящаяся недалеко д. Старая Игра местными удмуртами называется *Вуж Эгра*. Очевидно, как офиц. Юраш, Юрашка, так и тат. Юраш, удм. Йыраш от мар. *Йывраш*, последний вариант, скорее всего, от *Йувраш*, судя по зафиксированным топонимам *Юбрашъ*. Удмуртские же родовые названия *Егра* и т. д. связывают с обскими уграми.

Что касается офиц. *Карманково*, тат. *Карман авылы*, то они вряд ли от мар. уст. *карма·н* 'крепость', поскольку маловероятно, что на месте деревушки Карманково когда-либо была крепость, скорее от марийского мужского личного имени *Карман* (там же, с. 91), на это ука-

зывает и однотипность отантропонимных ойконимов *Ашпайково* от *Ашпайка, Ашпай, Мишкино* от *Мишка, Михаил, Ерофейково,* мар. *Йоропин, Митькино,* мар. *Митькан* от *Митька, Дмитрий* и т. д., поскольку в прошлом царские чиновники в отношении простых людей чаще всего употребляли имена в их уменьшительно-принизительных вариантах: Гаранька, Абдулка и т. д. Таким образом, *Карманково*<рус. *Карманка*<мар. *Карман* — личное имя, ср. др.-рус. соб. имя Корманъ и русские фамилии Кормановский, встречающиеся в Марийской АССР.

Йырсе

Речка Ерыкса, протекающая по Граховскому р-ну УАССР и по Менделеевскому — Татарии, местными марийцами называется *Йы·рсе вӱд,* фолькл. также *Йы··рыксе вӱд.* От этого гидронима — ойконимы Большая Ерыкса, мар. *Йырсе, Куго Йырсе;* Малая Ерыкса, ныне же: с. Ильнеть; д. Верхние Выселки, ранее, по документам, выселок из д. Большая Ерыкса Второй (Верхний), марийцами называется *Изе Йырсе,* т. е. Малая Ерыкса, выселками из д. Большая Ерыкса считаются и Нижние Выселки, ранее: Выселок из д. Большая Ерыкса Первый (Нижний), мар. Ямаслонгго, ныне официально входит в состав с. Ильнеть, а также д. Тайшинерка, мар. Шӱргӧ, исчезла в 60-ых годах нашего столетия. Вариант *Йырсе* от *Йырыксе* появился сравнительно недавно, поскольку сарапульские марийцы, проживающие несколько восточнее, продолжают употреблять полную форму *Йырыксе.*

Название Ерыкса в Прикамье имеет широкое распространение: есть р. *Ерыкса* в Мамадышском р-не ТАССР, в документах зафиксированы *Верхняя Яръ икса* по рч. Ай шур в 65 верстах от Елабуги, д. Мунайка при рч. *Ерыкса* в 19 верстах от этого же города, д. Сетякова, Максимовка на рч. *Ерыкса,* д. Илькино на рч. *Ерыкса* — в 30, 25 и 16 верстах от Елабуги. Речку Возжайку марийцы д. Мари-Гондырево и поныне называют *Йырсе вӱд,* т. е. р. Ерыкса, можно отметить, что и в документах Возжайка иногда называлась рч. Малая Ерыкса, интересно, что эта река у проживающих на ее берегах марийцев имеет три названия: *Йырсе вӱд, Возжай вӱд* и *Памашенгер.*

При этимологизации топонимов *Йырыксе — Ерыкса — Ярикса — Ярыкса* выделяется компонент *-икса*, ср. мар. *икса·* 'протока'; речной залив', слово у прикамских мари уже почти забыто, лишь в некоторых деревнях *икс'а* сохраняется со значением 'узкий залив, чаще при впадении малой реки в большую, где удобно ловить рыбу'. Автору этой статьи в с. Ильнеть также удалось зафиксировать название исчезнувшего островка длиной в 10 метров на р. Ерыксе — *Икча·*. Нет сомнения, что название *Икча* сначала относилось не к островку, а к протоке — рукаву реки, однако вряд ли оно имеет прямое отношение к появлению гидронима Ерыкса — островок мог появиться сравнительно недавно и, скорее всего, просуществовал недолго, к тому же в *Йырыксе* представлен согласный *с*, в Икча — *ч*.

Поскольку в ранних документах зафиксированы варианты *Ярикса, Ярыкса, Яръ икса*, то вряд ли названия Йырыксе/Йырсе следует связывать с гидронимом Ировка, мар. *Йыр*, несмотря на то, что через с. Ильнеть, расположенное на берегу р. Ерыкса, протекает речка Ильнеть, мар. *Элнет вӱд* (в Марийской АССР Ировка-Йыр впадает в р. Илеть, мар. *Элнет*). Очевидно, правы местные жители, считающие, что часть их предков переселилась с нижнего Правобережья Вятки, где, кстати, протекает р. Ерыкса, идентичность же гидронимов Ерыкса в Мамадышском р-не ТАССР и Граховском р-не УАССР не вызывает сомнений.

Можно быть уверенным, что гидронимы Ерыкса — Йырыксе не появились на месте в Прикамье, а являются целиком перенесенными названиями, поскольку их можно связывать с гидронимами Марийского края *И·рыкша:* Большая Ирыкша с притоком Малая Ирыкша, мар. *Йы·рӹкшӹ, Йӹрӹ·ҥшӹ.* в бассейне р. Б. Кундыш, *Ирекша*, мар. *И·рӹкшӹ* — правый пр. р. Рутка, *Яри·кса*, вытекает из озера Когояры, все эти речки протекают в Килемарском районе, там же — реки *Икша·*, в Звениговском районе — р. *Икса·*, в Юринском — р. *Икса*, мар. *И·ксӓ*. Интересно, что и вблизи г. Москвы есть топонимы *Икша*. Гидроним *Рыкша* на севере Чувашии также может быть связан с названиями Ярикса, Ерыкса.

Таким образом, гидронимы *Йырыксе/Ерыкса*. Прикамья имеют связь с топонимами западной части марийской этнической территории, а варианты Ярикса, Ерыкса указывают на то, что первый компонент *Йыр* —

в *Йырыксе* — от мар. *йӓр* 'озеро', в котором гласный *-ӓ-* перешел в *-е-*, а затем, в гидронимах, в *ы, ы: Йы·рсе<Йырыксе<Йы·рыксӓ<Йе·рикс'ӓ<Йӓрикс'ӓ,* возможно, под влиянием мар. *йыр, йыр* 'кругом, вокруг; не напрямик, кружной'.

Это может означать, что какая-то часть предков прикамских марийцев в прошлом проживала на территории современного Килемарского района и вблизи нее, которая, очевидно, после этого населения, переселившегося в более восточные земли, стала заселяться марийцами с Правобережья Волги.

Кокшан

В Граховском р-не УАССР и Менделеевском — ТАССР протекает речка Кокшанка — левый пр. р. Ерыкса. В документах называлась также рч. Большой Кокшан с левым притоком Малый Кокшан у д. Новая Бондюга. В верховье р. Кокшанка расположена д. Кокшан — в УАССР, ниже, уже в ТАССР, пос. Новый Кокшан, в народе часто Кокшан, Кокшанский завод, Кокшан-завод, образован в результате постройки хромпикового завода 140 лет назад, еще ниже — д. Татарский Кокшан, основанный татарами из д. Камаево, тогда также Батыркул, 200 лет назад. В документах (ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 3, л. 141) указаны также: Кокшан или Бондюгский починок в 15 дворов, Кокшан Малый или Горский починок в 17 дворов [с. Новогорское], Кокшан на рч. Малой в 1 двор — в 1836 г. Следов прошлого проживания марийцев на берегах р. Кокшанки и её притока М. Кокшан не сохранилось, кроме самого названия *Кокшан.* Очевидно, ко времени появления русских новопоселенцев марийцы на берегах этих речек уже не проживали.

Все ойконимы, несомненно, от гидронима Кокшан, мар. *Кокшан вӱд,* тат. *Какшан суы,* перенесенного марийскими переселенцами с территории Марийского края, где протекают левые притоки Волги Большая и Малая Кокшага, мар. *Кугу Какшан, Изи Какшан,* и есть ойконимы от них Кокшайск, Кокшамары, Кокшамбал. Река Ветлуга также имеет притоки Большая Какша и Малая Какша, в этом случае *Какша* по своему фонетическому облику совпадает с гидронимом *Какшан* луговых

мари, в котором конечный согласный *-н* может усматриваться как форма родительного падежа слова *кокша* (Галкин 1985:45). От истока р. Б. Кокшага до истока реки М. Какша всего несколько десятков километров, поэтому вполне очевидно, что они общего происхождения, скорее всего, марийского, поскольку на территориях современного проживания удмуртов нет сходных по фонетическому облику гидронимов, кроме р. Кукша в бассейне р. Кырыкмас, где, впрочем, проживает марийское население. Следует считать маловероятным то, что предки удмуртов при переселении с берегов Б. и М. Кокшаги, а это довольно значительные реки, могли не перенести названия *Кокша* на свои новые территории. Очевидно, если предки удмуртов проживали в бассейнах этих рек, то имели для них иные названия.

В трех случаях: рч. Большой и Малый Кокшан в Прикамье, Большая Кокшага и Малая Кокшага, Большая Какша и Малая Какша — наличествует бинарная оппозиция типа «большая — малая», что свидетельствует о перенесенности некоторых из этих гидронимов Б. и М. Какша, мар. луговом *Какшан* и тат. *Какшан* гласный *о* перешел в *а* или в результате регрессивной ассимиляции, или делабиализации *о*, поскольку нет сомнения в том, что ко времени появления окающего в основном русского населения на берегах Б. и М. Кокшаги мар. *Кокшан* еще не приобрел облика *Какшан*, ведь местные русские четко различают в речи *о* и *а*, в случае же с *Б.* и *М. Какша* можно быть уверенным, что рус. *Какша* отражает местное марийское название *Какша*, в речи местных, северо-западных, марийцев луговому *о* часто соответствует *а*, напр., марЛ *кокша·* — мар СЗ *ка·кша* 'фурункул'. О первичности формы **Кокша* — свидетельствует *Кокшан* у прикамских мари, а также ряд топонимов на территории былого распространения финно-угорских племен: р. Кокшеньга Вологодской и Архангельской областей, на территории восточнее линии Рязань — Тамбов в документах отмечены: р. Кокша, оз. Кокша (Смолицкая 1976:233), реки Кокша и Кокша Малая — правые притоки р. Ока между реками Мокша и Теша (там же, с. 263), в нижнем левобережном Поочье — р. Кошка (там же, с. 200). Здесь можно отметить чередование сочетаний *ки≈ик*, что встречается и в названиях в сопредельных с Марийской АССР районах Кировской области: Какшинское, Кокши, Кашка-

нур, уст. Кокшаров и связанный с ним русский «микроэтноним» *кокшар,* ср. р. Кокшерка в МАССР, а также Кошкари — дважды, Кошки, Кошково, Кошкины — четырежды, последние вряд ли от прозвища Кошка. Скорее всего, все эти топонимы каким-то образом могут быть связаны с марГ *кашкы* 'быстрый, стремительный' — о течении реки, в других марийских диалектах сходное слово утеряно, переход же *-кш-<-шк-* вполне мог в большинстве гидронимов происходить под влиянием широко распространенного гидроформанта финно-угорского происхождения *-кша, -кса,* при этом, очевидно, необязательно видеть во всех гидронимах, оканчивающихся на *-кша,* исключительно гидроформант *-кша,* ведь и в марийском языке немало слов с *-кш* в составе корня: *пӱкш* 'орех', *куакш* 'мелкий, неглубокий', у которых конечный гласный, скорее всего, отпал. Звукосоответствие *кш/шк* не чуждо марийскому языку, ср. *йошкар, йокшар, якшар* 'красный', *кукшо* 'сухой' и *кошкаш* 'сохнуть' и т. д.

Финно-угроведами мар. *кашкы* сближается с коми *кось, коськ,* фин. koski, эст. kosk 'водопад, пороги', ср. также сев.-рус. *кошка* 'песчаная или из мелкого камня мель на взморье' финно-угорского происхождения. Действительно, камни на дне реки чаще бывают там, где течение быстрое, поэтому вполне возможен сдвиг в семантике 'быстрый — о течении' — 'быстрое течение' — 'каменистое дно; пороги, водопад'. При переносе же названий во время переселений характер новых географических объектов могли и не принимать во внимание, тем более, если смысл старых и привычных уже названий оказывался затемненным. Можно полагать, что часть финно-угров, например, предки марийцев, проживала только на равнинной местности Восточной Европы, поэтому в их диалектах слово, близкое к марГ *кашкы,* не могло означать 'пороги' или 'водопад', скорее, оно означало 'каменистое дно с быстрым течением'. Тогда *Какшан<Кокшан<Кошкан<Коскан* (ср. гидроним *Кокса* — правый пр. р. Уржумка в Мари-Турекском р-не МАССР) могло означать '(река) с каменистым дном' или же 'с быстрым течением'. Окончание же *-н* в этих гидронимах совпадает с формой родительного падежа, которая может служить указанием на наличие чего-л., ср. *кӱ* 'камень' и *кӱан* 'с камнями, каменистый'. Если это так, то слово, легшее в топооснову гидронима Кок-

шан, марийцам в прошлом было понятным, сам же гидроним имеет марийское происхождение.

Курчал

Марийскую д. Гришкино Мамадышского р-на ТАССР местные жители называют *Курча·л — от мар. курык* 'гора; горный'+*ял* 'деревня'. Расположена она на высокой террасе старой Вятки, изменившей свое русло. Возможно, искажением мар. *Курчал* является название марийской деревни *Курцем* в повести Н. А. Дуровой «Серный ключ», впервые напечатанной в 1839 году. В повести говорится, что деревня расположена не далее 80 верст от Елабуги, рядом — другая марийская деревня Бугры. Действительно, современные деревни Гришкино и Старый Черкас находятся примерно на таком же расстоянии от бывшего уездного центра и характер местности в значительной мере соответствует описанному писательницей. Однако название Бугры может быть неточной калькой мар. *Курыкъял,* ойконим же *Курцем* напоминает топонимы Марийского края Куржам, Куржум, Курчум, Курча. Поэтому нельзя полностью исключить мысль и о том, что название Курцем — не искаженное или же придуманное автором повести; т. е. мар. Курчал, Курыкъял может быть и переосмыслением ставшего непонятным ойконима Курцем. По словам местных жителей, недалеко от деревни когда-то поселился дед Гришка со своими сыновьями, от этого имени и образовалось ее официальное название Гришкино.

Кӱанеҥер

Официальное название — Каменный Ключ, не совсем точная калька с мар. *кӱан* 'с камнями' и *эҥер* 'речка'; тат. *Ташлы* 'каменный' передает лишь первую часть топонима. Деревня образовалась, по словам местных жителей, 200 лет назад в результате переселения из *Пови·* — с. Нижняя Иж-Бобья, из с. Киясово, мар. *Кийаса·* а также соседних марийских селений Кулегаш, мар. *Кӧлегеш,* Бима, мар. *Буймо, Вуймо.* Примечательно, что речка *Кӱанеҥер* не выделяется каким-либо обилием камней на ее дне или же на берегу, только в одном месте есть небольшое количество камней. В дореволюционных

документах указывались три населенных пункта Каменный Ключ — один выселок, жители которого переселились обратно, два же из них фактически составляли одну деревню, официально разделенную властями на «отдельные» деревни марийцев-христиан и язычников.

Моркемыр

Удмуртская деревня Байтуганово Граховского р-на УАССР местными марийцами называется *Морке·мыр*, удмуртами — *Муркемы·р*. На материале удмуртского языка это название трудно объяснить. Учитывая переход *у<о* в удмуртском языке — ср. рус. *Тойма*, мар. *Тоймо*, удм. *Туймы* — марийский фонетический вариант представляется первичным. Ойконим *Морке·мыр* возможно сближать с мар. *Моркеҥе·р*, офиц. Моркинер Сернурского р-на МАССР, *Моркеҥер*, офиц. Манкинерь, Уржумского р-на Кировской области. Различие в месте ударения вполне объяснимо на материале марийского языка, ср. мар. мест. *Шола·ҥгер*, офиц. ст. *Шеланге·р* от мар. *шоло* 'вяз, вязовый'+*эҥер*. А согласный *ҥ* переходит в *м* и на марийской почве, ср. *Маскиме·р корем<маска* 'медвежий'+*эҥер*+*корем* — название оврага близ с. Илнеть. Недалеко от д. Байтуганово есть рч. *Муктумер*, гидроним, скорее всего, от мар. *мӱктӧ* 'пескарь; мелкая рыба'+*эҥер*.

В топонимах *Моркемыр*, *Моркеҥер* не совсем ясен компонент *морк.-*; марийские топонимисты предполагают, что мар. *морко* происходит от слов *мор* 'курган, холмик'+*кӱ* 'камень'. Однако *морк-* в топонимах *Морки*, *Моркинер*, *Морканаш*, *Тыгыде Морко*, *Моркоял*, *Изи Морко*, *Оно Морко*, *Кукшеморка* (Зыковской волости Яранского уезда), возможно, также *Моркваши*, тат. *Моркваш* близ г. Елабуга, *Лесные Моркваши*, *Пустые Моркваши*, *Набережные Моркваши* недалеко от Казани не очень реально объяснять от слова, означающего 'курганный сторожевой камень', поскольку в низменном левобережье Волги почти нет высоких холмов, да и вряд ли было возможно высмотреть приближавшихся врагов с далекого расстояния в местности, покрытой лесом. Известно, что предки мари проживали и в Чувашском Правобережье, однако лишь в северной его части есть близкие по облику топонимы *Муркаш*, офиц. Моргауши, *Муркар*, офиц. Уразметево, хотя, казалось бы, стороже-

вые курганные камни и связанные с ними названия должны легче обнаруживаться там, где меньше лесов.

Ойконимы с основой *морк-*, скорее всего, образованы не очень давно, например, починок Морку в 1 двор зафиксирован лишь в 1678 году (Галкин 1985:55), вполне очевидно, к этому времени уже не было необходимости в сторожевых камнях. Труднодоказуемо и существование в прошлом слова *мор<мар* 'холм' в марийском языке. Вариант *Манкинерь* из приведенных примеров сильно отличается от мар. *Моркенер*, при этом трудно полагать, что *Манкинерь* искажает мар. *Моркенер*, не исключено, что марийский вариант есть результат народноэтимологического изменения ставшего непонятным названия *Манке энер*, ср. гидроним *Манага* в МАССР, слово же *морко* еще 2—3 столетия назад могло быть известно в некоторых марийских диалектах, судя по множеству топонимов с основой *морк-*, могло быть достаточно широкоупотребительной лексемой, возможно, со значением 'короткий, небольшой (по длине)', ср. в родственном удмуртском языке слово *мырк* 'с отломленной верхушкой, куцый и т. д.', марийское же соответствие *кӱчык* 'короткий' не является исконным словом. А в марийском языке исконной лексемы с семантикой 'короткий, небольшой по длине' не могло не быть, вполне возможно, она имела форму *морко*, ср. также компонент *-мырк* в ойкониме *Нальмырк* или *Нальмычаш*. офиц. д. Нальмучаш Килемарского р-на МАССР (Куклин 1985:141), мар. *мучаш* 'конец'; уст. и диал.: '(короткий) отрезок, отрез'.

Ныргындыш

Ныне эта деревня официально называется *Ныргында<*, но еще в ордере для Елабужского земского исправника за 1789 год последовательно указывается «деревня Ныргындыш» (ГАКО, ф. 582, оп. 2, ед. хр. 233). Через эту деревню протекает речка Ныргындинка, в документах также: Ныргындышка, вполне очевидно, что офиц. Ныргында — из мар. *Ны·ргындыш*, изменение звукового облика могло произойти под влиянием ойконима Чеганда, местные же мари всегда произносят *Ныргындыш*. В 1850-ом году выселенцами из д. Б. Ныргында была образована д. Малая Ныргында, жители которой переселились в Ныргынду.

Этимология ойконима и гидронима Ныргындыш не очень ясна. Население деревни объясняет их от мар. *нур* 'поляна, поле' и *кинде* 'хлеб', что трудно принять по семантическим соображениям. Несколько более вероятна мысль о том, что топоним *Ныргындыш* образован сложением двух гидронимов, такие ойконимы в Марийском крае встречаются: Сапуньжа, мар. *Шап Унчо,* Шоруньжа, мар. *Унчо,* Немда-Обалыш, мар. *Овалже,* Уржумноля, мар. *Вӱрзымнольо.* В этом случае компонент *Ныр-* в Ныргындыш можно сопоставить с топонимами *Нурда, Нурма, Нуринер* в МАССР, *Ныр, Нурминка, Нургушский* в Кировской области, а *-гындыш* — с марийским гидронимом *Кундыш.* Однако в этом случае приходится признавать первичность ойконима *Ныргындыш.*

Представляется, однако, что топоним Ныргындыш в плане семантическом гораздо более приемлемо объяснять через мар. *ныргеˑзе (ныжгеˑр, ныгер)* 'заросли молодой пихты, ели, пихтово-еловый подрост', хотя при этом не очень ясен вопрос с компонентом *-ндыш,* но всё же ср. названия марийского происхождения *Пиля* и *Пиляндыш* Уржумского р-на Кировской области.

Памашеҥер

Деревня Актазики Менделеевского р-на ТАССР, ранее в документах: д. Актазикова или Помашенер, удмуртами называется Актачиˑк, татарами — *Актайыˑк,* марийцами — *Памашеҥеˑр,* нередко также *Памшемеˑр, Паҥшемеˑр.* В местных марийских говорах *памашеҥеˑр* означает 'ручей, ручёк от ключа', например: *Одо Вожайыште энер уке, памашэнер гына* — «В Удмуртском Возжае нет речки, только ручёк от ключа». Жители д. Актазики реку Возжайку, протекающую через их деревню, называют *Памашеҥеˑр,* однако эта речка довольно значительная. Правда, р. Возжайка питается от множества ключей, но таковы и все реки в этой местности. Поэтому более вероятно, что Памашеҥер — название перенесенное, к примеру, в Волжском р-не МАССР есть д. Памашенер, мар. *Памашеҥер.* А местное население полагает, что их предки переселились сюда из-под Казани.

Название же *Актаˑзики — Актазикова* явно от мужского личного имени тюркского происхождения, в ма-

рийском именнике зафиксированы имена *Октаик* и *Тазик* (Черных 1978:97, 104). В Уренском р-не Горьковской области зафиксирован пос. Атазик, в котором, скорее всего, выпал согласный *-к-* перед *т*.

Пелемеш

Село Пелемеш Агрызского р-на ТАССР (в списке населенных мест Вятской губернии за 1876 г.: д. Пелемыш, а за 1859 г.: д. Пилемышъ при ключе Пилемышъ в 25 дворов), тат. *Пылямаш,* расположено на берегу речки Пелемеш. Жители с. Пелемеш полагают, что их предки в количестве трех семей перебрались на это место с Закамья (мар. *Вичӱмбал*). В Закамье же, в Актанышском р-не ТАССР, есть пос. Мари-Суксы, жители которого считают, что вблизи их поселка некогда были марийские деревни *Пел'ку·до, Кул'ега·ш.* Село же Пелемеш соседствует с д. Кулегаш, мар. *Кӧлеге·ш.* Ойконим же *Пел'кудо* трудно объяснять от мар. *пел* 'половина', уст. 'сторона', ср. *пелне* 'в стороне, вдали' и *кудо* 'летняя кухня; дом'. Не исключено, что *Пел'кудо* есть переосмысленное изменение ставшего непонятным названия, тогда это название может быть связанным с ойконимом Пелемеш, в котором компонент *Пеле-* несомненно связан с географическими названиями восточной части МАССР *Пильмучаш, Пыламарий,* офиц. Мари-Билямор, Пеленгер, а также Беляморь, Пиля, Пиляндыш соседнего с МАССР Уржумского р-на Кировской области. Объяснение ойконима Билямор при топооснове Биля, мар. *Пыля, Пыла,* от *Пуляй* (Галкин 1985:33) не очень легко воспринимается из-за того, что в русских вариантах представлены основы *биля, пиля, беля, пеле,* ср. еще ойконим *Пилья* Ошетского сельсовета Сунского р-на Кировской области, а также рч. *Пиля* в Уржумском уезде, зафиксированный в документах. А. Н. Куклин ойконим Пеленгер, мар. *Пелэнгер* объясняет как 'речка Пел', а ойконим Пележдӱр — как 'при р. Пележ' (1985:155); правда, здесь не исключено изменение фонетического облика топоосновы под влиянием мар. *пел* 'половина', возможно, в прошлом и 'находящаяся в стороне', но возможно и то, что вариант *Пыла-* в *Пыламарий* из *Пӹлӓ< Пилӓ,* ср. мар. *пыл, пӹл, пил* 'облако'. Во всяком случае, связь между группами топонимов на *пеле, биля, пиля* и *буй* — мар. *Пу* вӱд, *Пу* ял, *Пуланур* пока оста-

ется неясной и требует дальнейшего исследования.

Что касается компонента *-меш* в топониме Пелемеш, то он может быть фонетическим вариантом топоформантов *-мас, -маш* или же, учитывая зафиксированный вариант *Пилемышъ, -мыж*<*-мыш,* ср. топонимы Кучмыж, Малмыж, мар. *Ма·лмыж.* Следует учесть, что топонимы на *-мас, -мыж* есть и в Удмуртии, например, Кармыж, Валамаз при гидрониме Вала, Кильмезь — удм. Калмез, мар. *Кӱлмӱ·ж, Кы̄·лмы̆з.,* Карамас-Пельга (ср. топонимы Корамас в МАССР), Кырыкмас, Калмаш, а также Какмож с *-мож,* т. е. вполне вероятно, что форманты *-мас, -маш, -мыж* на территории МАССР и прилегающих районах Кировской области указывают на то, что там могли в прошлом проживать предки удмуртов, правда, эти топоформанты могли появиться и на марийской почве.

Пыргынде

Деревня Быргында· (мар. *Пы·ргынде,* тат. *Быргынды·, Быргынды·ш,* но чаще *Быргында·*) стоит на берегах речки Быргындинки, в ранчих документах также: рч. Быргындышка, расположена между деревнями Нырында, Юньга, Чеганда Каракулинского р-на УАССР. Местное население полагает, что их деревня была основана четырьмя марийцами, один из них носил имя *Пы·ргынде.* Однако вряд ли у мари было такое имя. По другой версии, название деревни — от мар. *вӱр* 'кровяной'+*кинде* хлеб', что еще более невероятно. Считается также, что местные мари некогда приносили жертвы божеству *Пы·ргынде кугыз'а·,* это утверждение заслуживает внимания, теоним Пыргынде вполне мог быть у марийцев: в Марийском крае кое-где помнят о празднике *Пырге·зе пайрем* и о нищих *пыргезе кӱчызӧ,* которых жители встречали приветливо, угощали и даже подвозили до нужного места. Ойконим Пыргынде может быть связан с мар. *пыргезе,* где компонент *-езе,* скорее всего, того же происхождения, что и в мар. *куге·зе* 'предок'.

Менее вероятным представляется объяснение топонима Пыргынде от двух гидронимов *Пыр* (ср. *Пыр, Пурма* — речки в МАССР) и *Кундыш.*

Сармак

На речке Сарамак или Сарамачка в Кизнерском р-не УАССР расположены три деревни: Русский, Удмуртский и Марийский Сарамак, мар. *Сарма·к,* здесь выпала безударная *-а-* в середине слова. Ойконимы — от гидронима Сарамак. Еще во второй половине 17-го века марийцы владели бортными угодьями близ (удмуртской) деревни Сарамак (Сепеев 1975:24). Местные же марийцы считают, что их предки раньше проживали в 12 км от нынешней деревни, которой примерно 350 лет. В документах за 1889 г. указывается, что, по некоторым сведениям, до марийцев здесь обитали татары.

Топоним Сарамак труден для объяснения, здесь *Сара-* представляется топоосновой, а *-мак* — фонетическим вариантом гидроформанта *-ма,* ср. *Колтома· — название местности в Ижевске, где ныне расположен район Металлург, и р. Колтымак* в УАССР; *Ноля,* мар. *Но·л'о* и *Но·л'ык* — от рус. Нолька было бы мар. *Но·л'ко; Сарда* и *Сардык, Сардек; Сенда,* мар. *Сенде* — и *Сентек, Сентяк;* р. *Саба* в ТАССР — и р. Сабака, мар. *Савак* в МАССР. Основа же *сара, сар,* похоже, имеет очень широкое распространение: Б. и М. Сарапулка, Саркуз, Сарсак, Бисарка в Удмуртии, Сарали, Сарбаш, Сардек, Сардали на севере Татарии, Сарда в МАССР и Кировской области, Сара, Сар, Инсар в Мордовии, в Нижнем Поочье Сарым, Сарма, Саранга, Сарымка, Сарга. Учитывая переход *ш<с* в истории марийского языка, сюда же возможно отнести гидронимы Шаренер, Шаранга, Шардань в районах, где проживают или же проживали марийцы. Случайные совпадения, здесь, разумеется, не исключены, тем не менее создается впечатление, что все эти названия могут быть связаны с нарицательным словом, означавшим '(какая-то) река', ср. удм. *шур* 'река'.

Можно отметить, что мар. *эҥер* 'речка' в некоторых говорах относится к незначительным речкам, терминов же для обозначения различных по характеру рек в языке могло быть несколько, а с изменением условий жизни, очевидно, и отпала необходимость в их дифференциаöции.

Какого происхождения гидроним и ойконимы *Сарамак,* удмуртского или марийского, сказать трудно, хотя, учитывая, что удмуртское население в этих местностях появилось раньше, следует отдать предпочтение первому предположению.

Такашъял

Небольшая марийская деревня Менделеевского р-на Татарии Марийское Текашево, мар. *Такашъял, Тäкäшйа·л,* появилась в 1928 году, жители выселились из д. Текашево, ныне: Татарское Текашево, тат. *Тыкäшы,* где мари считались первопоселенцами, их предки переселились с левого берега Камы (современный Мензелинский район ТАССР) предположительно во второй половине 18-го века. Их деревня якобы была названа так потому, что сразу же на новом месте марийцы принесли в жертву богам барана, мар. *тага·,* однако по фонетическим соображениям компонент *Тäкäш* в *Тäкäшйал* трудно возводить к апеллятиву *тага* 'баран', хотя и в горном наречии представлен вариант *тäгä,* однако невозможно предположить, что в интервокальном положении *-г-* могло перейти в *-к-*, в луговом и восточном наречиях это слово имеет только форму *тага·*. Среди местных марийцев зафиксировано мужское личное имя *Тäкäш,* а в марийском именнике — *Такас* (Черных 1978:104), которые вряд ли прямо связаны с мар. *тага,* ср. тат. *Тäкäш* — мужское личное имя.

Шия

Марийская деревня Большая Шия Мамадышского р-на ТАССР, мар. *Шийа·,* расположена в трех километрах от р. Шия, её жители считают, что в прошлом их предки жили на месте нынешней татарской деревни Вахитово недалеко от р. Шия. Недалеко от этой реки есть еще одна марийская деревня Каргали, мар. *Коракъял,* её, очевидно, и называли в прошлом Малой Шиёй.

Несомненно, ойконим *Шийа·* — от названия значительной по своей длине реки Шия. Также без каких-либо сомнений возможно выделение форманта *-я* в гидрониме Шия, ср. Кумъя, Пыжъя и т. д. в местностях проживания мари и пермских народов, ср. еще марийские названия речек *Ру вӱд* и *Руйа· вӱд* при мар. *вӱд* 'вода; река'.

Сложнее обстоит дело с топоосновой *ши-*, которую вряд ли возможно отрывать от многочисленной группы топонимов с компонентом *ши-, си-,* а также, учитывая многочисленные соответствия *и≈е* в марийских диалектах, *ше-, се-,* например, гидронимы Шита, мар. *Шӹдӹ,* Шидияр, мар. *Шӹдӹ йӓр,* названия Сенур, Ший-Сола,

также Си-Сола в МАССР, в Удмуртии Синярка, Сия, Сива, Сивашур и т. д., в Чувашии Синерь, Синерпоси, Сиява, Шинеры, Шинары, Шинерпоси, Шинарпоси и т. д., в Нижнем Поочье Синняр, Секша, Сижа, Шинар и т. д., в Татарии — Шия, Сннерь, мар. Сеҥе·е· р.

Многочисленность гидронимов с компонентом *си-, ши-, се-, ше-* наталкивает на предположение, что они могут быть связаны со столь же многочисленными топонимами с основой *су-, сӱ-, с'у-, шу-, шӱ-,* например, Шудасола при мар. *Сӱ-Сола,* Шукшан при мар. *Шӱкшан.* Шуля, Шуча, Шунга, Шуэнгер, Сюдумарь при мар. *Шӱдымарий,* Сюба, мар. *Сӱвӧ,* в Марийской АССР; в Удмуртии: Сюга, Сюгаилка, Сюгинка, Сюныг; в Татарии: реки Сула, Суша, Свияга при мар. *Сӱйе· вӱд,* город Елабуга, по некоторым сведениям, в древности назывался Сюдум, ср. гидронимы Шудумка, Шуда в МАССР; в Кировской области: Суна, Сюба.

В топоосновах *си, ши, се, су* и т. д., скорее всего, скрывается корень какого-то древнего финно-угорского слова, которое, не исключено, связано с корнями марийских слов *шӱалташ* 'полоскать', *шулаш* 'таять', *шу* 'весенняя вода'. Конечно, понятие 'вода' в марийском языке обозначается лексемой финно-угорского происхождения *вӱд,* но допустима и мысль, что в языке древних охотников и рыболовов могло быть несколько слов с различающимися оттенками значений для этого понятия, то есть, например, *вӱд* означало 'вода, годная для питья', а *си* или *сӱ, су, шу* — какую-то другую воду, возможно, текущую из болота. А поскольку в повседневной жизни слово, служившее для обозначения питьевой воды, с изменением условий жизни получило очень высокую частотность употребления, то оно постепенно приобрело семантику 'вода вообще' и вытеснило из обихода другие слова с близкими значениями. Наличие же двух или нескольких лексем с несколько отличающимися значениями для обозначения воды нельзя исключить, ср. рус. *вода* — компактная масса, поверхность или струя этой жидкости, и *влага* — вода в виде сырости, некомпактных её масс в почве, воздухе, значение же 'масса воды для орошения и т. п.' представляется поздним. Поэтому рус. *влага,* др.-рус. *волога,* скорее всего, не имеют отношения к гидрониму Волга, поскольку трудно представить названия местности или реки от слова 'влага, влажность'.

Гидроним Шия не связан с мар. *ший* 'серебро; серебристый': использование этого слова в топониме без определяемой лексемы, например, *вӱд* 'вода', вообще исключено. Сомнительно сближать гидроним Шия и с мар. *ший* 'годичный слой дерева', родственного удм. *си* 'волос, волосок; леска'. Понятие 'волос, жилка' считается возможным усматривать в номинации рек с узкой долиной, например, гидронимы Сива, Сысерть в Предуралье сравниваются с коми-пермяцким *си* 'волос' (Матвеев 1980:227—228, 236—237). Полностью такую возможность нельзя исключить, р. Шия большой длины и довольно неширокая, однако именно многочисленность гидронимов с основой *си, ши, се* и т. д. указывает на слабую доказательность такого предположения. Разумеется, пока еще трудно дать однозначный ответ относительно происхождения названия Шия, можно совершенно не сомневаться лишь в том, что оно связано с гидронимом *Сия* в Удмуртии, и в том, что *Шия* — из *Сия*, а изменение фонетического облика произошло на почве марийского языка, которому очень характерен переход *с* в *ш*.

Шӱргӧ

Исчезнувшая в 60-ых годах нашего века марийская деревня Тайшинерка или Тойшинерка, мар. *Шӱ·ргӧ*, была основана выселенцами д. Большая Ерыкса, на карте Елабужского уезда 1891 года обозначен пос. Торшинер, в списке селений Елабужского уезда за 1836 год — Тошинер, также Тойшинер, починок в 6 дворов. Через д. Большая Ерыкса протекает ручей *Тоҥшеҥе·р*, впадающий в рч. Ерыкса, жители полагают, что название Тоҥшенер — от торе·ш 'поперёк, наперерез; поперечный' и эҥер 'речка', что совпадает с зафиксированным в 1891 г. вариантом Торшинер. В то же время не исключено, что Торшинер, Торешеҥер — результат позднего переосмысления, ср. наиболее рано отмеченное Тойшинер, под вопросом можно сопоставить с ойконимом Тамшинер, мар. *Тамшеҥе·р*, Сернурского р-на МАССР, ср. еще д. Тумша Пижанского р-на Кировской области, или же с топонимами Тойма, Тайбанур, Тойба-Сола. Сам же ойконим *Шӱргӧ* — от мар. *шӱргӧ* 'лес', правда, в местных прикамских говорах это слово уже неизвестно.

Элнет

Официальное название — с. Ильне·ть, тат. Илнәт, удм. Эллет, в документах до конца XIX века чаще: д. Малая Ерыкса, но уже в 1836 г. указано: Ерыкса Малая или Ильнеть в 25 дворов. Через селение протекает речка, летом почти пересыхающая, *Элне·т вӱд*. Однако еще несколько десятилетий назад она была полноводной, и даже в её притоках еще в тридцатые годы ловили рыбу, назывались они *Кугэлнет вӱд,* ныне: *Пекши корем,* и *Изэлнет вӱд,* ныне: *Кожла корем*. В работах марийских ученых не раз указывалось, что топоним *Элнет* Менделеевского р-на ТАССР связан с гидронимом *Элнет,* офиц. Илеть — левый пр. р. Волга, с чем нельзя не согласиться.

В топонимах *Элне·т* возможно выделение форманта *-ет,* ср. *Кел'гет корем* — овраг близ д. Ныргында, *Руэ·т карем* — близ с. Нежнур, *Оше·т,* офиц. Ошеть, Кушкетка, оз. Ширет при оз. Ширское, оз. Мелетское и ойконимы Мелеть в районах проживания марийцев.

Считается, что·в топониме Элнет выделяются топоформанты *-на* и *-та,* основа же *эл-* связана с коми-з. *йоль,* коми-яз. *йэльа* (Гордеев 1979:166). Есть и мнение, согласно которому *-лет, -леть* — топоформант, ср. гидронимы Англеть, Арлеть, Варклет, Илеть при гидронимах Летька, Летка, коми *Лет* (Атаманов 1987:114), которое тоже нельзя не учесть, ср. мар. *нылне<нылле< ныл лу* 'сорок'. Но всё же в случае с *Элнет≈Илеть* скорее прав Ф. И. Гордеев, поскольку марийцам известны топонимы *Иле энер,* также *Или энер* в Моркинском р-не, *Иле-сола* в Куженерском р-не МАССР, *Ил'на вӱд, Ил'на ола* — уст., по-видимому, г. Котельнич, *Элне·ш* — р. Ильнешка, в д. Ныргында одна улица называется *Элнеш лонго,* однако Элнеш может быть связан и с гидронимом *Алнаш,* ойконимом *Альнецк* при рч. *Алмач* (ГАКО, ф. 574, оп. 1, д. 63); ср. еще гидроним *Йе·лӓ,* рус. Ела, у северо-западных мари. Думать же, что в Илеть топооснова *И-* и формант *-леть,* вряд ли более вероятнее, ср. еще гидроним *Илыч* в бассейне Печоры с формантом *-ыч*. Однако вовсе не исключено, что *Элнет, Илеть* — из *Ил+лет*.

Якшиял

В Списке населенных мест Сарапульского уезда за 1836 год указана казённая деревня Якшуял или Якшиял в 8 дворов. В настоящее время *Якшиял* — часть деревни Усть-Сакла, мар. *Шопкер,* Каракулинского р-на УАССР. Ойконим Усть-Сакла, в документах также д. Усть-Саклы при рч. Акшине, иначе: Усакла, Усть-Сакла при рч. Усакле, возникла не позднее 1723-го года, считается русским искажением тат. *Усаклы* 'Осиновая', что в свою очередь неточно калькирует мар. Шопкер 'осинник'. В ойкониме *Якшиял* выделяются компоненты *Якши* и *ял* 'деревня', первый же, *Якши,* связан с названием протекающей здесь же речки *Акше·к энгер,* который в свою очередь можно связать с гидронимом Ексей, мар. *Якси·* в Новоторъяльском р-не МАССР. Считается, что деревню Якшиял и Усть-Сакла основали марийские переселенцы Яранского и Уржумского округов, прикамские мари в прошлом часто подмечали заметные отличия жителей д. Усть-Сакла-Якшиял в отношении внешнего облика и поведения.

Названия *Якши, Акшек* и *Якси,* скорее всего, удмуртского происхождения, ср. гидронимы *Сюмси, Ныр-си, Нюрси, Лыкси* у удмуртов, а также многочисленные топонимы УАССР Якшур, Якшурка при удм. *яг* 'бор; сосновый', варианты же: мар. *Якси,* рус. *Ексей* могут отражать изначальное *йä-,* ср. мар. *якте, йäктыӱ* 'сосна'.

ЛИТЕРАТУРА

Арсланов Л. Ш. 1987, Марийский пласт в топонимии Елабужского района Татарской АССР.//СФУ 2, С. 101—104.

Атаманов М. Г. 1987, О некоторых топоформантах в гидронимии Удмуртии.— СФУ 2.— С. 112—116.

Галкин И. С. 1982, Топонимические заметки//Вопросы марийской ономастики. Вып. 3.— Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1985, Тайны марийской топонимики. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1979, Этимологический словарь марийского языка. Т. I, А—Б. 1983, т. II, В—Д. Йошкар-Ола.

Куклин А. Н. 1985, Названия физико-географических объектов Марийской АССР с комментариями//Вопросы марийской ономастики. Вып. 5. Йошкар-Ола.

Матвеев А. К. 1980, Географические названия Урала. Свердловск.

Сепеев Г. А. 1975, Восточные марийцы. Йошкар-Ола.

Смолицкая Г. Л. 1976, Гидронимия бассейна Оки. М.

Черных С. Я. Марий калыкын ӧҥ лӱмжӧ-влак//Вопросы марийской ономастики. Вып. 1. Йошкар-Ола.

А. Н. Куклин

НАЗВАНИЯ ИСЧЕЗНУВШИХ СЕЛЕНИЙ МАРИЙСКОЙ АССР
(с апеллятивом ЧОДЫРА 'лес')

Интерес к названиям исчезнувших селений не случаен: в них, как правило, содержатся сведения не только по истории заселения края, но и цепко сохраняются следы древнего значения отдельных слов, являющихся в настоящее время либо семантически затемнёнными, либо переосмысленными благодаря многоликости, многообразия или сходства реалий. Поэтому они представляют собой ценный материал как для этноисторических, так и историко-этимологических изысканий.

Этническая территория мари находится на стыке хвойных и смешанных лесов (Сепеев 1985:142). Небезынтересным в этом отношении представляется и то, что горные мари, живущие на правобережной стороне Волги, левобережных горных называют кожламарами (СГН 58), **кожламары** в буквальном переводе — лесные мари. Леса занимают 52,2% — 1380,9 тыс. га всей площади республики (Васильева 1979:4,33). Жизнь древних мари в условиях темнохвойно-широколиственных лесов подзоны южной тайги и зоны лесостепи заставила их с большим вниманием отнестись и к самим лесным угодьям, их особенностям и богатствам. Поэтому не случайно, что мари — природные охотники и рыболовы, извечные собиратели даров леса — имеют свою достаточно подробную классификацию животных и птиц, деревьев и кустарников, ягод и трав, грибов и др. Об этом же свидетельствует наличие в диалектах марийского языка развитой системы номенклатуры для обозначения основных типов леса в зависимости от растущих в нем хвойных и лиственных пород, от рельефа местности, приуроченности леса к определенному географическому объекту, величины и возраста леса и т. д. Например: Л **шӱргӧ** 'лиственный лес', Г **шӹргы** 'лес' (СГН 218); *шюргіо* 'дубрава' (Патрушев 1958:16); **шӱргӧ** 'лес на

горе' (Тойвонен 1915:71); Л **шем шӱргӧ, Г шим шӹргы** 'тёмный лес; бор' (СГН 218); Л **ош шӱргӧ** 'белый лес' (Галкин 1985:22); Г **ӹлышташан шӹргы** 'лиственный лес' (СГН 225); Г. **пӹцката шӹргы** 'глухой лес' (СГН 136); **шӱргы — чодыра** 'смешанный лес'; Л **чодыра,** В **чодра** 'лес', СЗ **цадра** 'лес' (слово встречается только в сказках — ССЗН 255); **цадыра** 'мелкий и густой кустарник' (СГН 182); Л **пич чодыра** 'дремучий лес' (МРС 431); Л **сип чодыра** 'чащоба, непроходимый лес' (МРС 530); В **тӱм чодыра** 'глушь, пуща, непроходимый лес' (МРС 607); Л **пӱнчӧ чодыра** 'сосновый бор' (МРС 673); Л **тыгыде чодыра** 'мелкий лес, мелколесье' (МРС 613); В **нулгер** 'лес'; 'европейско-пихтовый лес' (Паасонен 1948:78); СЗ **тор** 'черный лес с перелесками' (Иванов 1978:14; ССЗН 221); СЗ **кӹремлинӹ** 'лес, растущий на болоте' (ССЗН 108); СЗ **шиматы** 'чернолесье' (ССЗН 279); СЗ **аты** 'лес' (ССЗН 17); Г **отер**(ла) 'мелкий лес, кустарник, заросли чего л.' (СГН 108); **оты** 'мелкий лес, кустарник, заросли на лугах' (СГН 109); Л **ото** 'роща' (МРС 395); В **чытыр** 'лесная чаща, заросли' (Исанбаев 1978:23); СЗ **роша, рошо** 'черный лес, роща' (ССЗН 191); кр. **пушеҥгер** 'лес'; В **пуэрла** 'смешанный лес' (Паасонен 1948:97); Г. В **кожла** 'лес' (СГН 58, МРС 205); Л **кожер** *(ла),* СЗ **кожер, кождар, кождер** 'ельник' (МРС 205, ССЗН 84); Л, В **куэ**(ла) (МРС 256), СЗ **куер**(лӓ) (ССЗН 91), Г **кугила** (СГН 64) 'березовая роща, березняк'; Л, В **шопкер**(ла) (МРС 719), СЗ **шапкер**(лӓ), шар. **шапилӓ** (ССЗН 270, 271), Г **шапкила, шапила** (СГН 196, 197) 'осиновая роща, осинник'; Л, В **пӱнчер**(ла) (МРС 478), СЗ пӈнцерлӓ (ССЗН 181) 'сосновый бор, сосняк'. В горном наречии лексема **пӹнжы** 'сосна' относится к разряду устаревших слов (СГН 134); Л, В **яктер**(ла) (МРС 785), СЗ **йактер** (ССЗН 56), Г **йӓктер(ла)** (СГН 36) 'сосновый бор, сосняк'; В, Л, СЗ, Г **тумер** *(ла)* (МРС 597, ССЗН 227, СГН 164) 'дубовая роща, дубрава, дубняк'; яр. **чуҥэрь** 'густой лес' (ГАКО 1243 — запись О. Сергеева); В **шырлык** 'густой, молодой лес, чаща' (Паасонен 1948: 135); волж. **мышкар** 'небольшой лес'; В **тырке: т. чодыра** 'растущий молодой лес' (Паасонен 1948 153); Г **кӓжар** 'сплошной участок леса' (СГН 51); й-ол. **крагат** 'возвышенное место на болоте, заросшее зарослями кустарников и деревьев'; Г **цашкер, цӹшкер** 'чаща леса, кустарников; чащоба' (СГН 183, 189); СЗ **цӓшкӓ** 'кус-

тарник, редкий лес' (ССЗН 259); Л **чашкер** 'чащоба, чаща' (МРС 668); В **шырлык-чашкар** 'густой кустарник' (Паасонен 1948:135); Г **цӹшмык** 'болотный кочкарник, заросший кустами' (СГН 189); Л **тыгыдер** 'кустарник' (МРС 614); Г **тӹшкер**(ла) 'чаща, заросли кустарников и деревьев' (СГН 173); Л **вондер** 'заросли кустарников' (МРС 75); Г **кызгер** 'густые заросли мелкого кустарника' (СГН 68); **чёпыга** 'чепыжник (частый кустарник; непроходимая чаща)' (ВУАК, ф. 170, оп. 1, ед. хр. № 139—запись О. Сергеева); Г **лӧчкер** 'заросли шиповника' (СГН 82); тонш. **ӹжилӹ** 'безлесье' (ССЗН 302) и другие.

Кроме того, в диалектах марийского языка бытует немало слов для обозначения возраста дерева, ср.: Л **нымыште** (МРС 364), СЗ **немештӹ** (ССЗН 137), Г **немешты, неместы** (СГН 100), кр. **лымыште** 'молодая липа, годная для сдирания лыка' — Л **писте** (МРС 430), Г **писты** (СГН 119), серн. **пиште,** СЗ **пиштӹ** (ССЗН 167) 'липа, старая липа'; Л **тырке** (МРС 617), кр. **тӹркэ** 'молодая сосна' — Л **пӹнчӧ** (МРС 478), кр. **пӹн'д'ж'ӧ**, 'сосна, старая сосна'; СЗ **кäзäнкӹ куе** (ССЗН 76), кр. **чäшкä** 'молодая береза' — СЗ **куе** (ССЗН 91), кр. **куэ** 'береза, старая береза', В **нулгаж** 'молодая пихта' — **нулго, нулгудо** 'пихта' (Паасонен 1948:78) и некоторые другие.

Интересно в этом плане, что названия деревьев могут уточняться описательными определениями, характеризующими как внешние особенности дерева, так и качественные признаки его древесины, например: Л **чарга** 'сухая пихта с ветвями' (МРС 667); Л **чодыркан** 'сухая пихта с ветвями и хвоей' (МРС 673); Л **шаргож** 'ель с частыми годовыми отложениями' (МРС 693); Г **йäнгар** (устар.) 'гнилое дерево' (СГН 37) и др.

Встречается немало случаев, когда одно и то же дерево имеет не одно, а несколько названий. Среди них одни являются очень древними, отличающимися друг от друга лишь фонетической оболочкой, другие же — относительно новыми и относятся к разряду заимствованных слов или образованных при помощи иноязычных лексем, хотя в ряде случаев воспринимаются уже как исконные. Например: Л **ошкӹсевондо** 'ошкиза (МРС 397), серн. **оскиза** 'белая жимолость'; В **нолго-кож** 'пихта' (Паасонен 1948:175), Л **нолкож, нулго** (МРС 358, 361), СЗ **нӹлго** (ССЗН 140), Г **пихтыгож** (СГН 120)

'пихта'. Г **пызылмыгож** 'пихта' является синонимом слова **лымегож** 'можжевельник' (СГН 133); **лумекож, лумелец, лумеҥеж, лӱмыкож** (Паасонен 1948:175), Л **лӱмегож** (МРС 305), Л (Сов. р-н) **лумегож,** тонш. **лһмекож,** яр. **лһмегож** (ССЗН 119) 'можжевельник'. Семантическое содержание Г **лымегож** с вариантом **лӹмегож** составляют два ряда значений: 1. 'можжевельник' и 2. 'пихта' (СГН 85). Ср. также названия кустарника или дерева семейства ивовых: Л **ӱвӧ** (МРС 640), В **ӱвӧ** (Паасонен 1948:166) 'ива', волж. (Малое Иваново) **уа** 'ива (дерево)', **уа** 'тальник' (Паасонен 1948:177); В **ӱянге, ӱенге** 'ветла, тальник' (Паасонен 1948:167), балт. **ӱйенге** 'ива' (Исанбаев 1978: 23), Г **ӱэ** 'ветла' (СГН 179). Что касается слов **ӱе, уе,** то они являются также наименованиями **ясеня** (Паасонен 1948:166). Л (Сов. р-н) **арама** 'ива (дерево)', Л **арама** (Сов. р-н) **вӱд арама** 'кустарник в низине, возле реки' (МРС 32), кр. **ӓрӓмӓ** 'тальник'; тонш. **шӓрӓҥкы,** туж. **шараҥкы,** 'тальник, ивняк, растущий по берегам рек' (ССЗН 272), Л **шараҥге** 'ветла' (МРС 693).

Любопытно обратить внимание, что лексема **чодыра** и другие лесные термины широко бытуют в фольклоре, см., например, марийские легенды и предания, марийские народные сказки (ТМО; СЛ; МНС и кн. др. лет изданий). В них, как правило, встречаются сложные слова, образованные при помощи лексем **чодыра, ате** и др., уже устаревшие и вышедшие из активного употребления: **чодыраоза-водыж, атоза-водыж** (ТМО 210)' названия лесных божеств (в народной мифологии); лексико-фонетические архаизмы: **ломазгар,** ср. совр. **лӱмегож** 'можжевельник' (ТМО 211), слова, имеющие иную семантику: **яктер** 'молодой сосняк', ср. совр. **яктер** 'сосновый бор, сосняк' (ТМО 212) и др. Широкая распространенность апеллятива **чодыра** в произведениях устного народного творчества также говорит в пользу древности этого слова. Тем более весь многовековой уклад жизни марийского народа, начиная с седой древности, был связан с лесом и, естественно, на этом фоне происходило формирование его мифических представлений и религиозных убеждений. Все эти обстоятельства в определенной степени обусловили возникновение топонимов с апеллятивами **шӱргӧ, чодыра** и другими их диалектными вариантами, характерными для речи жителей отдельной местности.

Так, ойконимов с апеллятивом **чодыра**, по данным справочника «Марийская АССР. Административно-территориальное деление на 1-е мая 1952 года» (Йошкар-Ола, 1952), в республике насчитывалось 9, см. таблицу, где даются также комментарии к названиям:

№№ пп	Русское название	Марийское наименование	Объяснение названий
	Куженерский р-н		
	1. Куженерский с/с (д. Басалаево)		
1.	д. Чодраял	Чодыраял	Лесная
	(Куженерский р-н, Иштымбальский с/с)		
	2. Русско-Кугунурский с/с (с. Русский Кугунур)		
2.	д. Мари-Чодраял	Марий Чодыраял	Марийская лесная
3.	д. Русский Чодраял	Руш Чодыраял	Русская лесная
	(Куженерский р-н, Шудумарский с/с)		
	Моркинский р-н		
	1. Себеусадский с/с (д. Себе-Усад)		
4.	д. Чодрасола	Чодырасола	Лесная
	(Моркинский р-н, Себеусадский с/с)		
	2. Шиньшинский с/с (с. Шиньша)		
5.	д. Мари-Чодраял	Марий Чодыраял	Марийская лесная
	(Исчезла с карты Марийской АССР в начале 70-х годов)		
6.	д. Тат-Чодраял	Татар Чодыраял	Татарская лесная
	(Моркинский р-н, Шиньшинский с/с)		
	Ронгинский р-н		
	Мананмучашский с/с (д. Мананмучаш)		
7.	д. Чодраполко	Чодыраполко	Лесные (несколько поселений (илемов) под одним общим названием).
	(Исчезла с карты Марийской АССР в середине 60-х годов)		
	Сотнурский р-н		
	1. Аринский с/с (с. Арино)		
8.	д. Чодраял Карамас	Чодыраял Корамас	Лесной Карамас Карамас (гидроним)
	(Моркинский р-н, Аринский с/с)		

В официальное название деревни в настоящее время слово Карамас не входит, см. Чодраял (Чодыраял) (МАССР, АТД, 1986:50). По мнению В. В. Кузнецова, *Корамас* > *кора* 'низина'+*ма*=*Корама* — название низины+*ас*=*Корамас* — деревня в этой низине (Кузнецов 1989:3 — 15).

2. Карамасский с/с (д. Чодраял)

9. д. Чодраял	Чодыраял	Лесная

(Волжский р-н, Карамасский с/с)

Как явствуют данные таблицы, исчезнувшими считаются 2 деревни: **Мари-Чодраял** (Марий Чодыраял), п. № 5 и **Чодраполко** (Чодыраполко), п. № 7. Деревни **Мари-Чодраял** и **Русский Чодраял** Куженерского р-на объединены в один населенный пункт, как слившиеся, под общим названием **Чодраял** (Чодыраял) 'Лесная'.

Этимология слова **чодыра** 'лес' в марийском языкознании считается установленной. Однако объяснения его происхождения весьма противоречивы и нуждаются в достоверных фактах, а сама этимология — в коренном пересмотре с привлечением лингвистических данных родственных и неродственных языков с экскурсами в соответствующую временную плоскость.

Так, в «Восточночеремисском словаре», составленном финским ученым Х. Паасоненом, в качестве соответствия к марийскому слову **чодыра** 'лес' дана чув. лексема **çатрага** 'мелкий лес' (Паасонен 1948:158). Паасонену, возможно, дали повод связать их отношением родства семантическая близость и внешняя звуковая схожесть указанных слов. Безусловно, связь между ними существует, но она, как будет показано ниже, другого характера.

В. Г. Егоров мар. **чодра** 'лес'; **чодыркан** 'сухая пихта с ветвями и хвоей' сравнивает с тат. **чытырман** 'чаща', кирг. **чытырман** 'чаща, густые заросли', приводя их как параллель к чув. формам **çатăр(к)а, çатра, çатрака** 1. 'кустарник', 'хворост'; 'чаща'; 2. 'густой, частый (о лесе)'; 'ветвистый' (Егоров 1964:204).

М. Р. Федотов, исследуя исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, пришел к выводу, что Г **цадыра**, Л **чодыркан** 'мелкий и густой кустарник' (однако следует уточнить, что пос-

леднее слово имеет значение 'сухая пихта с ветвями и хвоей'.— *А. К.*) этимологически восходят к чув. **çатра** 'хворост, чаща' (Федотов 1965:60). Кроме того, Г **цадыра** 'мелкий и густой кустарник' возводится М. Р. Федотовым и к чув. формам **çатăрка (çатăр+ка)** 'хворост, чаща', **çатар** 'подражание треску сухих сучьев'. К этому же гнезду он причисляет В **чытыр** 'хворост', тат. **чытыр**, башк. **сытыр** 'хворост' (Федоров 1965:117).

В связи с этим необходимо отметить, что авторы учебного пособия «Современный марийский язык. Лексикология» (Йошкар-Ола, 1972) в своих оценках чувашских заимствований в марийском языке, видимо, шли в русле идей М. Р. Федотова, ибо они в принципе солидарны с его утверждением о чувашском происхождении марийской лексемы **чодра** 'лес' (Казанцев, Патрушев 1972:81).

Попытки интерпретации этимологии мар. **чодыра** производились и позднее. Так, С. Я. Черных, сравнивая его с тувинским *чодураа*, имеющим значение 'черемуха (дерево)', полагает, что в монгольском оно имеет ту же семантику, ибо тувинский и монгольский языки являются родственными. Исходя из этого, Черных утверждает, что лексему **чодураа** в Среднее Поволжье привнесли татаро-монголы, а марийцы от них ее заимствовали. Однако, как уточняет автор, слово **чодураа** в марийском превратилось в **чодыра** и стало обозначать новое понятие (Черных 1978:61—62).

В качестве этимологических соответствий тув. **чодураа** следует указать сойон., хак. *čodurā*, , ойр. *jodro*, тат. *šömört*, бар. *jumrut*, кюэр. *jumurt* 'черемуха', ср. также монг. *žimugusun* с тем же значением, фин. *tuomi* (<*δ-) 'черёмуха' (Рясянен 1969:211), сюда же относится мар. **ломбо** с вариантами **ломбы, ломпы** 'черёмуха (дерево)' (Алврe 1981:34). Все они восходят к уралоалтайскому источнику (Хонти 1985:162). Таким образом, автор не только не подозревает семантического несоответствия мар. **чодыра** и тув. **чодураа,** но и уводит читателя по явно неверному пути, руководствуясь, видимо, тем соображением, что сходно звучащие слова имеют генетическую связь.

В. В. Кузнецов, рассматривая ойконим **Чодыраял** Волжского р-на Марийской АССР, попутно объясняет и происхождение компонента **чодыра** 'лес'. Разделяя точку зрения С. Я. Черных о монгольском генезисе данной лексемы, он все же уточняет, что она вошла в марий-

ский язык через соседние тюркские языки со значением 'чаща, мелкий лес'. При этом для иллюстрации приводит соответствующее указанному значению горномарийское слово **цадыра** и, ссылаясь на работу М. Р. Федотова, сопоставляет его с чувашским **çатăрка** 'хворост' (Кузнецов 1985:11—12).

Свои доказательства В. В. Кузнецов старается подтвердить чувашскими, горными и луговомарийскими звукосоответствиями, которые, однако, относятся к разным диахроническим срезам указанных языков и наречий и не могут быть надежным аргументирующим материалом.

Подобные утверждения о происхождении марийской лексемы **чодыра** явно игнорируют реальную историко-культурную ретроспективу марийского народа и совершенно не согласуются с данными родственных финно-угорских языков. Так, например, в современных диалектах коми-зырянского языка существует ряд слов для обозначения разновидности леса; лесных массивов, приуроченных к определенному рельефу местности; основных древесных пород в ландшафтном фоне и т. д. Ср. вым., иж. **согра;** нв., уд. **сӧгра** 'болотистое кочковатое место с корявым ельником' (ССКЗД 344), печ. **чагра** 'дикое место, поросшее кедровым лесом' (ССКЗД 403). Указанные далектизмы коми-зыр. языка семантически и материально близки марийскому **чодра.** Надежность семантического сближения перечисленных лексем значительно подкрепляется, если учесть также исконность сосуществования **с-//ч-** в абсолютном начале некоторых коми слов. В качестве иллюстрации можно привести следующие равнозначные варианты: уд. **чакавны**//уд. **сакавны** 'царапать' (ССКЗД 404), скр. **чапыштны,** уд. **чакыштыны**//уд. **сакыштыны** 'царапнуть' (ССКЗД 405) и т. д. Этот параллелизм объясняется, очевидно, вторичным преобразованием консонантизма — деаффрикатизацией исконного **ч,** начавшейся в коми языке-основе в период его распада и имевшей место в отдельных диалектах на поздней стадии их развития, о чем отчетливо свидетельствуют слова близкородственного удмуртского языка с анлаутным **ч** и **ӵ: ӵабъяны** 'царапать', **ӵабтыны** «царапнуть», **ӵипей** 'щука'.

Объединение всех приведённых лексем, участвующих в номинации леса, в одно этимологическое гнездо может показаться на первый взгляд весьма сомнительным с

точки зрения их фонетической структуры. Однако эти сомнения проясняются, если учесть неравномерность звуковых изменений в инлауте указанных коми слов. В этой связи интересно отметить случаи произношения заднеязычного **г** на месте этимологического **т** в диалектах коми языка: нв. горш **гӧгӧр** ∞ вым., иж. горш **дор** 'ворот (рубахи)' (ССКЗД 85), ср. слова родственных языков: мар. тувыр **тӱр*** 'край, подол (рубахи)', фин. *terä* 'острие', 'лезвие'; вс., вым., уд. **гуньгыны** ∞ печ., скр., сс., уд. **дуньгыны** 'дуть, надуваться' (ССКЗД 93, 116). Следует полагать, что такая мена своими корнями уходит в далекое прошлое коми языка. Следы этого явления и доныне не стерлись, они спорадически проявляются в русских заимствованиях. Ср., например, междиалектные анлаутные звукосоответствия в семантически одинаковых словах: л. **гед** ∞ вв., вым. иж., лет., нв., печ., скр., сс., уд. **дед**<рус. **дед** (ССКЗД 99), лл. **гэрэвн'***а*< рус. **деревня** (Жилина 1985:32). В срединной позиции нередки случаи произношения задненёбного **к** на месте этимологического **т:** нв., скр., сс. **нёйкмыны** ∞ вым., печ., уд. **нёйтмыны,** иж. **нюйтмыны** 'заволочься, покрыться тучами' (ССКЗД 240; Сахарова, Сельков 1976:19), ср. удм. **нуйтмыны** 'растянуть', **нуйтйськыны** 'растянуться'; иж., лет. **аркмыны** ∞ вс., вым., л., печ., скр., сс. **артмыны** 'получиться, создаться, образовываться, уродиться' (ССКЗД 13; Сахарова, Сельков 1976:40). В качестве примера можно указать также на употребление согласного **к** на месте сыктывкарского **т'** в середине слова перед палатальными гласными в речи жителей с. Вильгорт: **пис'ки — пис'т'и** 'оспа', **наркиччыны — нарт'иччыны** 'издеваться', **мас'кэр — мас'т'эр** 'мастер', **аркэл'— арт'эл'** 'артель' (Жилина, Бараксанов 1971:33—34).

Если опереться на известные коми диалектам необычные звуковые чередования в вышеприведенных исконных и заимствованных словах, то становится более оправданным предположение, что рассматриваемые лексемы развились из более древней формы **чотра* 'лес' (вполне возможно и сосуществование ее варианта **цотра** в отдельных диалектах праязыка), причем марийская форма сохранила на себе отпечаток наибольшей архаичности. Что касается превращения древнего

---

* Слово-омоним **тӱр** 'вышивка' в марийском языке является татарским заимствованием, ср. тат. *төр* 'вышивка' (Рясянен 1923:74).

ф.-у. **т** в срединной позиции слова **чотра** в заднеязычный **г** через промежуточную ступень **д**, то оно, очевидно, произошло в общекоми период, до начала русско-коми языковых связей. Судя по исследованиям Л. Н. Жеребцова (1982:45, 117), устойчивые связи коми и русских устанавливаются с XI в., а в XII—XV вв. контакты между ними были весьма интенсивными и разнообразными.

На их фоне весьма показательна и коми лексема **согра,** воспринятая говорами северно-русского наречия для выражения рельефа местности или разновидности леса, ср. мез. **сöгра** 'сырая, поросшая высоким, частым ельником и вереском местность' (Подвысоцкій1885:160), крг. **сöгра** 'мокрое, вязкое болото с редким невзрачным ельником' (Куликовскій 1898:110); эта лексема в г. Устюг Великом (ныне Великий Устюг Вологодской обл.) в 1757 году зафиксирована со значением 'густой лес' (Симони 1899:446). Коми, жившие в непосредственной близости от Устюга, постоянно посещали этот город, и коми речь часто звучала на его рынках и улицах (Тираспольский 1980:60). Ср. также топонимы Виноградовского р-на Архангельской обл.: **Согра** — луг (Прилуки), мыс (Топса), оз. (Борок), о. (Ростовское), уроч. (Слобода); **Согорка** — уроч. (Двинский Березняк); **Долгая Согра** — уроч. (Шастозеро), **Чёрная Согра** — ивняк (Тулгас); **Шиленская Согра** — луг (Шиленьга) (Алабугина, Иванова и др. 1974:122).

Конечно, это слово далеко не бесспорно в отношении принадлежности его к коми языку, однако широкая распространенность **согра** и его вариантов в диалектах коми языка делает такую гипотезу достаточно вероятной.

В. И. Лыткин, ссылаясь на словарь В. И. Даля, коми-зыр. *sogra*, 'болотистый лес', нв., уд. **сöгра,** вым., иж. **согра** 'болотистое кочковатое место с корявым ельником' под вопросом квалифицирует как русское заимствование (Лыткин 1964:96). Однако такое предположение явно игнорирует историю колонизации европейского Севера и Сибири русским населением и недооценивает факты лингвистической географии. Попытка уточнить этимологию коми слова **согра** была и позднее, однако вопрос о его происхождении не нашел однозначного решения (КЭСК 259). Составители коми этимологического словаря, перечислив коми формы и указав географию его распространения в русских говорах, поставили меж-

ду ними знак > <, который, по их мнению, указывает, что направление заимствования не ясно (КЭКС 6).

В словаре В. Даля лексема **согра** дается как известная вологодскому, архангельскому, пермскому со значением 'дебрь', т. е. лесная чаща, трущоба с валежником', 'тайга' и сибирским говорам (иркут. и том.) — 'болотистая равнина с кочкарником, ельником, вереском и ёрником всякого рода; плохой кривульный лесок с можжевелом и вереском по болоту; заваленная дрязгом долина в бору' (Даль, IV, 259). Ср. также среднеуральское **со́гра, со́гря, со́хра** 'болото, болотистое место, поросшее лесом, кустарником', 'возвышенное место, поросшее лесом' (СРГСУ, VI, 36—37; Таскаева 1977:144—145), пермское (XVII в.) **согра** 'сырой, болотистый участок леса или лес' (Полякова 1988:151). Что касается русских говоров Сибири, то они являются говорами вторичного образования, сформировавшимися на основе северно-русских (Петропавловская 1982:49). Поэтому, несомненно, это слово было привнесено переселенцами на новое местожительство. Следует также иметь в виду, что географическая среда, условия жизни и быта в Сибири, достаточно близкие к условиям жизни европейского Севера, способствовали не только сохранению, но и широкому его распространению (Петропавловская 1982:49—52; Панин 1982:44—46).

Кроме того, местные говоры северно-русского наречия знают и другие фонетические варианты этой лексемы, а именно: **шо́гра, шо́хра, шохра́, шогра́, ча́гра, чагра́, ча́гора, са́дера, содера, седера, седёра** (Чайко 1976:123; Мурзаев 1984:511—512) с идентичными или близкими значениями. Варианты **шохра́, шо́хра** зафиксированы Д. Зелениным также в говорах Вятской губернии: первый — в речи жителей с. Козьмодемьянское (по современному административно-территориальному делению оно находится в Уржумском р-не Кировской обл.), с. Лом Яранского уезда, Слободского и Котельнического уездов, а второй — с. Камешницы Орловского уезда (Зеленинъ 1903:186).

При интерпретации консонантного анлаута лексемы **согра** с вариантами **чагра, шогра, шохра** и др. нельзя не учесть характер его развития в коми оригинале. Как показывают материалы коми диалектов, инициальный ***ч** — сохранился лишь в печорском, а в остальных диалектах древнее ***ч** — (диалектное ***ц**) вследствие утраты

смычного элемента превратились соответственно в **ш-** и **с-**. Необходимо, однако, заметить, что инновационный начальный **ш-** впоследствии исчез, при этом утрата фрикативного **-ш** сопровождалась отпадением конечного гласного основы, что в свою очередь вызвало ряд изменений в фонетическом облике слова: появление эпентетического гласного между согласными звуками, опереднение и сужение гласных корневой морфемы, ср., например, вс. **егыра,** уд. (говор с. Глотово) **егрöдз** 'болотистый, с невысоким хвойным лесом (о месте)', вс., вым, иж., нв., печ., уд. **егыр,** вв. **егир** 'болотистый лес, болотистое место с невысоким редким хвойным лесом' (ССКЗД 118). Как свидетельствуют данные отдельных говоров северно-русского наречия, следы инициальной аффрикаты **ч** сохранились в русских говорах южной части Архангельской обл. (Устьянском, Вельском, Красноборском р-нах), обнаружены они также в двух западных р-нах Кировской области (Халтуринском и Даровском) — **чагра** 'мелкий густой труднопроходимый лес на сыром месте' (Вострикова 1980:78; 1981:41). Следы фрикативного **ш** уцелели в речи жителей древнего Заволочья — **шогра́** 'кочковатое место в лесу' (Симина 1980:105), костромских, западных говорах — **шóгра, шóхра, шохра́** 'лес на болоте' (Фасмер 1987, 111, 706), наличие этого слова в русских говорах по реке Унже подтвердила также Севернорусская топонимическая экспедиция, работавшая в 1975—77 гг. на территории Кологривского, Межевского и Нейского р-нов Костромской области (Вострикова 1979:102—105). Возможно, что слово **шóгра** с диалектными фонетическими вариантами в костромские и западные русские говоры вошло из субстратного мерянского языка, который постепенно растворялся в их среде, оставив после себя также характерную лексику, связанную с лесным ландшафтом и образом жизни в этих условиях.

Б. А. Серебренников рус. диал. **согра** считает угрофинским по происхождению и пытается связать генетически с мансийским *tärəγ* 'сосна', соответствующим хантыйскому *tegər'* небольшая молодая ель, высокая стройная ель' (Серебренников 1971:211).

Однако такому утверждению, как показано выше, противоречат данные диалектов коми-зырянского языка. Шаткость такой этимологии состоит также в том, что лингвистические данные русских говоров Сибири, яв-

ляющихся говорами вторичного образования, рассматриваются автором в отрыве от языковых фактов «материнских» северно-русских говоров, от которых они отпочковались. К тому же в постулируемых тезах с исчерпывающей полнотой не рассматривается генезис звуковых изменений в структуре анализируемой лексемы.

Что касается обско-угорских слов — манс. *tārəγ* и хант. *tegər*, то они, вероятно, прошли путь развития аналогичный диал. формам коми языка. Такое соображение позволяет констатировать, что и в коми, и в обско-угорских языках подобно марийскому аффриката ***ч** или ***ц'** в начале указанных слов была первичной. Она еще до распада финно-угорской общности в языках угорской группы развилась в спирант **с**, а в диалектах хантыйского языка спорадически переходила, возможно, и в ***ш**.

Любопытно, что следы древнего **с** уцелели в сельк. слове **согыр** 'топкое место с мелким кустарником' (Мурзаев 1984:511—512), воспринятом, очевидно, из хантыйского языка. Реликты хант. ***ш** обнаруживаются в русских говорах, распространенных по нижнему течению Иртыша и на Нижней Конде, ср., например, **шига́р** (мн. ч. **шигара́**) 'густой сосняк на болоте, сравнительно сухой участок болота, где растет мелкий, густой сосняк' (Большой Ярок, Малый Ярок, Солянка, Шилова) с вариантами **шигы́р** с тем же значением (Красный Яр, Осинник, Юровск), **шига́рь** 'моховое болото с мелким и густым сосновым лесом' (Нижняя Конда)<обско-угор., ср. приирт. *тегер-юх* 'молодой хвойный лес, главным образом сосновый, мелкий искривленный сосняк на болоте', где *юх* — дерево или формант в названиях деревьев и кустарников, конд *теегер* 'мелкая сосна' (Чайко 1976:127).

В обско-угорский период вновь возникшие спиранты **с** и **ш** перешли во взрывное **т**: фин. *suvi* 'лето', манс. *tuw*, южн.-хант. *ton*, фин. *suota-* 'грести', коми-зыр. *syn-*, манс. *tow-*, южн.-хант. *tэw-* (ОЯ 157).

Переосмысление — сужение первоначального значения в разных направлениях (ср. манс. 'сосна', хант. 'небольшая молодая ель, высокая стройная ель') — произошло, видимо, в период отдельной жизни мансийского и хантыйского языков.

Этимологии слова **согра** специальную заметку посвятил немецкий славист М. Фасмер. Опираясь на труды А. Подвысоцкого, Г. Куликовского, Ф. Филина, В. Даля, он указал на ареал распространения этой лексемы и её

фонетические варианты с анлаутным **ш-**. Далее, ссылаясь на утверждение А. Погодина, Фасмер анализирует этимологические версии Я. Калимы, который якобы оспаривает финское происхождение лексемы **согра** ввиду ее распространения и реконструирует для нее праформу ***съдьра,** подключая для сравнения арх. **со́дера** 'мелкий болотистый лес'. При этом он с упреком отмечет, что у Калимы не объяснены **-г-** и формы на **ш-** (Фасмер, III, 706).

В связи с этим любопытно отметить, что Я. Калима вовсе не оспаривает прибалтийско-финское происхождение рассматриваемого слова. Учитывая его семантику и фонетические варианты, он пришел к выводу, что **согра** возникло из **содьра** (арх. **содера** 'частый мелкий лес по кочкарнику', отмеченный Далем) или, в крайнем случае, относится к этому гнезду (с другим чередованием ступеней?). Калима указывает еще на одну архангельскую форму — **садера** с тем же значением, зафиксированную А. Подвысоцким. По его мнению, маловероятно, что **-гр-** в слове **согра** не является вторичным, если рус. формы с **с-** являются первичными, то развитие **ш** в **шогра, шохра** произошло по аналогии с другим словом, который невозможно определить, если **ш-** первичное, то слово является неясным. Наконец, Калима, вопреки Погодину, приходит к выводу, что нельзя утверждать о прибалтийско-финском происхождении слова **согра** из-за отсутствия лексического соответствия ему в этих языках, поэтому оно может иметь совершенно иную этимологию — даже славянскую (Калима 1913: 78—79; 1919: 16—17).

Как явствует вышеизложенное, недостаточная изученность существующих этимологических изысканий привела М. Фасмера не только к односторонней формулировке, но и искажению исходных теоретических положений Я. Калимы. Следовательно, этимологию немецкого слависта из-за недостаточной и неверной семантической мотивации следует считать ненадежной.

Что касается реконструкции архетипа Калимы, то его наблюдения и выводы дополнительно, как уже говорилось выше, подтверждаются диалектными данными коми-зырянского языка. Однако нельзя согласиться с его предположением о славянском происхождении рус. диал. **согра.** Вместе с тем в порядке уточнения следует отметить, что в анлауте указанной архиформы могла выступать также аффриката *ч-*. Показательными приме-

рами в этом отношении являются фонетические варианты **ча́дера, ча́гера** 'дремучий лес, чаща, непроходимое мелколесье' встречающиеся в русских говорах по нижнему течению Иртыша (Чайко 1976:125). Распространение указанных лексем в говорах Сибири, как отмечено выше, обусловлено русской колонизацией. В инлауте анализируемой лексемы изначально функционировало сочетание согласных **тр,** впоследствии его разрядка произошла путем появления между ними призвука **е** или **ы,** который в дальнейшем превратился в самостоятельный звукотип, а глухой согласный **т,** оказавшись в интервокальной позиции, озвончился.

Реконструируемая праформа свидетельствует о следующих звуковых изменениях, имевших место в истории развития мар. лексемы **чодыра** 'лес' с вариантами **цодыра, цадыра:** разрядка стечения согласных в срединной позиции слова произошла вследствие развития между ними **ы**-образного призвука, который в настоящее время расценивается как самостоятельная звукоединица. Перемещение ударения с первого на конечный открытый слог обусловлено качеством ауслаутного гласного **а,** являющегося в марийском языке относительно самым долгим по длительности, интенсивным и сильным звуком (СМЯ 1960:48). Окончания на гласный **а** в луговом наречии марийского языка почти всегда бывают ударными (Коведяева 1970:4). Что касается аффрикаты **ц** в Г **цадыра** 'мелкий и густой кустарник', то она генетически восходит к палатальной **ч** и расценивается как позднейшая инновация (Грузов 1969: 167—168; Коведяева 1987:70). Корневое **о** в горном наречии расширилось в **а,** что подтверждается генетически родственными словами, сохранившими изначальное лабиальное **о:** Г, СЗ **вадар** — Л **водар,** эрз., мокш. **одар** 'вымя' (ЭКНЭС 67); Г **янгеж |йа·нГыж|** — СЗ **йонгеж,** Л **йонгеж** 'лук для метания стрел', фин. *jousi*, карел. *jouzi* 'лук (оружие)' (Основы 1975:38); Г, СЗ **кавашты,** Л **коваште** 'кожа, шкура', уральская основа ***кора** (Алврe 1981:66).

Исходя из вышеизложенного, нетрудно убедиться в том, что чув. **çатра** 'хворост, кустарник, мелколесье' является заимствованием из горного наречия марийского языка. Об этом в первую очередь свидетельствуют их семантические соответствия. Фонетическое видоизменение анлаутного ***ч** в **ç** произошло на почве чувашского языка, в котором пратюркские **ч** во всех позициях пере-

шло в ç, за исключением позиции после согласного, где имеет место **ч>ш** чер 'войско' ∞ **çар; кылч** 'сабля' ∞ *хĕç*, но **коркунч** 'боязнь' ∞ **хăрушă** 'страшный' (Рона-Таш 1987:44).

В порядке уточнения высказывания А. Рона-Таш следует отметить, что звукопереход **ч>ш* в истории чувашского языка имел место лишь после некоторых сонантов и, очевидно, охватывал не все слова, ср. **кылч** 'сабля', где аффриката **ч** после латерального **л** перешла в ç: *хĕç*.

Заслуживают внимания и другие пермские апеллятивы с дополнительными семантическими оттенками для обозначения рельефа местности с основым типом леса, принимавшие косвенное или прямое участие в номинации географических объектов северо-восточной части современной Марийской республики. Определенный интерес в этом отношении представляет такой ряд слов, как сс. **с'орд** 'низменное место с мелким еловым лесом' (Колегова, Бараксанов 1980:168), вв., нв., скр. **сёрд** 'еловый лес в низменной местности' (ССКЗД 334), коми-зыр. **сорд** 'разновидность леса (роща)', уцелевшее в коми географических названиях и имеющее гомогенное соответствие в удм. и венг. языках. Ср., например: удм. (южн.) **сурд** 'роща', венг. *erdő* 'лес, роща' (КЭСК 261), а также топонимы Коми АССР: **Сордйыл — Сордйив** (н. п. на р. Сордьели), **Сордъёль** (назв. речки вблизи н. п. Помоздино), Сордъю (назв. р. и ж.-д. ст.) (КРС 835), р. **Сордшор,** прав. приток р. Помос; д. **Сордйыв** Усть-Куломского р-на (Туркин 1986:107), д. **Сорд** Визгинского с/с Сысольского р-на (ССКЗД 342).

Следует заметить, что Н. Б. Бурганова с общепермским апеллятивом **сорд** и его вариантами **сьорд, серд** связывает топонимы и гидронимы Заказанья, имеющие в основе своей лексические элементы: **сэрдэ** (серде), **сэрдек.** Например: **Урта Сэрдэ** — рус. Средн. Сарда, **Югары Сэрдэ** — Верх. Сарда, **Сэрдэбаш** — Сардабаш, **Серде** — Сюрда и др. в Арском р-не) и речушек — малых притоков Шошмы, Казанки, Меши, Брыски и др. (Бурганова 1976:139).

Если исходить из соображений Н. Б. Бургановой, то в указанных топонимах и гидронимах следует усматривать прежде всего удмуртскую субстратную лексему, нежели коми, ибо последние проживают севернее удмуртов. Для проверки достоверности данного вывода мож-

но привлечь удм. слово **сурд** 'берёзовая роща, березняк'; 'лес', встречающееся в топонимии Можгинского р-на УАССР, территориально тяготеющего к районам распространения географических названий с лексемой **сэрдэ.** Если обратиться к удм. форме **сӱрд** 'лес', то она обнаруживается лишь в бавлинском говоре, распространенном на территории Еремкеевского р-на Башкирии и Бавлинского р-на Татарии (Атаманов 1987:70; Тараканов 1958:92), в территориальном отношении значительно отдаленном от ареала распространения перечисленных топонимов и гидронимов. Однако сближение удм. **сурд** с тат. **сэрдэ** затруднено по причине их фонетического несоответствия: в удм. форме выступает узкий огубленный гласный заднего ряда **у,** в начальном слоге тат. лексемы — широкий неогубленный гласный переднего ряда (несколько приближающийся к передним смешанным) **э** (Байчура 1959:29). Сближение тат. и удм. форм исключается также попыткой воссоздания более древнего облика удм. слова — ***сорд** со значением, видимо, 'лес в низинной местности', где звук **о** соответствует такому же по качеству гласному общепермского языка. В истории тат. языка корневое этимологическое ***о** сузилось в **у** (ОЯ 35), сужение главным образом наблюдается в односложных словах (СИГТЯ 154—157).

Предположение об общеперском характере тат. **сэрдэ** обнаруживает свою полную несостоятельность, если привлечь для сравнения названия селений, расположенных на территории Мари-Турекского р-на Марийской АССР, Уржумского и Унинского р-нов Кировской области, ср.: д. **Мал. Сардабаш,** д. **Сарда** (неоф. **Сардамучаш),** д. **Сардаял,** входящие в административное подчинение поссовета Мариец (МАССР, АТД, 1986: 9—10), а также д. **Сарда** Мари-Биляморского с/с (МАССР, АТД, 1986:41), д. **Сарда** Рождественского с/с Уржумского р-на, с. **Сардык,** д. **Сардык** Сардыкского с/с Унинского р-на (Кировск. обл., АТД, 1978: 188, 192, 357). Указанные ойконимы имеют непосредственную генетическую связь с татарскими названиями, и конечный гласный а в них нельзя причислять к разряду аффиксов, как предполагает Н. Б. Бурганова — **сэрдэ**<возможно **сэрд**+афф.— *э* (Бурганова 1976:139). Исходя из этого, можно также полагать, что тат. **сэрдэ** и мар. **сарда** свидетельствуют и о генетическом тождестве населе-

ния, проживающего на указанной территории в прошлом. Что касается лексемы **сарда,** то, несомненно, она является гидронимом, ср.: **Сарда вӱд** (р. Сарда), лев. приток р. Шошмы (Мари-Турекский р-н), а также интерпретацию названий: **Сардамучаш** — исток р. Сарды, **Сардаял** — деревня по р. Сарде или название татарской деревни **Мал. Сардабаш** — малая деревня на истоке р. Сарды.

Вместе с тем следует отметить, что этимологизация гидронима **сэрдэ ∞ сарда** крайне затруднительна и путь к верной интерпретации её происхождения может быть установлен лишь в результате дополнительных этимологических разысканий, поэтому этот вопрос следует оставить пока открытым.

Возвращаясь к пермским апеллятивам, любопытно отметить, что генетическая связь между словами **сорд** 'разновидность леса (роща?)' и **сёрд** 'низинный ельник за полями' В. И. Лыткиным отрицается по причине их фонетического несоответствия (Лыткин 1964:64, 95). В КЭСК первое возводится к общепермской праформе **sǒrd* 'вид леса' (с. 261), второе — к общекоми **śǫrd* (с. 253). Причем лексему **сьӧ***рд* 'лес' авторы словаря считают тождественной с **сёрд,** указав на их семантическое соответствие (КЭСК 271), а слово **сьӧрт** 'низинный высокий ельник', 'сырое место в долине реки, поросшее кустарником' включают в одно этимологическое гнездо со словом **мӧсьӧр** 'ложбина, лог', указывая, впрочем, на вероятность их этимологической близости (КЭСК 176—177, 270—271). Однако такое сближение не имеет надежного семантического обоснования. Фонетическая структура слова **сьӧрт** и набор его значений позволяет с уверенностью констатировать о его генетическом родстве со словом **сьӧрд.** Диалектное колебание **д//т,** хотя и носит спорадичный характер, однако оно является живым фонетическим явлением коми языка и встречается как в срединной, так и в конечной позициях слов, например: иж. **водса//**лет. **вотса** 'лёжа, в лежачем положении' (ССКЗД 55), нв., скр. **гартовтны//**уд. **гардовтны** 'обернуть, завернуть' (ССКЗД 76).

Видимо, и лексема **сорд** имеет генетические связи со словом **с'орд** *(сёрд)*. Интересно в этой связи отметить спонтанное смягчение дорсального сибилянта **с** в значительном количестве лексем диалектов коми языка. Возможно, в орбиту такого смягчения была втянута и лек-

сема **сорд.** Ср., слова с анлаутным с//с', находящиеся в гомогенных семантических отношениях: л., скр., сс., уд. **сапкыны//л. с'ӏпкыны*** 'валить, навалить (о снеге)' (ССКЗД 330), сс. **сӧрмыны** 'затвердеть, одеревенеть, стать жестким (о перезрелых стеблях растений)'//уд. **сьӧрмыны** 'крепнуть, мужать' (ССКЗД 346).

Весьма наглядно это явление проявляется в русских заимствованиях, где палатальный с' выступает на правах аллофона переднеязычного дорсального **с** языка-источника: коми-зыр. **сьпектак**<рус. **спектакль,** коми-зыр. **сьпирт**<рус. **спирт** (ССКЗД 357), иж., уд. **сьпичка,** вв., нв., печ. **сьпички**<рус. **спички** (ССКЗД 137, 357).

Как уже было указано, В. И. Лыткин для слова **сорд** реконструирует закрытое ***ӧ** — гласный звук средне-верхнего подъема, а для **сёрд** — открытое ***о,** т. е. гласный средне-нижнего подъёма. Однако не исключена возможность, что в анализируемых лексемах они являются позиционными оттенками одной и той же общепермской фонемы ***о,** являющейся рефлексом допермского переднерядного ***е.** Совершенно естественно, что гласный **о** между мягким и твердым согласными произносится более открыто, а между твердыми согласными приобретает более закрытое звучание.

Что касается допермского ***е,** то следы его обнаруживаются и в топонимии северо-восточной части Марийской республики. Так, в Сернурском районе имеется река под названием **Сердеж** (мар. **Сердыж//Шердыж вӱд**) — левый приток реки Лаж и одноименные с ней селения, расположенные на ее берегах, **Кугу Сердыж** (офиц. Большой Сердеж, т. е. большая деревня по реке Сердеж) и **Изи Сердыж** (офиц. Староверево, устар. офиц. назв.— Малый Сердеж, т. е. малая деревня по реке Сердеж). Деревня с таким же названием имеется в Моркинском р-не (МАССР, АТД, 1986:54, 137). Идентичные ойконимы бытуют также в Кировской области, ср. с. **Сердеж** (Яранский р-н) и дд. **Большой Сердеж, Малый Сердеж** (Лебяжский р-н) (Киров. обл., АТД 1978:105, 223, 254, 319, 359).

---

* Звук с' в коми графике и орфографии передается четырьмя способами: 1. посредством мягкого знака (пась 'шуба'), 2. следующей ётованной буквой (*кысянь* 'откуда'), 3. буквой **и (син** 'глаз'), 4. следующей мягкой согласной *короссьыс* 'он из своего веника' (СКЯ 1955:76).

В. В. Кузнецов вслед за И. Г. Ивановым (Иванов 1978:13—14) допускает возможность связать основу названия **Сердыж//Шердыж** с лексемой **шер** (значение не указано.— *А. К.*), которая сравнивается со словом **шерем** 'пастбище', в качестве его лексических соответствий приведены коми **сьӧр** 'пространство, находящееся за ч.-либо', удм. **шаер** 'страна, местность', мар. **вер-шӧр** 'местность'. Элементы **-та-, -ыж** он квалифицирует как топоформанты (Кузнецов 1987:42).

Однако такое толкование является ошибочным. Это слово относится к числу субстратных, т. е. оставленных пермским народом, жившим здесь до прихода мари. Многие из современных топонимов северо-восточной части Марийской республики объясняются на почве удмуртского языка, а отдельные названия можно интерпретировать лишь на коми лингвистическом материале. В соответствии с этим можно полагать, что отдельные удмуртские лексемы претерпели значительные фонетические и семантические изменения, однако их реликты сохранились в диалектах коми языка.

При объяснении названия **Сердеж** предпочтение следует отдать, видимо, лексическим данным коми языка. Сравнение элемента **с'эрд** с коми-зыр. **с'орд** 'лес' показывает, что **с'эрд** является более архаичным, сохранившим, возможно, даже допермский гласный **е.**

Что касается второго компонента композиты, то в коми языке ей соответствует слово **эж (эжа)** 'трава, дёрн, лужайка, луг, зеленый покров земли, целина, залежи' (Туркин 1986:25). Эта лексема участвует в образовании многих географических названий Коми АССР, ср. **Эжва** (Вычегда), прав. приток Северной Двины, **Эжол,** левый приток Вычегды, **Эжолты,** д. в Усть-Вымском р-не (Туркин 1986:136). На почве марийского языка коми слово **ва** 'вода, река' заменено марийской лексемой **вӱд,** имеющей идентичное значение, ср. **Сердыж вӱд** 'река Сердеж'. Исходя из этого можно полагать, что **Сердеж** — река, протекающая по лесной, луговой местности.

Сравнение второго компонента с современным удм. **еж (йэж)** 'зеленый, незрелый, неспелый (молодой.— *А. К.*)' невозможно, ибо в удмуртском, как и в марийском языке, определение по отношению к определяемому слову занимает препозитивное место, ср. мар. **самырык чодыра** 'молодой лес', удм. **лысо нюлэс** 'хвойный лес',

еж сик 'зеленый лес'. Однако в ижемском диал. коми языка возможны такие образования, в которых лексический элемент **эж** занимает постпозитивное место: **енэж** 'небо, небеса'; в религиозных представлениях 'бог'; 'рай'; **му эж** 'верхний слой земли', **юр эж** 'кожный покров головы, на которой растут волосы' (из устного сообщения коми лингвиста Е. А. Игушева).

Шердыж является фонетическим вариантом лексемы **Сердеж,** где шипящий согласный **ш** генетически восходит к свистящему **с'**, а переднерядное **э** в заударном положении редуцировалось.

Генетическое единство анализируемых лексем подтверждается также семантикой слова **серты.** Так, согласно данным С. Я. Черных, извлеченным из Переписной книги 1717 года по Алатской дороге (ЦГАДА, ф. 350, оп. 1, ед. хр. 140), в северо-восточной части Марийского края имелась волость Малые Серты (скорее всего деревня в Сернурской волости, поскольку в таблице под номером 42 значатся Малые Серты и Малый Сернур с общим количеством дворов — 38.— *А. К.*) (Черных 1982: 50, 61). В слове **с'эрт** 'лес' также уцелело древнее **э.** Что касается согласного **т,** то он является результатом оглушения конечного звонкого **д** в устной речи; топонимообразующая флексия **-ы** — позднейшая инновация, возникшая на русской почве.

Зачастую в географическом названии может уцелеть праязыковая форма слова, которая в современных диалектах имеет совершенно иное звуковое оформление. Кроме того, в самом архетипе могут содержаться инновации, возникшие под действием факторов другого языка, поэтому его реконструкция относится к числу труднейших задач ономастики.

Так, название удмуртской деревни **Шордэнгер** (офиц. Нижний Шолынер) Карлыганского с/с Мари-Турекского р-на сложилась из двух разноязычных элементов: удм. **шорд** 'лес, лесная'+мар. **энгер** 'река'. В слове **шорд** спирант **ш** явно возник уже на почве марийского языка из праудмуртского ***с.** Из этого следует, что более древняя форма анализируемой лексемы была * **сорд.** Однако лингвистические данные современного удмуртского языка свидетельствуют об отсутствии такой формы и указывают на **сӱрд** ∞ **сурд** 'березняк, березовый лес', 'лес'. (Атамонов 1987:70). Если обратиться к данным исторической фонетики, то оказывается, что праудмуртское

* **о** в современных удмуртских диалектах представлено гласным **у** и реже **о**, в коми языке регулярно ему соответствует **о** (Кельмаков 1978:20). Поэтому неслучайно, что на месте праудмуртской лексемы * **сорд** 'лес' выступает его позднейшая модификация **сурд**, пополнившая к тому же свою семантическую структуру новыми значениями.

В силу изложенного представляется вполне обоснованной неточность в трактовке этого названия в предыдущей работе (Куклин 1985:147).

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что апеллятивы, связанные с лесом, как и другие географические термины, являются ценным лингвистическим материалом, поэтому их сбор, систематизация и историко-этимологическая интерпретация имеют большое значение не только для этно- и палеолингвистики, но и этногенеза как марийского, так и родственных финно-угорских, а также неродственных соседствующих народов Волго-Камского региона.

ЛИТЕРАТУРА

Алабугина Ю. В., Иванова Т. А., Кульментьева Л. В., Огонькова Г. А., Пичугова Л. А. 1974. Заимствованные апеллятивы в русских говорах Виноградовского района Архангельской области и их отражение в топонимике//Вопросы ономастики, вып. 8—90.— Свердловск.— С. 115—125.

Алврe Р., 1981—Alvre, P. Uurali keelte ajaloolise foneetika harjutusülesanded ja materjalid (üksikkonsonandid). Teine trükk.— Tartu.— 110 l.

Атаманов М. Г. 1987. Географические апеллятивы удмуртского языка, связанные с лесом//Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков.— Ижевск.— С. 68—75.

Байчура У. Ш. 1959. Звуковой строй татарского языка. Экспериментально-фонетический очерк 1.— Казань.— 185 с.

Бурганова И. Б. 1976. О татарских народных названиях растений// Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка.— Казань.— С. 125—141.

Васильева Д. П. 1979. Ландшафтная география Марийской АССР.— Йошкар-Ола.— 134 с.

Вострикова О. В. 1979. Заимствованная географическая терминология в русских говорах по реке Унже и ее отражение в топонимии// Вопросы ономастики, вып. 13.— Свердловск.— С. 102—105.

Вострикова О. В. 1980. Субстратная географическая терминология в русских говорах и топонимии Волго-Двинского междуречья// Вопросы ономастики. Собственные имена в системе языка.— Свердловск.— С. 71—79.

Востриков О. В. 1981, Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья//Этимологические исследования.— Свердловск.— С. 3—45.

Галкин И. С. 1985, Тайны марийской топонимики.— Йошкар-Ола.— 96 с.

Гордеев Ф. И. 1983, Этимологический словарь марийского языка. Т. 2. В—Д.— Йошкар-Ола.— 287 с.

Грузов Л. П. 1969, Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика.— Йошкар-Ола.— 211 с.

Даль В. 1982, Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. Р—V.— Москва.— 683 с.

Егоров В. Г. 1964, Этимологический словарь чувашского языка.— Чебоксары.— 355 с.

Жеребцов Л. Н. 1982, Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X — начало XX в.,— Москва.— 224 с.

Жилина Т. И. 1975, Верхнесысольский диалект коми языка.— Москва.— 268 с.

Жилина Т. И. 1985, Лузско-летский диалект коми языка.— Москва.— 271 с.

Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. 1971, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык.— Москва.— 276 с.

Зеленинъ Д. 1903, Отчетъ о діалектологической поѣздкѣ въ Вятскую губернію.— Санкт-Петербургъ.— 189 с.

Иванов И. Г. 1978, Топонимические этюды (о названиях некоторых районов Марийской АССР)//Вопросы марийской ономастики.— Йошкар-Ола.— С. 12—19.

Исанбаев Н. И. 1978, Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке//Вопросы марийского языка.— Йошкар-Ола.— С. 3—50.

Казанцев Д. Е., Патрушев Г. С. 1972, Современный марийский язык. Лексикология.— Йошкар-Ола.— 184 с.

Калима 1913,— Kalima, J. Kritisches zur frage über die finnisch-ugrischen elemente im russischen II (Zelenin, Vasmer, Pogodin).// Rocznik slawistyczny. T. VI.— Kraków.— S. 74—94.

Калима 1919 — Kalima J. Die ostseefinnischen lehnwörter im russischen.— SUST XLIV.— Helsinki.— 265 s.

Кельмаков В. К. 1978, К вопросу о «двух о» в праудмуртском языке//Советское финно-угроведение. № 1, 20—40.

Кировская область. Административно-территориальное деление. (На 1 июня 1978 года). Киров, 1978.— 424 с.

Коведяева Е. И. 1970, Проблемы акцентуации марийского языка.— Москва.— 135 с.

Коведяева Е. И. 1987, Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. Марийский язык.— Москва.— 160 с.

Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. 1980, Среднесысольский диалект коми языка.— Москва.— 226 с.

КРС — *Тимушев Д. А., Колегова Н. А.*, Коми-русский словарь.— Москва, 1961.

Кузнецов В. В. 1980, Ойконимы Марийской АССР с топоформантом *-мас*//Вопросы марийской ономастики, вып. 2.— Йошкар-Ола.— С. 3—15.

Кузнецов В. В. 1985, Названия населенных пунктов Волжского района Марийской АССР (историко-этимологический анализ)//Вопросы марийской ономастики, вып. 5.— Йошкар-Ола.— С. 3—29.

Кузнецов В. В. 1987, Названия населенных пунктов Моркинского района Марийской АССР (историко-этимологический анализ).//Вопросы марийской ономастики, вып. 6.— Йошкар-Ола,— С. 25—50.

Куклин А. Н. 1985, Названия физико-географических объектов Марийской АССР (с комментариями)//Вопросы марийской ономастики, вып. 5.— Йошкар-Ола.— С. 119—189.

Куликовскій Г. 1898, Словарь областного Олонецкаго наръчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи, Санкт-Петербургъ.

КЭСК — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка.— Москва, 1970.

Лыткин В. И. 1964, Исторический вокализм пермских языков.— Москва.— 270 с.

Марийская АССР. Административно-территориальное деление на 1-е мая 1952 года.— Йошкар-Ола.— 250 с.

Марийская АССР. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1955 года.— Йошкар-Ола.— 125 с.

Марийская АССР. Административно-территориальное деление на 1 мая 1969 года.— Йошкар-Ола.— 162 с.

Марийская АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1974 года.— Йошкар-Ола.— 104 с.

Марийская АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1978 года.— Йошкар-Ола.— 151 с.

Марийская АССР. Административно-территориальное деление на 1 октября 1981 года.— Йошкар-Ола.— 147 с.

Марийская АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1986 года.— Йошкар-Ола.— 150 с.

Мурзаев Э. М. 1984, Словарь народных географических терминов.— Москва.— 653 с.

МНС — Марийские народные сказки.— Йошкар-Ола, 1984.

МРС — Марийско-русский словарь.— Москва, 1956.

Основы 1975 — Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки.— Москва.— 347 с.

Основы 1976— Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки.— Москва.— 464 с.

ОЯ — Общее языкознание. Методы лингвистических исследований.— Москва, 1973.

Паасонен 1948 — Paasonen, H. Ost-tscheremissisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Paavo Siro.— LSFU XI.— Helsinki.— 210 s.

Панин Л. Г. 1982, Географические термины в деловой письменности Западной Сибири XVII — первой половины XVIII в//Лексика и фразеология русских говоров Сибири.— Новосибирск.— С. 35—49.

Патрушев Г. С. 1958, Из истории изучения марийского языка// Уч. зап. Мар. госпединститута им. Н. К. Крупской. Т. 16.— Йошкар-Ола — С. 3—28.

Петропавловская Л. В. 1982, Лексика финно-угорского происхождения в составе русских говоров Новосибирской области//Лексика и фразеология русских говоров Сибири.— Новосибирск.— С. 49—57.

Подвысоцкій А. 1885, Словарь областного Архангельскаго наръчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи.— Санкт-Петербургъ.— 198 с.

Полякова Е. Н. 1988, От «аранны» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области.— Пермь.— 180 с.

Рона-Таш А. 1987, Основные звуковые изменения в истории чувашского языка//Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка.— Чебоксары.— С. 43—47.

Рясянен 1923 — Räsänen, M. Die tatarischen lehnwörter im tscheremissischen.— SUST L.— Helsinki.— 99 s.

Рясянен 1969 — Räsänen, M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen.— LSFU XVII$_1$.— Helsinki.

Сахарова М. А., Сельков Н. Н. 1976, Ижемский диалект коми языка.— Сыктывкар.— 288 с.

Сепеев Г. А. 1985, Марийцы//Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки.— Москва.— С. 141—174.

Серебренников Б. А. 1971, Этимологические заметки//Этимология 1968.— Москва.— С. 207—214.

СГН — *Саваткова А. А.* Словарь горного наречия марийского языка.— Йошкар-Ола, 1981.

СИГТЯ — *Тенишев Э. Р., Левитская Л. С.* и др. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика.— Москва, 1984.

Симина Г. Я. 1980, Географические названия (По материалам письменных памятников и современной топонимики Пинежья).— Ленинград.— С. 110.

Симони П. К. 1899, Два старинныхъ областныхъ словаря XVIII столѣтія. I. Словарь областныхъ словъ, употребляемыхъ въ г. Устюгѣ Великомъ (по записи 1757 г.) II. Вятскій областной словарь (1772 г.) — Живая старина, вып. III и IV. С.-Петербургъ, 443—450.

СКЯ — Современный коми язык, ч. I.— Сыктывкар, 1955.

СЛ — Сказки лесов. Марийские народные сказки.— Йошкар-Ола, 1981.

СМЯ — Современный марийский язык. Фонетика.— Йошкар-Ола, 1960.

СРСГУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. VI.— Свердловск, 1987.

СРЯ — Словарь русского языка. Т. IV.— Москва, 1988.

ССЗН — *Иванов И. Г., Тужаров Г. М.* Словарь северо-западного наречия марийского языка.— Йошкар-Ола, 1971.

ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов.— Сыктывкар, 1961.

Тараканов И. В. 1958, Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных).— Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук.— Тарту.— 310 с.

Таскаева Л. А. 1977, Заимствованная лексика в географической терминологии русских говоров Среднего Урала//Вопросы ономастики. Русская топонимия и географическая терминология, вып. 12.— Свердловск.— С. 138—147.

Тираспольский Г. И. 1980. И. А. Куратов — языковед.— Сыктывкар.— 144 с.

Тойвонен 1915,— Toivonen, Y. Wortgeschichtliche Streifzüge.— FUF XV.— Helsingfors.

ТМО — Тошто марий ой-влак.— Йошкар-Ола, 1972.

Туркин А. И. 1986, Топонимический словарь Коми АССР.— Сыктывкар.— 142 с.

Упымарий (Васильев В. М.) 1926, Марий мутэр. Тӱрлӧ вэрэ илышэ марийын мутшым тангастарэн нэргэлымэ книга (Сравнительный сло-

варь наречий марийского языка).— Москва (на обложке: 1928).— 347 с.

Фасмер М. 1987. Этимологический словарь русского языка. Т. III (Муза — Сят). Изд. 2-е, стереотипн., Москва.— 831 с.

Федотов М. Р. 1965. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. I. Чувашско-марийские связи.— Чебоксары.— 160 с.

Хонти Л. 1985. О связях уральских и алтайских языков//Урало-алтаистика (Археология. Этнография. Язык).— Новосибирск. — С. 159—172.

Чайко Т. Н. 1976. Заимствованные географические термины в русских старожильческих говорах по нижнему течению Иртыша//Вопросы ономастики. Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой, вып. II.— Свердловск.— С. 117—128.

Черных С. Я. 1978. Шернур кундемысе вер-шӧр-влакын лӱмышт// Вопросы марийской ономастики.— Йошкар-Ола.— С. 56—64.

Черных С. Я. 1982. Переселение луговых марийцев в бассейн реки Белой (по данным топонимии)//Вопросы марийской ономастики, вып. 3.— Йошкар-Ола.— С. 42—64.

ЭКНЭС — *Цыганкин Д. В., Мосин М. В.* Эрзянь келень нурькине этимологической словарь (Школанень пособия).— Саранск, 1977.

Л. Ш. Арсланов

МАРИЙСКИЙ ПЛАСТ В ТОПОНИМИИ МАМАДЫШСКОГО РАЙОНА ТАССР

Топонимия Мамадышского района ТАССР формировалась в течение длительного времени в сложных историко-географических и этнолингвистических условиях. Поэтому она неоднородна по происхождению и времени возникновения.

Значительную часть топонимики Мамадышского района составляют топонимы тюркского (татарского) происхождения: *Мамадыш, Урта Кирмэн* (Средние Кирмени), *Кече Кирмэн* (Малые Кирмени), *Тэкэнеш* (Таканыш), *Баскан, Катмыш, Уразбахты* (Уразбахтино) и др.

Наряду с тюркскими в топонимии Мамадышского района можно выделить славянский (русский) — Рогозино, Никифоровка, Вандовка, Соколки, Владимир, Красная горка — и финно-угорский (марийский и удмуртский) пласты. Удмуртский пласт в топонимии Мамадышского района представлен названиями Нижняя Уча, Новая Уча, Чабья и др.

Марийский пласт в топонимии Мамадышского района обнаруживается главным образом в названиях населенных пунктов, в которых в настоящее время проживает татарское и частично русское население: *Кеек Ерыкса* (Куюк Ерыкса), *Түбэн Шүлэнгер* (Нижний Шандер), *Нурма* (Норма), *Югары Ушма* (Верхняя Ошма), *Түбэн Ушма* (Нижняя Ошма), *Үсэли* (Усали), *Большая Шия, Малмыжка* и др.

Прикамский район (в том числе территория Мамадышского района) издавна был заселен марийцами. «Расселение татарского населения на юго-востоке Ветлужско-Вятского междуречья и русского на севере вызвало передвижение части марийцев на восток через р. Вятку. Прикамский район является первым по времени районом расселения восточных марийцев, где они появились задолго до присоединения Среднего Поволжья к русскому государству» (Сепеев 1970:29).

Часть топонимов марийского происхождения Верхняя Ошма, Нижняя Ошма, Норма появились, очевидно, до XVI века.

Топонимия марийского происхождения на территории Мамадышского района прослеживается в основном в ойконимах и гидронимах. Следы же пребывания марийцев можно обнаружить в марийских кладбищах (чирмеш зыяраты), в сохранении марийских родов в отдельных татарских деревнях.

В статье рассматривается топонимия марийского происхождения.

Бэкшел — гидроним, речка бассейна Малой Меши; *Бэкшел чокыры* (Овраг Бокшеля) — речка бассейна реки Ошма; *Йуан Бэкшел* — правый приток реки Ошма. Восходит к мар. *покшел* «середина, средний» (МРС 488), т. е. «средняя речка: река, находящаяся в середине».

Куюк Ерыкса (Кэек Ерыкса), *Крящ Ерыкса* — название сел, заселенных первый — татарами-мусульманами, второй — крещеными татарами. Топоним Куюк Ерыкса представляет собой сложное образование: тат. *кеек* «гарь»+мар. *ерыкса* ∞ *ерикса* «озерная протока» (Галкин 1965:7). Компонент *ерыкса* состоит из мар. *ер.* «озеро» и *икса* «залив, за́водь, за́тон» (МРС 129).

И. А. Износков топоним *Ерыкса* связывает с татарским «джарык су» «расселина, через которую просачивается вода», что маловероятно (Износков 1884; 123). На марийское происхождение топонима Ерыкса указывает наличие деревни *Малая Ерыкса* (Ильнет) при впадении р. Ильнет в речку Ерыксу. Население состоит из русских и черемис. Большая Ерыкса находится при речке Ерыкса. Население состоит из черемис (Материалы по статистике Вятской губернии 1889:73). Эти населенные пункты находятся в Алнашском районе Удмуртской АССР.

В пользу марийского происхождения топонима Ерыкса говорит и тот факт, что на основной территории расселения марийцев, в частности в бассейне реки Большая Кокшага (речка Ерыкса — приток Большой Кокшаги, там же в XVII веке была деревня Ерыкса), имеются аналогичные ойконимы и гидронимы. О проживании в прошлом марийцев в селе Кеек Ерыкса расска-

зывает и предание, сохранившееся в памяти старожилов. Предание гласит, что раньше в этом селе жили марийцы. Свидетельством этому является наличие в прошлом древнего марийского кладбища, которое обнаружено при строительстве оросительной системы.

Нурма (Норма) — ойконим и гидроним, является названием правого притока речки Кирмень и левого притока речки Ошторма. Топоним Нурма (Норма) имеет широкое распространение. Так, например, подобные топонимы представлены в Балтасинском и Арском районах ТАССР: *Нурма, Нурмабаш* — татарские села, существующие еще в эпоху Казанского ханства (Гарипова 1984:92). Топонимы Нурма имеются и в Новоторъяльском и Медведевском районах Марийской АССР (Кузнецов 1980: 8—9). Состоит из топоформантов мар. *нур* «поле»+*ма,* т. е. «земля, изобилующая полями» (Черных 1978:63). Суффикс *-ма* (топоформант) В. В. Кузнецов относит к финно-угорскому слову *ма* «земля», ср. фин. *маа* «земля», эст. *маа* «земля», «сторона», «край», манс. *ма* «земля», «место» (Кузнецов 1980:23—24). По данным Н. А. Спасского, предки современного татарского села Большая Нурма Балтасинского района были марийцами (Спасский 1912:95).

Пимэр — речка бассейна реки Берсут. Аналогичный гидроним *Пимэр* (река бассейна реки Нурма) встречается в Пестречинском районе ТАССР (Гарипова 1984:97). Этимология не ясна. Топоним Пимер Н. А. Спасский считает «черемисским», т. е. марийским (Спасский 1912: 247—249). Данный топоним состоит, очевидно, из компонентов *пи*+топоформант *мар* ~ *мер*.

Пышай — гидроним бассейна реки Шия. Вероятно, связан с марийским зоонимом *пӱчӧ* «олень» (МРС 482). Близкий по форме ойконим *Пучы* (Поисево), возведенный Г. Ф. Саттаровым к мар. *пӱчӧ* «олень», представлен в Актанышском районе ТАССР (Саттаров 1978:27).

Тубэн Шүлэнгер (Нижний Шандер). Состоит из тат. *түбэн* «нижний» +мар. *шоло* «вяз»+суф. *-ан* (*шолан* «с вязами», «вязовый»)+топоформант *энгер* «река» (Галкин 1982:11, 18) Близкие фонетические варианты *Шэлэнгер* представлены гидронимами в Закамье (речка Шэленгер бассейна реки Шерьень Аксубаевского района

ТАССР), в Заказанье — правый приток Казанки при д. Тимирчи Арского района ТАССР (Гарипова 1984:141). Сходный по форме топоним (Ст. Шоленгер) имеется в Звениговском районе Марийской АССР (Галкин 1982: 18). Данный топоним Н. А. Спасский также считает черемисским (Спасский 1912:24).

Шлангыр — гидроним бассейна реки Шия (с. Тулбай). Данный топоним мы считаем фонетическим вариантом гидронимов Шүлэнгер, Шэленгер.

Усали — ойконим. И. А. Износков считает, что ойконим Усали состоит из черемисских слов *у* «новый» и *сола* «деревня», «село» (Износков 1884:139) Г. Ф. Саттаров ойконим Усали связывает с удмуртским воршудным именем *уса ~ уча* «соловей» (Саттаров 1973; 178). Местные жители считают, что топоним Усали представляет собой словосочетание *эч эйле* «три дома». Однако во всех случаях, где распространен данный топоним, преобладает вариант *Өчиле (эч эйле)*, а не *эс эйле*. Что касается употребления Усэли вместо Өчиле, то оно, на наш взгляд, возникло ассоциативно, т. е. произошло переосмысление на почве татарского языка вследствие народной этимологии. Мы придерживаемся этимологии И. А. Износкова.

Ушлам — гидроним бассейна реки Шия (д. Таканыш Мамадышского района) восходит к мар. *ушланаш* «соединиться»; *ушланымаш* «соединение, срастание, сращение» (МРС 638).

Ушма — ойконим и гидроним — является правым притоком Вятки. Ойконимы образованы от гидронима *Ошма*. Селение состоит из 3-х выселков: Верхняя Ошма, Средняя Ошма, Нижняя Ошма (Ушма), расположенных при речке Ошме (Ушма) в Балтасинском районе ТАССР. Живут удмурты (Список 1885). Ойконимы и гидроним *Ошма (Ушма)* мы считаем вторичными, т. е. они являются топонимами-мигрантами. Этимологию топонима Ошма (Ушма) Г. Ф. Саттаров связывает с марийским апеллятивом *ошма* «песок»<*ош* «белый»+ *ма (ва)* «вода» (Саттаров 1973:104). Аналогичного мнения придерживается Ф. Г. Гарипова (Гарипова 1984: 127). В. В. Кузнецов слово *ошма* «песок» считает слож-

ным: *ошо* «белый», ср. венг. *оос* «серый»+*ма* «земля»; букв. «белая земля» (Кузнецов 1980:8).

Следы пребывания марийцев на территории Мамадышского района обнаруживаются не только в топонимах марийского происхождения, но и в преданиях и легендах, в сохранении марийских родов в отдельных татарских и русских селениях, в «черемисских» (марийских) кладбищах и киреметях. Так, например, по данным И. А. Износкова, в татарских и русских селениях сохранились предания о том, что «основателями их были черемисы» (Износков 1884:105). Жители современного русского села Омары — «потомки обрусевшихся черемис, и доселе они во время свадьбы надевают черемисские рубашки. Около села есть овраг «кере-мать», где прежде были молбища» (Спасский 1912:138).

Гидроним и ойконим *Омары, Омар* состоит, на наш взгляд, из двух компонентов: например, мар. *о (у)* «новый»+топоформант *мар ~ мары,* т. е. «новые мари», ср., Килемары, Шудумары, Вытлӓмары, Помары, Пижмара и др.

Таким образом, марийский пласт в топонимии Мамадышского района занимает заметное место. Все ойконимы и гидронимы марийского происхождения встречаются в бассейне реки Вятка. Они свидетельствуют о том, что до появления булгар — предков казанских татар — в бассейне реки Вятки жили и предки марийцев.

ЛИТЕРАТУРА

Галкин И. С. 1965, Топонимия марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа (тезисы докладов и сообщений).— Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1982, Топонимические заметки//Вопросы марийской ономастики.— Йошкар-Ола.

Гарипова Ф. Г. 1984, Татарстан гидронимсары сузлеге.— Казань.

Износков И. А. 1984, О сохранившихся преданиях по поводу русских и инородческих поселений в Казанской и соседней с нею губерниях.//Труды четвертого археологического съезда в России. Т. 1.— Казань.

Кривощекова-Гантман А. С. 1983, Географические названия Верхнего Прикамья.— Пермь.

Кузнецов В. В. 1980, Ойконимы Марийской АССР с топоформантом *-мас.*//Вопросы марийской ономастики.— Йошкар-Ола.

Куклин А. Н. 1985, Названия физико-географических объектов Марийской АССР//Вопросы марийской ономастики.— Йошкар-Ола.

МРС — Марийско-русский словарь.— Москва, 1956.

Саттаров Г. Ф. 1978, Татарская антропотонимия и этнолингвистические связи//Сов. тюркология, № 3.

Сборник материалов по истории Казанского края XVIII в., изданный под редакцией проф. Д. А. Корсакова,— Казань, 1908.

Сепеев Г. А. 1970, Топонимические и родовые названия восточных марийцев как историко-этнографический источник//Вопросы финно-угроведения. Вып. 5.— Йошкар-Ола.

Смирнов И. Н. Об историко-этнографическом изучении Вятского края, с. 153 (оттиск).

Спасский Н. А. 1912, Очерки по родиноведению. Казанская губерния.— Казань.

Список — Список населенных мест казанского уезда с кратким их описанием.— Казань, 1885.

Татарская АССР: административно-территориальное деление.— Казань, 1973.

Черных С. Я. 1978, Шернур кундемысе вер-шӧр-влакын лӱмышт// Вопросы марийской ономастики. Вып. 1.— Йошкар-Ола.

Ф. И. Гордеев

О КОНТАКТАХ ПОЗДНЕСАРМАТСКИХ ПЛЕМЕН С ВОЛЖСКО-ПЕРМСКИМИ ЭТНИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ

(Границы распространения волжско-пермских и обско-угорских племен)

Территория распространения волжско-пермских племен в доисторическое время была далеко не такая, какую они занимают в настоящее время.

Несомненно, финно-угорская языковая общность в эпоху неолита локализовалась в основном между Уралом и Волгой, точнее — в Волго-Камье, Приуралье и отчасти в Зауралье, но недалеко от Уральского хребта. Территория распространения и пребывания финно-угорских племен должна была меняться в зависимости от экономико-географических условий: в зимний период — одна, а в летнее время значительно расширялась в условиях примитивного способа ведения хозяйства, в том числе и кочевого скотоводства. Могли происходить и вынужденные оттеснения их к востоку, за счет чего, по мнению археологов (Халиков 1967:35—36), например, произошло усиление финно-угорского элемента в Зауралье в результате ассимиляции местных элементов пришлыми уграми. Такие же движения могли иметь место и на западе под давлением оставшихся в Волго-Камско-Вятском регионе предков волжско-пермских племен.

Следует полагать, что волжско-пермские племена обитали не только в регионе Прикамья-Приказанья, но и опускались далеко вниз по Волге вплоть до Самары, прихватывая Куйбышевское Заволжье, где археологи в настоящее время находят памятники ананьинской и городецкой культур. Поэтому исследователи отмечают финно-угорские (точнее волжско-пермские) топонимы в составе географических названий Волгоградской и Саратовской областей. Однако они тщательным образом

должны быть проверены путем сравнительно-исторического анализа, так как к числу финно-угорского пласта топонимики порой относят совершенно случайные названия. Например:

Волгоградская область

Черталейка: «лей» — по-мордовски значит «речка, овраг». У русских сближено со словами «лить, течь» с прибавлением уменьшительного суффикса *-ка,* и все название стало осмысляться как «речка, текущая по черте» (Долгачев 1896:32). В данном случае перед нами — русифицированный вариант тюркского гидронима Черталы, образованный с помощью адъективного суффикса *-лы* от *Черт* (Баскаков 1979:30).

Саратовская область

Чардым (Чердым) — приток Волги в 40 км к северо-востоку от г. Саратова. В нем исследователи (Горцев 1984:123—124) усматривают сращение марийского апеллятива *чарда* «лес» и угро-пермского топоформанта *-ым.* Это сопоставление во всех отношениях неудачное, ибо понятие «лес» в марийском языке передается лексемой *чодыра,* а не *чарда.* Вполне возможно, что мы имеем трансформированный ирано-язычный гидроним *Сӓрдон* «главная река (по отношению к малым речкам)». Ср. осет. *сӓры* «головной» и *дон* «речка», если анализируемый нами гидроним не относится к числу ираноязычных названий типа *Чередомо* — левый приток Днепра.

Мечетка, Мечетное — микротопонимы от гидронима *Мечетак* — правый приток р. Большой Карман. В. И. Горцев (1984:138) сопоставляет его с удм. *меч* «крутой, обрывистый». Сравнение неубедительное. Скорее всего, он восходит к татарскому апеллятиву *мечеть.*

Калмантай — левый приток р. Алая. В. И. Горцев (1984:53, 137) первый слог гидронима этимологически связывает с морд. *кал* «рыба», вычленяя в последующих делениях «угро-финский суффикс имени прилагательного *-ман* и неизвестный формант *-тай».* Вполне вероятно, рассматриваемое нами географическое название образовано от антропонима типа *Калантай* (Веселовский 1974:150).

Алай — правый приток р. Терешки. В. И. Горцев

(1984:17, 132) расчленяет на морд. *ал* «низ, низменность» и тюркск. *ай* «река», хотя этот гидроним трудно отделить от антропонима. *Алай* — прозвище *Артёма,* который как русское заимствование представлено и в марийском языке (Гордеев 1980:125).

Багай — левый приток Терешки. В. И. Горцев (1984: 24, 133) под вопросом его выводит из самодийск. *бигай* «река», вопреки русским топонимам типа *Богаево,* образованного в русской адаптации от тюркск. *богай* (Баскаков, 1979:212—213) «некладенный, племенной бык, баран».

К тюркскому источнику следует отнести и наименование р. *Кушум* (Горцев 1984:138) как трансформированный вариант гидронима *Кушугум*/Кошугум при тюркск. kürük kum (Трубачев 1968:207) «малый песок».

Лишь одно географическое название может быть объяснено на финно-угорском материале: *Уза* — левый приток р. Суры. Соответствие ему мы находим в составе топонимов, представленных на территории современного расселения или былого пребывания финно-угорских племен:

а) мордвы: р. *Узола* — левый приток Волги в Горьковской области;

б) мари: р. *Узола* в бессейне Ветлуги, рч. *Узолка* (Шенжа) в Юледурск. приходе Ирмучашск. в Уржумск. у. Вятск. губ. (ГАКО д. 771); д. *Узи-Помаш (Шудумари)* Кузнецовск. в Уржумск. у. (МПСВГ 1887, т. 2:107), мар. *памаш* «родник; ключ».

В гидрониме *Узола* вычленяется топоформант *-ла,* широко представленный в составе географических наименований финской ветви финно-угорских языков;

в) мери: р. *Узокса* в Шунгенск. в. Костромск. у. (Виноградов 1904—95) — конечный компонент сопоставляем с марийским апеллятивом *икша, иксӓ* «залив».

г) веси: р. *Уза* (Амвросий 1812:14) — приток Шелони в 100 верстах от Новгорода к юго-западу;

д) карел: р. *Узола* (Кочуев 1852:5).

Сюда же следует отнести и гидроним *Узал: Оло Узала, Кесе Узала* (башк. *оло* «большой», *кесе* «малый, маленький») — правые притоки Зилаира в Хайбуллинском районе Башкирии, который А. А. Камалов (1971: 289) рассматривает как иранское наследие, ср. с осет. *уазал* «холодный». Однако такое объяснение фонетически трудно доказуемо, так как общетюркск. *у* не могло со-

храниться на башкирской почве в том же виде. Ср. башк. *ылау*, чув. *лав* «подвода» при алт. *ула, улаа, улаг* «тж», Махмуд Кашгарский *улага* (Егоров 1965:124—125) «боевой конь». Последнее подтверждается и этимологией мишарской (татарской) д. *Оз* в Пензенской области, образованной по наименованию реки *Усть-Уза* (Махмутова 1978:268), в котором наблюдается развитие древнего **у* в *о*.

Южнее волжско-пермских племен в Саратовской области и Куйбышевском Заволжье жили ираноязычные племена, известные в археологии под названием *сарматы*. Контакты финно-угров с ираноязычными племенами проходили в рамках этой границы. Бывали случаи, когда ираноязычные племена после IV в. до н. э. даже вытеснялись с Самарской Луки племенами городецкой культуры, пришедшими с запада и впоследствии, уходя на восток или на северо-восток на территорию родственных племен ананьинской культуры, принимали участие в формировании пьяноборской культуры, бытовавшей на Средней Каме со II в. до н. э.— до III в. н. э. (Васильев, Матвеева 1986:230).

Если левобережье Волги было занято ананьинцами (пермоязычными этническими группами), то по правой стороне ее обитали городецкие племена (основа формирования предков мордвы и мари). В настоящее время можно очертить ареал распространения городецкой культуры. Он включает среднее и нижнее течение р. Оки, бассейны Мокши, Цны, Суры, Свияги, а также правобережье Волги от Хвалынска до Саратова и Самарскую Луку.

Территория древнепермских племен также была довольно обширной. Она раскинулась по основным водным магистралям — Каме, Вятке и Белой. Вдоль последней они занимали оба берега в нижнем течении до р. Чермасан и правобережье в среднем до Гафурийского района БАССР. Верхнее и левобережье среднего течения Белой входило в область расселения сарматских племен (Генинг 1971:45). Вначале обе группы населения сохраняли самостоятельность, затем произошла взаимная активная ассимиляция. Например, материальная культура и погребальный обряд сарматских и пермоязычных племен (кара-абызской культуры) унифицируются и их трудно различать. Вероятно, в этот период проникли собственно иранизмы в язык ананьинцев,

о которых писал в свое время В. И. Лыткин. К этой эпохе следует отнести и пермоязычные финно-угризмы в осетинском языке. Например: осет. *коза* «молодой хвойный лес» при пермск. *кыз/коз* «ель»; осет. *гӕртӕм* «взятка, подкуп» при пермск. *кертым/кртым* «аренда, выкуп, оброк» (ОФУЯ 1976:218).

Кроме кара-абызской культуры, по р. Белой располагались и другие племена пермской языковой культуры: гляденовского, осинского, чегандинского союзов племен.

Чем же занимались пермоязычные племена, носители кара-абызской культуры Башкирии (Уфимского плато)? Скотоводством (лошади, свиньи) — таковы материалы археологических раскопок. «Скот пасся на широких пойменных лугах и лесных полянах»,— отмечают археологи (Фахрутдинов 1986:76). Аналогичную же хозяйственную деятельность вели и носители городецкой культуры правобережья реки Волги.

Как по левобережью р. Белой, так и по обоим берегам Волги кочевали сарматоязычные племена, те же сарматы, что их родственные им иранские кочевники, занимавшие степные пространства от Южного Урала до Северного Причерноморья. Поэтому многие речные наименования тех регионов носят ираноязычный характер. Остановимся лишь на некоторых из них:

1. *Ипон, Ӱпен, Ӱпӧн* и *Ӱпӧ* — марийское название г. Уфы и *Ӱпӧ вӱд* «река Уфа» (Ӱпымарий: 235) Мар. *вӱд* «вода»). Исторически восходит к позднесарматскому *Ирӕпон, которым могли обозначиться «жители по реке». Он образовался в результате сращения следующих компонентов а) *ирӕ (ир)* «иронское племя, или иронский диалект осетинского языка»; б) *ӕп* «вода» при др.-иран. *ап* «тж; река»; в) *-он* — суффикс имени прилагательного при др.-иран. *-ана*. Ср. осет. šӕdӕn «радостный» от šӕd «радость» (Миллер 1962:153).

В. И. Абаев (1958:547) приводит гидроним *Ирӕф* в Дигории, в котором вычленяются композиты *ир (ирӕ)* — иронское племя осетин, или же (ПОН 1967:199) «Осетия»+*ӕф* «вода, река», что в буквальном выражении означает «иранская (осетинская) река».

Указывая на возможный иранский характер гидронима Уфа, А. К. Матвеев (1980:272) не сумел до конца раскрыть его этимологию лишь потому, что ему не были известны марийские варианты наименования Уфы (Ипон, Ӱпӧн, Ӱпен, Ӱпӧ). Его замечание на натя-

нутость нашей этимологии урбонима Уфа на материале балтийских языков (Гордеев 1967:183) совершенно справедливо.

Вероятно, удм. *Ува (Уба)* — правый приток Вала и мар. Уба — правый приток Илети — наименования рек тюркского происхождения, ср. тат. *уба* «курган», *уба* (КПК 138) «провал земли». К мар. *уба* и удм. *уба* не подходят для историко-этимологического анализа коми *Увюга* (Ляшев 1985:53) — река в верховье Мезени, вепс. *Уфтюга* (Балашов, Марченко 1985:5) — речка в Вологодской области, которые трудно отделить от финно-угорского апеллятива, сохранившегося в мансийском языке: *ов* (СГТ 1973:34) «течение реки»:+Ува+топоформант= *та+йуга* (уга) «река».

2. *Черемшан* — левый приток Волги. Гидроним восходит к иранскому **Джарамсан.*

Река *Черемсан (Черемшан)* впервые зафиксирована в записях арабского путешественника Ибн-Фадлана (921—922 гг.). Когда и почему *Джарамсан* превратилось в *Чирмешан,* учитывая при этом, что к концу XII в. в летописях появляется его русская транскрипция в форме *Черемисан?* Эти вопросы требуют лингвистического объяснения.

Предшествующие лингвисты не раз касались этимологии гидронима *Джарамсан,* высказывая самые различные гипотезы. М. З. Закиев полагает, что слово *Чирмешан* означает «масляная, река хвойных лесов», а Г. Ф. Саттаров и Л. Ш. Арсланов его этимологически связывают с этнонимом *черемис,* считая, что данный топоним оставлен предками марийцев (черемис), живших в эпоху существования Булгарского государства (Арсланов 1987:79). Однако археологические материалы всего бассейна Черемшана — Большого и Малого — не дали никаких данных, свидетельствующих о пребывании древнемарийских племен на указанной территории. Там в отдельные периоды могли появляться некоторые кочевые племена, в том числе этнические группы именьковской культуры, с которыми связывается начало тюркизации края. В числе таких племен, отнесенных движением гуннов с востока на юго-запад, были и сарматоязычные этнические группы, которые впоследствии принимали участие в формировании древнемарийского этноса. Смешавшихся с марийцами сармат булгары могли называть *сьармысь,* которое ныне сохранилось как чувашское наи-

менование марийского народа. Из булгарского источника *сьармысь* проник в русский язык в виде *Черемисан* (конец XII в.) — позднее в татарский язык: тат. *чирмеш* «мариец».

Река, на которой определенный промежуток времени проживали сарматы, называлась *сарматской (сарматон)*, в абсолютном исходе которого выступает адъективный суф.— *он*. Таким образом, развитие этнонима и образованного от него гидронима могло произойти следующим образом: **дзь*арамась^{тъ}* «сармат»>булг. *сьармысь* «мариец»>русск. *черемис; дзь*арамась^{тъ}ан, Джарамсан* (X в., Ибн-Фадлан) «сарматский», русск. *Черемисан* (XII в.) — река *Черемсан (Черемшан)*.

Встречающийся ойконим *Черемсаново* в Ярославской губернии, который К. Четкарев (1954:119) этимологически связывает с этнонимом *черемис*, пытаясь этим доказать тезис о сложении древнемарийского этноса в Ярославском регионе, является глубоко ошибочным, так как название д. *Черемсаново* перенесено с гидронима *Черемсаново* Татарской АССР, а не этнонимического образования.

3. Ронга

— село на одноименной речке *Ронга* в Марийской АССР и ряд топонимов в виде *Рунга* в Ядринском, Вурнарском районах Чувашии (НПЧ 1974:186) с чувашским населением: *Рункы-Рунгы* ~ (Ашмарин, 1936:291).

И. С. Галкин (1985:67—68) этот гидроним этимологически сопоставляет с хант. *рон* «медлительность», коми *руньгыны* «тихо, лениво идти, брести» и считает пермско-угорским наследием в марийской топонимике. Однако археологи не находят прямых данных, указывающих на пребывание угров не только в Чувашии, но и даже в Марийском крае. Поэтому данная этимология неприемлема.

Попытки выделить угорский (венгерский) субстрат в топонимии Чувашии на участке междуречья Унги и Шатьмы В. А. Нестеровым (1980:135—137) являются неудачными, так как все чувашско-венгерские сопоставления основаны на случайных схождениях. Ср. урочище *Темеш* (вариант *Темяш*) В. А. Нестеров (1980:135—136) выводит из венгерского апеллятива *temetë* «кладбище», вопреки тому, что в основе чувашского ойконима лежит

тюркоязычный антропоним, как и русск. *Темеш* Бастанов, опричник, 1571 г. (Веселовский 1974:315): происходит от основы (тюркск.) *тиймāш* (Баскаков 1979:160) «пуговка»<*тий-/тӱй-* завязывать, застегивать»+аффикс *-māш*, образующий имя результата действия. К тому же контакт булгар с венграми не мог иметь места на территории Чебоксарского Поволжья, на которой обитали очувашившиеся древние марийцы.

Праформа рассматриваемых гидронимов мар. **Ронга* и чув. *Рунга* может быть реконструирована в виде **Ронка* ~ **Ронга*, ср. чув. *уксьа* ~ *окса* «деньги» при тат. *акча* «тж» и мар. (<булг.) *окса* «тж».

Примечательно то, что чув. *Рунга* представлена лишь в тех районах Чувашии, в которых проживают очувашившиеся марийцы. Поэтому топоним (чув.) *Рунга* следует рассматривать как марийское субстратное явление в чувашском языке.

Общемар. **Ронга* ~ **Ронка* необходимо сближать с авест. *Raŋha* (Абаев 1965:122) — древнеиранское название реки Волги, которое на позднесарматской (доосетинской) почве подверглось огублению перед носовым согласным и тем самым до наших дней дошло в виде **Ронга*. Ср. осет. *дон* «вода; река» при авест. *dānuš* «тж»; *ком* «воля; согласие» — авест. *kāma* (Миллер, 1962) «тж».

«В старых записях,— пишет И. С. Галкин (1985: 68),— встречается вариант реки *Ронга* в виде *Роньба*. Окончания *-га* и *-ба* являются так называемыми речными суффиксами». Однако в данном случае, как нам кажется, мы имеем не вариант рассматриваемого гидронима *Ронга*, а совершенно различные топонимы. В одном случае *Ронга* — действительно позднесарматское проникновение в топонимической системе марийского языка, а во втором же — финно-угорское наследие с конечным топоформантом на *-ба*, широко представленным на территории современного распространения или былого пребывания финно-угорских племен: исторически восходит к волжско-пермскому апеллятиву **уба* «место пребывания у первобытных людей, что обычно располагалось возле рек и озер», удм. *ыб* «поле: гряда в огороде», коми *ыб* (Гордеев 1979:181—182) «возвышенность». Мар. *Роньба* этимологически следует сопоставлять с мещерским названием озера *Рунба* (СНМРИ 1862:57) в

Касимовском уезде. Ср. *Ронжа* — река в Костромской губернии.

Рассматриваемому гидрониму *Ронга* паронимичны следующие географические наименования, весьма близкие к нему и по своему фонетическому звучанию: 1. *Ранга* — (СНМВГ 1881:91) — займище в Никольск. у. Вологодск. губ.; р. *Ближняя Ронга* около Уфтюги (ВСО 1850:83); *Ронгозеро* и *Рогнозеро* в Пудожск. у Олонецк. губ. (ОС 1875—1876:20); *Рангус* (Григорьев, Грицевская 1959:48) — водосбор в Карелии; рч. *Ронгаш* в Миньковск. у. Архангельск. губ. (СНМАГ 1922:106). Сюда же следует отнести и микротопоним *Ранга: Ранга Лисьма* в Пензенск. обл. (ЛСМЯ 1983:168).

Какой апеллятив лежит в основе этих финно-угорских гидронимов, мы затрудняемся определить.

2. Юронга

Юранга (Докучаев 1886:3) — левый приток Ветлуги; д. *Юранга: Большая Юранга* в Яранск. у. Вят. губ. (МПСВГ 1893:538).

А. К. Матвеев (1980:115) в основе гидронима Юронга усматривает финно-угорский апеллятив при фин. *jyrä*, саам. *jorre*, «глубокая яма в реке или озере» или же фин., кар., ливв. *juuri*, вепс. *jur'*, *jur*, эст. *juur* «корень» при морд. *юр* «тж». Более правдоподобным является первая параллель «глубокая яма в реке или озере».

Если верна этимология с. *Юрино* в Марийской АССР, выводимая А. Г. Ивановым (1987:76) от апеллятиыв *юр* «круто наклоненный», то упомянутый ойконим следует рассматривать на одном уровне с гидронимом *Юронга*. Сближение с русским антропонимом *Юра* вторично. А. Г. Иванов свою этимологию подтверждает его географическим положением: «село Юрино располагалось по обе стороны оврага *Ужова*» — отмечается в материалах Генерального межевания конца XVIII в. (Иванов 1987: 77).

3. Уранга

(Докучаев 1885:19) — приток р. Урга в Васильсурском у. Нижегородск. губ.; *Уранга* — озеро в Пермск. губ., в 4 верстах от оз. Сарганды; *Урдома* — р. в Ярославск. губ. и приток Ветлуги в Варнавинск. р. Горьковск.

обл.; р. *Уронга* в Нижегородск. наместничестве (НПГСРГ 1788, ч. IV:28).

Эта группа топонимов имеет широкие параллели своей топоосновой: рч. *Урбас* за починками Вшивцевский и Масловский в Нолинск. у. Вятск. губ. (МПСВГ 1887: 140), *Урбушка* (Башмачкин 1912:56) — рч в Александровск. у. Владимирск. губ.; р. *Урбеж* в Яранск. у. Вятск. губ. (МПСВГ 1893:266).

Могли бы предположить, что начальный компонент в приводимых выше речных наименованиях этимологически восходит к волжско-пермскому апеллятиву *ур* «белка», мар. *ур*, морд. *уро*, коми *ур*, фин. *orava* «тж», каковое допускают многие исследователи в подобных случаях. Ср. коми *Урова, Урья, Урва* (Кривощекова-Гантман 1983:153) — реки Верхнего Прикамья. Однако этому противостоит распространение речных названий в форме *Урай* в Пинежск. у. Архангельск. губ., 1615 г. (Амвросий 1813:6) при фин. *orava* «белка» с гласным *о-*, но не *у-*, как это в волжско-пермских языках (*ур, уро* «белка»). Поэтому для объяснения происхождения однотипных финно-волжско-пермских топонимов, каковыми являются вышеприведенные, более приемлем. морд. *ур* «возвышенность» [ср. с. *Пичсур* (Инжеватов 1979:148) в Чамзинск. р. Мордовской ССР — букв. «возвышенность, поросшая сосняком», эст. *ura* (Палль 1975:46) «река»; манс. *урай* (Глинских 1978:147) «старица реки».

Гидроним *Урга* — левый приток Суры в Мордовии, в котором Л. Трубе (1962:174) усматривает сращение марийских апеллятивов *ур* «белка» и *-га* из *йогы* «течение», весьма близок к балтоязычному апеллятиву (лтш.) *urga* (Земзаре 1966:249) «ручей». Поэтому при этимологизации речных названий Марийского края следует учитывать и балтоязычные параллели.

В III в. н. э. в Башкирию проникают гунны. Непосредственно территорию Уфы передвижение кочевников на запад не тронуло, но сюда постепенно откочевывали племена, стремившиеся укрыться от многочисленных орд, двигавшихся из глубин Азии на запад через Уралo-Каспийские ворота. Например, одной из таких групп были турбаслинские племена, получившие название по могильнику у д. Новые Турбаслы Благовещенского района БАССР (в 40 км. от Уфы). Турбаслинцев исследователи склонны считать тюркизированными уграми. Во второй половине I тыс. н. э. в Центральную Башки-

рию проникают из лесостепной зоны Западной Сибири полукочевые угорские племена. Это были древние венгры, которые, прожив некоторое время между Волгой и Уралом, под давлением других кочевых орд отправились на запад и после долгих лет странствий основали на Дунае Венгерское государство. Венгерские памятники обнаружены в Чишминском районе современной Башкирии (Обыденков 1986:112).

Таким образом, ирано-угорские связи продолжались с середины I тыс. до н. э. по VII—VIII вв. н. э. (ОФУЯ 1976:334—335).

Обско-угорские племена могли познакомиться с ираноязычными сарматами в первых веках н. э. на территории Башкирии, когда оттесненные многочисленными кочевниками поволжские сарматы оказались соседями не только волжско-пермских, но и обско-угорских этнических групп. Это были сарматоязычные *поратасы,* этноним которых образовался в результате контаминации следующих компонентов: *порат* «большая река», ср. скиф. *porata* при осет. *furd/ford* «большая река; море»; *ас* — название сарматовского племени, ср. скиф. *as* «сарматское племя, асы, яссы; осетины» (Абаев 1949:157; 177).

Позднее они становятся известными у арабских летописцев в виде области *б. радас* (Заходер:38), а у булгар и русских летописцев в виде *буртас,* этноним которых, по исследованиям И. Г. Добродомова (1985:99), образовался от осет. *furd* «большая река»+*ас* «алан», т. е. «речной алан», что очень подходит для ветви алан, жившей вблизи Волги.

Поскольку фонетическое развитие скиф. **р* в *f* совершилось до III в. н. э. (ОИЯ 1987:545), то обско-угорские и волжско-пермские племена с сарматоязычными *поратасами* контактировали в конце I тыс. до н. э.— I—III вв. н. э., что совпадает со скифо-европейским периодом истории осетинского языка. Фонетическое видоизменение **поратас* в *фуртас,* а у булгар в *буртас* происходило в алано-кавказский период осетинского языка, на что указывает время развития иранского (сарматского) *о* в *у* на почве языка осетин, ср. осет. *ходä/хууд* «шапка», авест. *хаобоо,* др.-перс. *хаида,* н.-перс. *хоі* (Миллер 1962:41) «шлем», скиф. *пата* «имя», авест. *пата*, осет. *ном* (Абаев 1949:174) «тж».

Сарматоязычных племен, как нам кажется, между

Уралом и Волгой, а также и за ее пределами, было немало со своими особыми этническими наименованиями, упоминания о которых сохранились в исторических документах. Так, например, арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, единственный путешественник, побывавший в Русских землях в 1150—1153 гг., рядом с тюрками, арабами, персами одновременно упоминает носителей языков аланский, асский, представители которых слушали чтение «Удовлетворяющей книги» ал-Махамили (ПАХ 1971:26). Поэтому термин как *буртас*, так и наименование **поратас*, упоминаемое нами выше, в которых в абсолютном исходе выступает композит *ас*, непосредственно не может указывать на *алан* или *буртас*, как это склонен полагать И. Г. Добродомов. В данном случае мы имеем дело лишь с одним из сарматоязычных племен, близкородственных доосетинам: и *аланы*, и *асы*, как и *буртасы*,— племенные диалекты сарматского языка. Не случайно в историческом прошлом *асы*, *аланы* первоначально выступали как самостоятельные этнические группы — так упоминают очевидцы тех времен. Лишь позднее, в средневековую эпоху, под названием *ас* уже *аланы* особенно часто называются после монгольского нашествия как в восточных, так и в некоторых западных источниках. Например, Алано Карпини (1245 г.) говорит об аланах-асах как об одном народе. Последнее лишний раз свидетельствует о том, что к этому времени уже произошло этническое смешение оттесненных тюркскими кочевниками сарматоязычных племен и асов.

С этнонимом **поратас* этимологически связаны речные названия, перешедшие впоследствии в ойконимы: *Парат* — прежнее марийское название г. Зеленый Дол ТАССР; четыре дд. *Паратмара* в Горномарийском районе Марийской АССР; *Новые Параты* и *Малые Параты* — мар. дд. в Волжском районе Марийской АССР. В архивных документах значились дд. *Русские Параты*, *Большие Параты* (Кузнецов 1985: 7—8).

Общемарийская форма может быть представлена в виде **Пората* — название реки, ср. приток Волги *Парат*.

Исследователи высказывали самые различные предположения о происхождении гидронима **Пората*. Одни считали, что *Параты* получили свое название от того, что царь Иван Грозный делал *парад*, другие выводили

его из булгарского *бэрат* «диплом, дающий привилегии», третьи в этимологизируемом гидрониме *Порат (Пората)* усматривали сращение этнонима *пар (пор)* — удмуртское название марийцев и марийского апеллятива **аты, оты** «роща», что не имеет реальной основы.

Созвучные речные наименования представлены и на территории распространения или былого пребывания финно-угорских племен, которые этимологически не могут быть рассмотрены на одном уровне с сармато-язычным гидронимом *Порат (Пората)*: *Пардане* — микротопоним в Ленинградской области. Образован от финского апеллятива *pardane* (Дубровина 1969:82) «борода»; *Поратово* — д. в Тверском уезде (АИАК 1841:152). Под вопросом сопоставляем его с балтоязычным гидронимом *Партово (Портово)* Витебской области, который, по утверждению Ю. Трусмана (1897:214), образован от апеллятива лтш. *parhts*, *pohrts* «очаг; столб»; *Паритово* озеро на Нальe острове (Горшкова 1968:179); *Большая Порота* (МДГСР 1865:49) — приток Онеги, впадающей в Белое море; как и *Парыта* (Гневушев 1914:338) — озеро на Русском Севере — по всей вероятности, прибалтийско-финского происхождения, на что указывает внешнее оформление вышеприведенных микротопонимов в виде имен существительных множественного числа, широко представленных, например, в Ливвиковском ареале Карельской АССР (Мамонтова 1982:106).

С тем же сарматоязычным племенем *пораторас*, на наш взгляд, этимологически связан этноним *пор*, который выступает как удмуртское наименование марийцев, как один из основных компонентов в составе удмуртских географических наименований и как одна из фратрий обских угров. На территории проживания удмуртов известно 13 названий городищ с компонентом *пор*, из них 8 расположено в бассейне р. Чепцы Кировской области: *Поркар* «городище поров», *Поршур* (Атаманов 1985:154) «река поров» и т. д. Однако пребывание марийцев в верховьях бассейна р. Чепцы не засвидетельствовано. Поэтому вполне обосновано скептическое отношение исследователей к утверждению тех, которые возникновение городищ связывали с былым пребыванием древнемарийских племен в указанных ареалах.

У манси и ханты чуть ли не до наших дней сохранилось традиционное членение родов на фратрии, именуемые *пор* и *моощь*. В мансийском фольклоре назва-

ние *моощь* является атрибутом положительных персонажей, олицетворяющих более высокий культурный уровень, а название *пор* — как правило, атрибутом злокозненных мифических существ, что указывает на этническое смещение сарматоязычных поратасов с обскими уграми, вопреки утверждению П. Хайду (1985:198) об исторической связи *поров* со слившимися с обскими уграми западно-сибирских аборигенов-охотников.

Поэтому не состоятельна точка зрения о том, что территория, на которой встречаются топонимы с компонентом *пор*, некогда была заселена мансийскими родовыми ячейками (Тепляшина 1867:263; Атаманов 1985: 154). Если бы топонимы с основой *пор* действительно были унаследованы удмуртами от манси, то археология располагала бы материалами, указывающми на смежное проживание манси и мари в отдаленном историческом прошлом, а в удмуртском и марийском языках были бы представлены мансийские заимствования и, наоборот, марийские лексические проникновения, например, в мансийском. К сожалению, таковых мы не имеем.

Более близок к решению проблемы с *порами* Б. А. Серебренников, который писал, что *пор* — название одного из древних марийцев и удмуртов. К этому выводу следовало бы дополнить небольшое уточнение: *поры (поратас)* — наименование одного из сарматоязычных племен, ассимилированных обскими уграми и пьяноборцами, сыгравшими определенную роль в этническом сложении древних мари и удмуртов.

Таким образом, обско-угорские и волжско-пермские племена, находясь в лесных районах по Каме и южнее от нее, постоянно сталкивались с различными позднесарматскими объединениями, что подтверждается типичным полихромным сарматским украшением IV—V вв. н. э., представленным в материалах археологии близ г. Елабуги ТАССР (Смирнов 1957:18).

Арсания, Арису, Арса, Артаб и *Ары.* Этнотопонимы *Арису, Арсания, Арса, Артаб,* встречающиеся в сочинениях и письмах арабских авторов IX—XII вв., многие исследователи рассматривают на одном уровне с тополексемой *ар-* татарское, башкирское, чувашское наименование удмуртов; в русских летописях также *аряне, арские люди,* усматривая в них прямое указание на былое пребывание удмуртов не только в Татарской АССР (рч. *Ар йылгасы* — приток р. Кина, пр. р. Малая Меша),

но и даже в бывшем Чебоксарском уезде Чувашии (д. Аркасси: Гришкина, Владыкин 1982:6,9; Атаманов 1987:87).

То, что город *Арск* (по-татарски *Арча* и заимствованное из татарского языка марийское его наименование *Арча:* Л (д. Ирмучаш Параньгинского р. Мар. АССР) не имеет никакого отношения к этнониму *ар*, что убедительно доказано в работах Р. Фахрутдинова (1986: 193), В. И. Алатырева (1988:117): удмуртский город *Арск* не мог быть центром татарского княжества в Казанском ханстве, вторым после Казани. По сообщениям источников, население Арска было мусульманским, а полагать, что таковыми были удмурты, весьма трудно. В настоящее время нет ни одной удмуртской деревни в окрестностях Арска; нет сведений об их существовании в прошлом. Археологи, исследовавшие регионы верхнего и среднего течений бассейна Казанки, однако не обнаружили ни одного древнеудмуртского памятника. Древнеудмуртские памятники обнаружены ижевскими археологами северо-восточнее Казанки — в бассейне р. Шошмы. По мнению археологов (Фахрутдинов 1986:193), эти лесные районы в прошлом были малозаселенными, а имевшееся в северной зоне современного Заказанья население было марийским. Не случайно именно в этой зоне, т. е. в бассейнах рек Ашит и Шошмы, а также по правым притокам верхнего течения Казанки, можно встретить «черемисские кладбища» *(чирмеш зираты)*, которые являются старыми, заброшенными кладбищами татарских деревень, свидетельствуя о смешении в прошлом казанских татар с частью марийского населения края. Если бы таковыми были удмурты, то эти кладбища непременно назывались бы арскими.

Невозможно согласиться с утверждением ряда исследователей о том, что понятие *арские люди* означает *аров* (удмуртов), так как образование древнеудмуртских племен происходило не в Заказанье, а в Прикамье в IX—X вв. н. э. В письме хазарского кагана Иосифа (около 960 г.) среди подвластных Хазарскому каганату народов территориально между суварами (предками чувашей) и цармисами (марийцами) упоминается народ *Арису*, что никак не может подкрепить предположение об удмуртском характере народа *ар* или *Арису*, как и топонимы *Арсания, Артаб.*

По всей вероятности, *Арису* были одним из сарма-

тоязычных племен, оттесненных в начале н. э. гуннами и позднее булгарами с Нижнего Поволжья, с территории современной Башкирии в Приказанское Поволжье вместе с древнемарийскими и возможно отчасти и древнемордовскими племенами, которое впоследствии окончательно растворилось в их среде.

Наше предположение, высказанное еще в 1967 г. (Гордеев 1967:194, 195), далее поддержанное В. И. Алатыревым (1988:102), могли бы подкрепить этимологией географических названий Татарской АССР:

1. Река *Черемшан,* по берегам которой проживали сарматизированные позднегородецкие племена именьковской культуры, как и *ары,* оказались ассимилированными булгарами в конце VIII в н. э. (Гольмстен 1946: 99). Не случайно именьковская керамика весьма схожа с керамикой ираноязычных племен, представленных в археологических материалах Самарской Луки на Волге (Фахрутдинов 1986:80, 82). Этимологию Черемшан см. выше.

2. Урбоним *Казань,* на наш взгляд, представляет образование от сарматоязычной топоосновы *кäс* [иран. *кät* при *кänт* «город; городская стена»]. Топонимы с компонентом *кät* появились и на территории Средней Азии, *кäс* представлен в хорезмийском языке. Если в иранских языках употребляется *t*, то в топонимике Хорезма — *c*. Ср. *кäс* (иран. *кät*), в Хорезме *Хушмисан* (иран. *Хушмитан*). Соответствие *t* ~ *s* проявляется и в позднесарматских проникновениях марийского языка. Ср. осет. *фид* «мясо» — мар. *пызе* «тж». Эта же фонетическая особенность отражается и в звуковом облике *Арса, Арсания, Артаб,* в абсолютном исходе последнего топонима, из которых выступает скиф. *ар* «вода» при осет. *äв:äв-дев* «демон/водяной» при позднесарматских вариантах удм. *обда* «лесной черт», мар. *овда* «русалка» или «легендарное существо женского пола с закинутыми на спину большими грудями, любившее кататься на лошади; оно, по представлению одних (моркинских) марийцев, живет в горах, других (малмыжских) — прячется в лесу, а третьих (волжских) — в реке и в горах». Место обитания, таким образом, определяется характером природного ландшафта.

Вслед за М. Рясяненом, Ю. Вихманом, Х. Паасоненом, М. Р. Федотов (1965:137) мар. *овда* «русалка», удм. *обда* «лесной черт» относит в разряд чувашизмов,

хотя сами чувашские варианты не имеют этимологических соответствий в тюркских языках. Потому и его попытка вывести чув. *упăте/опăте, опăтя* «обезьяна, также женщины растрепанные, грязные, неряхи» из русск. *обезьяна* (перс. *абузине*) весьма сомнительна.

Все три варианта (мар. *овда,* чув. *упăте/опăте,* удм. *обда*), на наш взгляд, представляют позднесарматское наследие, которому, помимо осет. *äв-дев* «демон (водяной)», соответствует авест. *äвдиу* — так называется мифическое существо, о котором точно ничего неизвестно и даже то, является ли это существо добрым или злым. Оно, кажется, тождественно *Авдиуаг* — имени духовного существа и доброго гения в нартовском эпосе (Бенвенист 1965:140). Марийские предания вполне подтверждают характеристику, данную нартовскому (осетинскому) *Авдиуаг:* мар. *овда* «русалка; водяной и лесной» наделена чертами обычного человека: с добрыми она добра, а злым, нанесшим неприятности, мстит. Поэтому критические замечания в адрес Вс. Миллера, который авест. *äр*+dawao переводит «водяной дух», высказанные Э. Бенвенистом (1965:140), являются излишними. В географическом термине *Арису,* по всей вероятности, вычленяется тюркский апеллятив *су* «вода», ср. *сувар* — одно из булгарских (тюркских) племен<*сува* «вода; река»+*ар* «человек».

Таким образом, в названии города *Казань,* по нашему мнению, выступают сарматоязычные компоненты: *кас (кäс)* «городская стена»; и суффикс имени прилагательного *-ан*<иран. *-āпа.* Ср. осет. *Ир* «Осетия» — *Иран* «осетинский» (Миллер 1962:153).

С шепелявым *Арса* «Арсания, Арса» этимологически следует связывать происхождение этнонима эрзя-мордовского народа, на что мы обратили внимание еще в 1967 г. (Гордеев 1967:194—195), которое нашло поддержку в работах ряда последующих исследователей (Алатырев 1988:102): *äрсьа (äрзьä)*>*эрзя.* Сама основа топонима *Арса (Арсания),* как и *Артаб,* трудно отделима от наименования сарматоязычного племени *аорса,* упоминаемого древнегреческим ученым Клавдием Птоломеем (II в. н. э.).

Область распространения сарматизированных мари называлась *Арами, Арса (Äрзьä),* название которой через древних булгар попало к татарам, а от татар проникло в русский язык.

Сир — ираноязычное племя, жившее во II в. до н. э. у берегов Каспийского моря (Свет 1955:164); *сир* (V в. н. э.: Гумилев 1967:47) у персов — это купцы-посредники в шелковой торговле с Китаем. *Сарӣр* и *Алан* (Заходер 1962:40—41) — топонимы, расположенные у берегов Каспийского моря в стране хазар (885—886 гг.), последний из которых указывает на алан.

Этноним *сарӣр* исторически восходит к более древнему *сабӣр* IX в. (Заходер 1962:132—133) — тюркское наименование хазар.

Безусловно, оба наименования племен представляют фонетически упрощенные варианты более древнего названия ираноязычного племени *савирамат (савромат, сармат)*, начальным компонентом которого выступает апеллятив **сава* «черный»: скиф. *syāva* «черный»>*sāvσ* осет. *saw*, авест. *syāva* «тж». Остальные композиты отражают: а) *ир: airya* при др.-иран. *arya*, перс. *īrān* «арийцы»; осет. *ira* (*ir* «осетинский) точнее: иронское племя»); б) *мат: Мидия* — название государства, существовавшего в VII—VI вв. до н. э. в северо-западной части Иранского нагорья и южной части Азербайджана; мидяне или мадаи (Фрейман 1927:48) — жители этого государства, основная масса которых состояла из кутийских, эламоязычных,— вообще каспийских племен, перенявших язык индоевропейских пришельцев.

К сарматоязычному этнониму *сир (сира)*, по нашему мнению, этимологически восходит наименование коми народа — *зырян(ин)*, представляющий контаминацию двух (сарматоязычных) композитов: *сьира (с'ира)* и *д'ж'ан*, последнему из которых соответствуют санскр. *джана* «человек; род, племя; люди, народ», хинди и урду *джан* «человек», перс. *джан* «душа, жизнь, энергия» и т. д. Тем самым анализируемый этноним *(зырян/ин)* первоначально мог означать «люди племени сьира».

Предыдущие этимологии коми названия *зыряне (зыринян)* не имеют убедительных объяснений. Одни его связывали с фонетически сходными наименованиями на западной стороне Урала *(Сурья, Серья* и т. д.). А другие (Хайду 1985:57) выводят из манс. *suran* «коми», хотя последний вариант этнонима также могли бы сопоставить с сарматоязычным племенным названием *сар (с'ар) ~ сара (с'ара)*, осложненным тем же апеллятивом *д'ж'ана* «человек, род; племя; люди, народ».

Если этнонимы волжско-пермских племен *мари, удмурт,* как и коми *морт* «человек», этимологически связаны с древнеиранским *мартиятва<*martiya «человек, мужчина»+суф. мн. числа *-tva* — букв. «люди, народ», то такое же допущение вполне мыслимо и для мелких их этнических дроблений. Весь этот процесс отражает лишь сложные явления поглощения мелких сарматоязычных этнических объединений [*сера, (сира), сара*], оттесненных в результате Великого переселения народов тюркоязычными кочевниками в Прикамский регион, более многочисленными пермскими группами.

Таким образом, иранский компонент в этническом составе волжско-пермских народов занимает довольно значительное место. Происходила и торговля с ираноязычными соседями. «В обмен на пушнину волжско-пермское население Среднего Прикамья получало много ценных иноземных товаров: украшения, сассанидскую и византийскую серебряную посуду»,— отмечают археологи (Смирнов 1952:99; БСЭ 1954:25:375). На территории Перми в 1846 году (в Соликамском уезде) обнаружены монеты Сассанидского царства V и VI вв. н. э. Подобные клады открыты и в Красноуфимском уезде в 1851 году. Были найдены роскошные серебряные блюда и кувшины с изображением сассанидских царей, львиных охот и фантастических животных вроде собаки-птицы.

Персидские изделия сассанидской эпохи проникали на Каму по Волге с берегов Джейхуна или Аму-Дарьи, мимо Хорезмского озера (Аральского моря) через Усть-Урт и нынешнюю киргизскую степь. Р. Д. Голдина и О. П. Королева (1983:69) пишут, что основная масса ближневосточного и византийского экспорта пришла в Прикамье прямым путем через степные реки, волоки Прикубанья и Подонья. Но, вероятно, продолжают они, одновременно функционировали и другие пути. Часть их поступала через Кавказ, Предкавказье, рр. Волгу и Каму.

Сассанидские, византийские и индо-бактрийские монеты, как и соответствующие серебряные украшения, изделия V—VI и начала VII вв. в Прикамье могли попасть только через сарматоязычное население, проживавшее в соседстве. Поэтому о непосредственных контактах волжско-пермских племен с торговцами Сассанидского царства, как и с византийцами, речи не может быть, тем более для V—VII вв. н. э., когда вся тер-

ритория волжско-пермских и сарматоязычных племен Урало-Волжского региона пришла в «великое движение»: кочевые гунны и другие им родственные тюркские племена все более интенсивно проникают на территорию аборигенов, оттесняя и параллельно поглощая в той или иной мере в своей этнической среде.

Пермского ли происхождения топоформант *-кар?*

Топоформант *-кар* входит в состав шести географических наименований Чувашской АССР, в том числе и урбонима *Шупашкар ~ Шопашкар* —чувашское название г. Чебоксары, что в переводе на русский язык означает «чувашский город», т. е. «город чувашей».

Вслед за В. Г. Егоровым (1954:183) и И. С. Галкиным (1967:207) М. Р. Федотов (1970:130) топонимические образования с формантом *-кар* рассматривает как возможное пермское наследие, ссылаясь при этом на соответствия из пермских языков: коми *кар*, удм. *кар* (>хант., манс. *хар*) «гнездо; город». На этой основе И. В. Тараканов (1982:162) к числу удмуртских (пермских) заимствований в чувашском языке относит и пермск. *кар* «город, городище, гнездо», а М. Г. Атаманов (1985:155) делает далеко идущие выводы о том, что древнеудмуртская территория охватывала Волго-Камское междуречье (регион Чувашского Поволжья); северный ареал памятников на *-кар*, находящийся в Верхнем Прикамье и в Коми АССР, принадлежал предкам коми-пермяков и коми-зырян.

Поскольку географические названия с формантом *-кар* представлены лишь на территории Чебоксарского Поволжья, именно в той части Чувашии, где первоначально в добулгарский период проживали очувашившиеся древнемарийские племена, пермская же археологическая культура не прослеживается в том регионе, то более правомерно об их древнемарийском наследии в чувашском (булгарском) языке.

В современном марийском языке мы не встречаем слова *кар* в изолированном употреблении, но о том, что оно было в отдаленном прошлом в лексическом составе марийского языка, говорят топонимы, представленные как на территории Марийского края, так и в этом регионе, в котором в историческом прошлом обитали древнемарийские племена: *Вышкар: Вышкар яр (йăр)* —

лимноним, ср. мар. *йăр* Г, СЗ «озеро» в Горномарийском районе МАССР.

Ишкар — проток из озера Абажъяр (Воробьев 1926:45)<*Иш* «?»+*кар; Мышкар: Мышкар кожла* Л (дд. Н-Кугенер и Товарнур Сернурск. р. МАССР — дримоним (мар. *кожла* «лес»); *Мышкар корем* Л (с. Исменцы Звениговск. р. МАССР, д. Б-Шали Моркинск. р. МАССР) и *Мышкар кӱ курык* Л (д. В.-Кугенер Сернурск. р. МАССР — оронимы (мар. *корем* «овраг», *кӱ курык* «каменная гора»).

Шоккар (д. Кокшамары Звениговск. р. МАССР) — микротопоним, образованный контаминацией *Шок* (*Шокша* — гидроним) и *кар.*

Кукарка — прежнее наименование г. Советска в Кир. обл. при микротопонимах *Кукмарь, Пинжан-Кукмарь* (мар. *пинжа* «сосна»), *Русский Кукмор, Ноли Кукмарь* (Ноля — гидроним) в МАССР и три деревни *Кукмор, Кукмары* и *Кукмур* в Кир. обл. и два населенных пункта Кукморь в Тат. АССР.

П. Верещагин (1911:35—36) в урбониме *Кукарка* усматривает тат. *арка* «спина» и *кука* «гора, возвышенность», языковую принадлежность последнего из которых он затрудняется определить.

И. С. Галкин (1985:49—50) начальный компонент *кук: Кукмарь, Кукмари* выводит из мар. *курык* «гора» и *марий* «мариец».

Топооснову *кук* «гора» этимологически трудно отделить от иранского источника. Она является позднесарматским (доосетинским) заимствованием: осет. *хох*<доосет. **кух*, перс. *kūh*, тадж. *kūh*, урду *koh* (Миллер 1962:153; Абаев 1969:125; Баранников 1934:470) «гора; холм».

Топонимов с компонентом *-кар* немало в бассейне р. Вятки: *Кар, Карский, Каринка, Ваткакар* — устаревшее удмуртское название г. Кирова: *Ватка* — наименование одного из удмуртских племен. По преданию слободских удмуртов, как утверждает М. Г. Атаманов (1983:119), на месте Кирова в древности было укрепленное поселение со святилищем *-зӧк куа* «большая культовая постройка, святилище, место хранения священных предметов».

Географические названия с топоформантом *-кар* представлены и в Коми АССР, ср. г. *Кудымкар*<*Кудым* —

имя основателя+*кар* «город»; *Сыктывкар*<*Сыктыв* — гидроним+*кар* «город» (Туркин 1981:85).

Этимология топоформанта привлекала внимание исследователей, было высказано немало различных предположений. Гипотезы об иранском происхождении *-кар* В. Г. Егорова (1964:90), Ф. И. Гордеева (1967:188) было поддержано Б. А. Серебренниковым (1973:37—38). В порядке дальнейших уточнений нам хотелось бы отметить следующее: *кар* «селение, город, крепость» в марийский и пермский праязыки проникло из позднесарматского источника в I—V вв. н. э. Ср. руш. и хуф. *x̌aar* «страна, город», барт. *x̌aar* «тж», сарыкольск. *xor* «город, страна».

Созвучие его со староирландским *corre* «изгородь, загон, хлев» и бретонским *kĕr* «город»,— как совершенно справедливо отмечает Б. А. Серебренников (1973:38),— еще более подтверждает индоевропейское происхождение этого слова», как и скандинавское, представленное в финском *kari* (Фасмер 1973:270) «утес».

Итак, топонимические образования с формантом *-кар*, представленные на территории современного Чебоксарского Поволжья, следует рассматривать как древнемарийское наследие.

В процессе историко-этимологического анализа мы отмечали значительное число лексических заимствований из ираноязычной среды. Дело, очевидно, не просто в лексических проникновениях или усвоенных носителями волжско-пермских языков ираноязычной лексики, а в том, что в формировании восточнофинно-угорских языков принимали участие не одна, а многие языковые среды: «взаимопоглощение» мелких как родственных этнических объединений более крупными, так и «чужих», оказавшись волею судьбы внутри расселения обско-угорских и волжско-пермских племен. Поэтому всякие построения, исходящие из предположения, что обско-угорские и волжско-пермские языки являются «чистыми прямыми» потомками более древних лингвистических объединений, оказываются далеко не правдоподобными, так как в ходе исторического развития, в чем мы убедились в результате анализа материала, представленного в нашей работе, они воспринимали много чужеродного лингвистического элемента как в первой половине I тыс. н. э., так и позднее вплоть до булгаро-чувашско-татарского влияния. Каждая эпоха исторического

развития восточнофинно-угорских языков отличалась своими специфическими чертами.

В этническом сложении обско-угорских и волжско-пермских племен принимали участие не просто сарматы, а многие сарматоязычные этнические группы типа *поратасы, сарматы, арису, буртасу, серы (сиры), одаты* и т. д.

Каким был язык сарматской среды, покажут последующие лингвистические исследования силами языковедов Мордовии, Удмуртии, Коми АССР и Осетии.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. 1949, Осетинский язык и фольклор.— М.—Л.

Абаев В. И. 1958, Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. 1,—М.—Л.

Абаев В. И. 1965, Скифо-европейские изоглоссы,.— М

Абаев В. И. 1969, Персидский топоним //Топонимика Востока. Исследования и материалы.— М.

АИАК 1841, Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею 1613—1645 гг. СПб., т. 3.

Алатырев В. И. 1988, Этимологический словарь удмуртского языка. А—Б.— Ижевск.

Амвросий, История Российской иерархии. Арх. 1812, ч. IV, арх. 1813, ч. V.— М.

Арсланов Л. Ш. 1987, Марийский пласт в топонимии Кукморского района ТАССР //XVII Всесоюзная финно-угорская конференция Тезисы докладов — Устинов.

Атаманов М. Г. 1983, Удмуртские топонимы бассейна Вятки // СФУ, № 2.

Атаманов М. Г. 1985, Названия археологических памятников и культовых мест Удмуртии. Материалы средневековых памятников Удмуртии.— Устинов.

Атаманов М. Г. 1987, Расселение удмуртов по данным этнотопонимии //Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов.

Ашмарин Н. И. 1936, Словарь чувашского языка. В. Х. Чебоксары.

Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. 1985, Русская свадьба (свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге — Тарногский район Вологодской области). М.

Баранников А. 1934, Хиндустани (урду и хинди). Л.

Баскаков Н. А. 1979, Русские фамилии тюркского происхождения. М.

Башмачкин В. В. 1912, Сенокосы и выгоны во Владимирской губернии. Владимир на Клязьме.

Бенвенист Э. 1965, Очерки по осетинскому языку. М.

БСЭ 1954, Большая Советская Энциклопедия, II изд., т. 25.

Васильев И. Б., Матвеева Г. И. 1986, У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев.

Васильев Л. С. 1983, История религии Востока. М

Верещагин П. 1911, Моя филология. Вятские епархиальные ведомости. № 25—26, Вятка.

Веселовский С. В. 1974, Ономастикон. М.

Виноградов Н. Н. 1904, О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб.

ГАКО — Госархив Кировск. обл., д. 771, Вопросные листы по Ирмучашской волости Уржумского уезда Вятской губернии.

Воробьев Н. И., 1926, Озера Козьмодемьянского кантона Марийской автономной области. Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Т. I, В. 3, Казань.

Галкин И. С. 1967, Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа//Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1985, Тайны марийской топонимики. Йошкар-Ола.

Генинг В. Ф. 1971, Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам IIтыс. н. э.) Археология и этнография Башкирии. Т. IV, Уфа.

Глинских Г. В. 1978, Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р. Тавде|Этимология русских диалектных слов. Свердловск.

Гневушев А. М. 1914, Акты времени правления царя Василия Шуйского, М.

Голдина Р. Д., Королева О. П. 1983, Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья//Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск.

Гольмстен В. В. 1946, Буртасы//Краткие сообщения Института истории и материальной культуры. В. XIII, М.—Л.

Гордеев Ф. И. 1967, Балтийские и иранские заимствования в марийском языке//Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола.

Гордеев Ф. И. 1979, 1983, Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола.

Горцев В. И. 1984, Саратовская область в географических названиях. Саратов.

Горшков А. В. 1968, Очерки исторической диалектологии Северной Руси. М.

Григорьев С. В., Грицевская Г. Л. 1959, Каталог озер Карелии. М.щ—Л.

Гришкина М. В., Владыкин В. Е. 1982, Письменные источники по истории удмуртов IX—XVII вв.//Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск.

Гумилев Л. Н. 1967, Древние тюрки.—М.

Добродомов И. Г. 1985, Из аланских следов в топонимии Европейской части//Проблемы русской ономастики. Вологда.

Докучаев В. В. 1885, в. 2, Васильсурский уезд; 1986, в. X, Балахнинский уезд; 1886, в. XI, Семеновский уезд; 1886, в. XII, Макарьевский уезд. Материалы к оценке земель Нижегородской губернии.— СПб.

Долгачев И. Г. 1986, Язык земли родного края. Волгоград.

Дубровина З. М. 1969, Прибалтийско-финские элементы в топонимике Ленинградской области//Ученые записки Ленинградского университета. № 335, в. 2.—Л.

Дусимов З. 1986, Историко-лингвистический анализ топонимии Хорезма. Автореф. дис. докт. фил. наук.— Ташкент.

Егоров В. Г. 1954, Современный чувашский литературный язык. ч. 1. Чебоксары.

Егоров В. Г. 1964, Этимологический словарь чувашского языка.— Чебоксары.

Заходер Б. Н. 1962, т. 1; 1967, т. 2. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.

Земзаре Д. Э. 1966, Гидронимы на территории Латгале. 33.— Конференция по топонимике Северо-западной зоны СССР.— Рига.

Золотницкий Н. И. 1884, Алфавитный список древнейших, исторических и инородческих имен, преимущественно встречающихся в исторических и юридических актах и служащих к объяснению названий населенных пунктов; О селениях в поволжских губерниях с названием «Тархан»//Труды Четвертого съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. Т. 1.— Казань.

Иванов А. Г. 1987, О происхождении села Юрино и его названия //Вопросы марийской ономастики, вып. VI. Йошкар-Ола.

И. К. 1979, Топонимический словарь Мордовской АССР. — Саранск.

Камалов А. А. 1971, Данные гидронимии к проблеме этногенеза башкир//Археология и этнография Башкирии. Т. IV,— Уфа.

Кочуев А. 1852, Новые сведения о границах древнего Болгарского владения//Временник Московского Общества истории и древностей Российских. М.

КПК б/д, Кунгурские писцовые книги татар, письма и меры Михаила Кайсарова 1623—1624 с некоторыми современными пояснениями В. В. Шишонко (без даты). Кунгурский уезд.— Пермь.

Кривощекова-Гантман А. С., Географические названия Верхнего Прикамья.— Пермь.

ЛСМЯ 1983, Лексикология современных мордовских языков.— Саранск.

Ляшев В. А. 1985, Верхневычегодский диалектный ареал в этногенетическом аспекте//Проблемы этногенеза народа коми.— Сыктывкар.

Мамонтова Н. Н. 1982, Структурно-семантические аспекты ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район).— Петрозаводск.

Матвеев А. К. 1980, Географические названия Урала.— Свердловск.

Махмутова Л. Т. 1978, Опыт исследования тюркских диалектов.— М.

Миллер Вс. 1962, Язык осетин. М.—Л.

МНМ 1980, Мифы народов мира. Т. 1,—М

МПСВГ 1886, т. 3, ч. 2, Орловский уезд; 1887, т. 2, Уржумский уезд; 1887, т. V, Нолинский уезд; 1893, т. IX, ч. 2, Яранский уезд.— Материалы по статистике Вятской губернии. Вятка.

Нестеров В. А. 1989, Над картой Чувашии. Историко-топонимические заметки.— Чебоксары.

НПГСРГ 1788, Новый и полный географический словарь Российского государства.— М.

НПЧ 1974, Населенные пункты Чувашской АССР. Словарь-справочник. Чебоксары.

Обыденков М. Ф. 1986, Тайна уфимских холмов. Уфа.

ОИЯ 1987, Основы иранского языкознания. Новоиранские языки.—М.

ОС 1875—1876, Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. В. 1.— Петрозаводск.

ОФУЯ 1976 — Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки.— М.

Палль В. Й. Топонимика северной части Тартумаа. Автореф. дис... докт. фил. наук.— Таллинн.

ПАХ 1971 — Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. М.

ПОН 1967 — Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе.

Саттаров Г. Ф. 1980, Этнотопонимы Татарии // Советская тюркология. № 1, Баку.

Серебренников Б. А. 1973, К уточнению некоторых этимологий // СФУ, № 1,— Таллинн.

Смирнов А. П. 1952, Очерк древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М.

Смирнов А. П. 1957, Археологические памятники Чувашии и проблема этногенеза чувашского народа // О происхождении чувашского народа.— Чебоксары.

СНМ по свед. 1859—1873 гг., 1876, т. X, Вятск. губ., Список населенных мест по сведениям 1859—1873 гг. Вятская губерния. СПб.

СНМАГ 1922, Список населенных мест Архангельской губернии. Архангельск.

СНМВГ 1881, Список населенных мест Вологодской губернии. Никольский уезд. Вологда.

СНМРИ 1882, т. XXV, Рязан. губ., Список населенных мест Российской империи Рязанская губерния. XLIII, Тверская губерния. СПб.

Тараканов И. В. 1982, Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов.— Ижевск.

Тепляшина Т. И. 1967, К вопросу об этнониме *пор* // Происхождение марийского народа.— Йошкар-Ола.

Трубачев О. Н. 1968, Названия рек правобережной Украины. М.

Трубе Л. Л. 1962, Как возникли географические названия Горьковской области. Горький.

Трусман Ю. Ю. 1897, Этимология местных названий Витебской губернии. Ревель.

Туркин А. И. 1981, Краткий коми топонимический словарь. Сыктывкар.

Ӱпымарий 1928, Марий мутер., М.

Фахрутдинов Р. 1986, Мелодия камней. Казань.

Фасмер М. 1973, Этимологический словарь русского языка, М.

Федотов М. Р. 1965, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. 2,— Чебоксары.

Федотов М. Р. 1970, Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии // СФУ,— Таллинн.

Фрейман А. 1927, Среднеперсидский язык и его место среди иранских языков // Восточные записи Ленинградского института живых восточных языков. Т. 1.— Л.

Хайду Н. 1985, Уральские языки и народы. М.

Халиков А. Х. 1967, У истоков финно-угорских народов // Происхождение марийского народа.— Йошкар-Ола.

Четкарев К. А. 1954, Значение топонимики для древней истории мари // Ученые записки МарНИИ, вып. VI.— Йошкар-Ола.

В. Шаймарданов

К ВОПРОСУ О СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИКЕ НА ТЕРРИТОРИИ МАРИЙСКОЙ АССР

Топонимика Марийского края — довольно сложное явление. Здесь встречаются самые разные названия: марийские, русские, татарские и совершенно необъяснимые, например: оз. *Цинглок*. Но некоторые из трудно-объяснимых все-таки раскрывают свое лицо. Они объясняются, в основном, на материале финно-угорских языков, и в первую очередь, пермских.

И. С. Галкин считает, что топоформанты *-ша, -ма, -да, -га,* а также *-я (-ю), -ля, -ла,* встречающиеся в географических названиях не только Марийской АССР, но и той обширной территории, где когда-то жили финно-угры, были в древности ни чем иным, как отдельными словами, обозначающими какой-нибудь водный объект. Конечно, их звучание могло сильно измениться, но тем не менее, в финно-угорских и даже самодийских языках мы находим слова, близкие по звуковому облику и с подобным значением. Например, речному суффиксу *-ша* соответствуют нен. *сё* «проток», манс. *шош* «ручей», хан. *сав* «ручей» (Галкин 1985:11). На наш взгляд, это очень верное решение вопроса в изучении субстратной топонимики.

В последнее время некоторые ученые (К. Редеи, Й. Эрдейи, вслед за ними Д. Е. Казанцев, также В. Ф. Генинг, И. С. Галкин) не отрицают тот факт, что на территории Марийского края вместе с пермским населением или до него проживали некоторое время и угорские племена, в частности, предки манси. Топонимический материал и некоторые языковые факты говорят о том, что угроидное население все-таки здесь пребывало, ср. хант. *jə̈ŋk* «вода» и р. Юнга (Горномарийский р-н Мар. АССР), манс. *хопын* «рыбный пузырь» и р. Копань (Горномарийский р-н Мар. АССР).

Таким образом, некоторые названия, например,

Туръя (ср. манс. *тур* «озеро») вполне могли остаться от угорского населения, тем более в мансийском языке существует слово *я* «река».

Сложный вопрос представляет собой проблема субстратности форманта *-га* (для территории Марийской АССР по крайней мере). Одни ученые относят его к неизвестному субстрату, другие объясняют из финно-угорских языков (Попов 1965; Галкин 1985:8), третьи видят в нем отражение влияния русского языка (Сануков 1985:116). Следует отметить, что действительно в некоторых названиях *-га* появился лишь через посредство русского языка, ср. *Оланге ер* и оз. *Оланга, Шеренге вӱд* и р. *Сиреньга*. Кстати, А. И. Попов не отрицает влияние русского языка в некоторых названиях, например, Ветлуга при мар. Вӱтлӓ, русское Свияга наряду с марийским Сӱйэ (вӱд). В иных случаях А. И. Попов происхождение *-га* объясняет в связи с носовым *г* в конце нерусского названия. Так, например, коми Визин(г) дало русское Визинга. Действительно, если сравнить название Юнга с хант. *йынк* «вода» и Ронга с к. *руньгыны* «тихо, лениво идти, брести» вполне правомерно появление *-га* после носового *г*.

Но, к сожалению, не все названия с *-га* объяснимы так просто. Можно лишь предполагать, что *-га* появился отчасти в результате влияния русского языка и представляет собой часть топоосновы. Но в некоторых названиях он является все-таки речным суффиксом (см. Шогаль (Шогале).

Существуют разные взгляды и по поводу происхождения речного суффикса *-ма*. Д. Европеус его в числе других относил к угорскому наследию. И. Н. Смирнов считал, что *-ма* и *-ва* (ср. к. *ва* «вода») тождественны и они остались от прапермян. Б. А. Серебренников этот суффикс относил к неизвестному субстрату. А. С. Кривощекова-Гантман считает, что некоторые гидронимы на *-ма* возникли в результате переноса названий местности на реку. И. С. Галкин чередование *-ма/ва* считает вполне закономерным явлением, ср. мар. *мыньык* ~ *выньык* «веник» или русское название р. Ижма при к. Ижва. Но он не исключает возможности существования в уральском языке самостоятельного слова, начинающегося с согласного *-м* и обозначающего водный объект.

Наиболее достоверным мы считаем мнение А. И. Попова, утверждающего, что топоформант *-ма* имеет самое

различное происхождение. Он мог произойти и в результате переноса названий местности на реку, и в результате чередования *ва//ма,* и, наконец, в результате влияния русского языка. Очевидно и то, что в очень многих случаях в основе окончания *-ма* лежит словообразовательный общефинно-угорский *-м*-овый суффикс. Кстати, он сохранился и имеет словообразовательное значение в обско-угорских языках и поныне. Например, хант. *минтым* «кривой, согнутый»; манс. *варум* «сделанный», ср. р. Кольм в Кировской области (хант. *калым* «пропащий») и топоним Колыма.

Было ли слово *-ма,* обозначающее какой-нибудь водоем в уральских языках, сказать трудно. Но в Горномарийском районе Марийской АССР северо-западнее д. Большая Куплонга есть озеро Мояр, где выделяется топооснова *мо-* и формант *яр* «озеро».

И. С. Галкин в гидрониме *Визим* выделяет речной суффикс *-им,* а корень *виз-* сравнивает с манс. *вис-* «низина с мягким травянистым покровом и источником», также с коми *вис* «проток» (Галкин 1985:38). Нас не убеждает правильность выделения речного суффикса *-им.* И вот почему.

Часть современных названий на *-им, -ым,* по нашему мнению, имела вторым компонентом *-сым (-сим).* Основанием для их выделения служит наличие самостоятельных гидронимов Сым, Сим. Если сравнить мансийское название Лозьвы и Северной Тошемки (Луссум и Томпуссум), то возникает мысль, что некогда существовало слово *сум* «река». Это подтверждается, на наш взгляд, также названием марийской речки *Сумка (Сум)* и мансийскими словами, обозначающими ручей *сойим, союм;* хант. *сом* «речка».

Компонент *-сум* сохранился, очевидно, и в названии *Вӱрзым (Уржум),* первую часть которого можно объяснить из хантыйского *вир* «лес».

Река *Сумка (Сум)* не единственное доказательство того, что *сум* нужно считать отдельным топоформантом (или топоосновой). Речка, протекающая по территории Килемарского района Марийской АССР, называется *Шум.* Название деревни Шумисола в Советском районе нашей республики, по-марийски *Шумли,* тоже связано с названием речки: *Шумлей > Шумли* «речка Шум» (Галкин 1985:84). Вариант *Шум* более поздний, чем *Сум.*

Довольно большой интерес представляют собой названия, основы которых объясняются лишь при помощи самодийских языков. Э. Г. Беккер, В. Ф. Генинг предполагают пребывание на нашей территории и самодийских народов. Например, Э. Г. Беккер выделяет в Волго-Окском междуречье ареал селькупских названий, куда включает и топоним Унжа (Мурзаев 1984:578) Д. Е. Казанцев исключает всякую возможность пребывания здесь самодийцев. В частности, он сравнивает этот гидроним с коми-зырянским словом *удж* «нельма» (Казанцев 1985:39).

Мы склонны считать, что взгляды Э. Г. Беккера наиболее верны. Прав он, сравнивая этот гидроним с селькупским словом *ундж(а)* «речка, ручей». Но вряд ли верно то, что здесь когда-то жили предки селькупов. Видимо, вышеназванные гидронимы остались еще в уральскую эпоху.

В. Ф. Генинг считает, что во второй половине I тыс. до н. э. угросамодийские племена проникали на среднее течение Вятки. Свой вывод исследователь подтверждает ссылкой на гидроним Ярань, обозначающий один из правых притоков Вятки в ее среднем течении. Он объясняет это название на материале коми-зырянского языка, в котором слово Яран служит этническим названием ненцев, а иногда и манси (Казанцев 1985:97 98).

В. В. Кузнецов название р. Ярань выводит из марийского *йӓр* «озеро»+суф. *-ан*. Название д. Ярамарий (Ярамор) он переводит поэтому как «озерные марийцы» (Кузнецов 1985:16).

И. С. Галкин пишет, что «...с этим нельзя согласиться, т. к. название другой деревни в Новоторъяльском районе Яраньмучаш и речка Ярань говорят о том, что слово Яран (Ярань) обозначало реку. Хотя связь его со словом Яр «озеро» не исключена, в таком случае Яран «озерная река», но очень натянуто (Галкин 1985:87). Исследователь считает, что название оставлено каким-то домарийским финно-угорским населением угорского типа и сравнивает с хантыйским названием Норилки Ярын яг «река Ярын».

Мы, сравнивая название д. *Йырангял* (офиц. Очаково, Волжский район, Марийской АССР) с р. Яран (Йыранг — марийское название), на которой она стоит, пришли к предположению, что гидроним *Йыр* (Ировка,

Ир, Ер) и *Яран* (Йыран) одного и того же происхождения. В коми языке существуют слова *ир, йир* «омут, яр, глубина, крутой обрыв на дне озера или реки»; в удмуртском *ер* «омут», ср. оз. Ирты, ручей Иршор, р. Иръю в Коми АССР. Очевидно, наша Ировка (Ир, Йыр, Ер) обозначала «реку с омутами». Этот гидроним, вероятно, произошел в диалектной группе древнепермского языка, давшей впоследствии коми язык. А Ярань — в другой, более близкой с удмуртским языком, см. *Яран* <*ер*+*ан* «река с омутами», где *ан* — суффикс прилагательного.

На наш взгляд, хантыйское название Норилки может быть связано с этнонимом ненцев. Но гидроним яран, очевидно, совсем другого происхождения. Он оставлен пермским праязыком.

Процесс становления топонимов был длительным и постепенным. Это можно проследить на таком простом примере, как название д. Шумисола (по-марийски Шумли) в Советском районе. Гидроним Шумли является образованием финно-пермского периода. Но топооснова этого названия могла употребляться намного раньше, прежде чем присоединилось к нему другое слово *-ли* (< *лей*) «река».

Сложный вопрос представляют собой названия, которые явно восходят к иранским и балтийским языкам. Этот вопрос среди ученых решается неоднозначно. Мы все же склонны считать, что ираноязычные топонимы на территории Марийской АССР есть. Такие названия, как Лом (д. Лом в Куженерском районе), Уба (р. Уба — правый приток Илети) могли проникнуть в язык местного населения сначала как нарицательные слова (ср. лтв. *иире* «река». лтш. *ире* «ручей»; лтв. *lat*, *loma* «лужа, болото»), а потом под влиянием соседей превратиться в географические названия. Слово постепенно забылось, а название осталось.

В этой работе мы не ставили целью перечислить, систематизировать, дать хронологию всем субстратным названиям Марийского края. Этого и сделать, наверно, невозможно. Что, например, обозначает название озера Цинглок, что из себя представляет *-на* в некоторых именах как Кушна, Йолна и др. Для того, чтобы ответить хотя бы на эти вопросы, нужна кропотливая работа не одного исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

Галкин И. С. Тайны марийской топонимики, Йошкар-Ола, 1985.

Казанцев Д. Е. Формирование диалектов марийского языка.— Йошкар-Ола, 1985.

Кузнецов В. В. Названия населенных пунктов Волжского района Марийской АССР//Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1985.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов, М. 1984.

А. С. Ефремов

ПРИНЦИПЫ НОМИНАЦИИ ТРАВЯНИСТОЙ И ЯГОДНОЙ ФЛОРЫ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

0.1. Номинация как процесс представляет собой сложное многоаспектное явление, включающее то, что связано с началом этого процесса и его концом, от предпосылок наименования и до его реализации. Поэтому уяснение сущности процесса номинации связано с решением комплекса различных проблем.

В гносеолого-семиотическом аспекте номинация есть процесс обращения фактов внеязыковой действительности в достояние системы и структуры языка, в языковые значения, отражающие в сознании носителей языка их общественный опыт. «Опыт создает инвариантный обобщенный образ предмета, который обычно предшествует его наименованию» (Серебренников 1977:147—148). Как правило, каждый конкретный предмет или явление окружающего мира имеет целую систему свойств и различных связей, образующих в нашем сознании довольно сложное представление о данном предмете, т. е. знание о нем. В процессе номинации человек выделяет данный предмет или явление среди других предметов или явлений. Каждое наименование является результатом абстрагирующей работы человеческого мышления, или, выражаясь словами В. И. Ленина, название есть «отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности» (Ленин т. 29:74). Человек в своем сознании выделяет определенные черты в интересующих его объектах и классифицирует их, давая классам наименования. При этом из множества признаков выбирается наиболее выразительный, самый характерный, который и ложится в основу наименования. Выявление мотивировочных признаков является необходимым моментом процесса наименования (Блинова 1984:77). Таким образом, наименование предмета происходит путем ука-

зания на его признаки. На основе обобщения характерных признаков вырабатывается принцип номинации, являющийся исходным положением и отправной точкой для новых наименований. Принцип номинации детерминирован, в частности, функциональной значимостью словесного знака — номинативной, коммуникативной, прагматической, каждая из которых может оказаться ведущей для определенных типов словесных знаков. Принцип номинации определяется также такими внеязыковыми факторами как класс, свойства, реальные связи самого объекта. Существенными оказываются культурно-исторические условия данного этапа развития языка и общества. Принцип номинации, возникнув под влиянием указанных факторов, становится нормой.

В марийском языке основным способом обозначения растений является наименование по признаку. В настоящей статье нами выделены группы наименований по признаку, лежащему в основе номинации. Выявление этих групп позволяет яснее представить отношение наших предков к миру растений, их обычаи, мышление, верование. Следует иметь в виду, что внутри лексико-семантической группы флоры, как и любой тематической группы, функционируют лексемы, не обладающие мотивировочными признаками. Эту группу составляют простые непроизводные наименования, утратившие признак называния, и иноязычные слова, представляющие особый способ номинации и обладающие довольно высокой степенью продуктивности.

Лексико-семантические особенности описываемой тематической группы выявляются в работе не только путем межъязыкового анализа, но и в сопоставлении с другими разрядами флористической и зоонимической номенклатуры. Результатом применения такого метода, т. е. метода широкой ономасиологической типологии разных тематических групп, а также одной группы в разных языках или говорах одного языка, в разных стилях и сферах функционирования, может стать построение принципов номинации в лексике исследуемого языка в целом (Голев 1981:12—13; Ракин 1983:272).

0.2. Каждая тематическая группа лексики характеризуется своим набором наиболее типичных семантических моделей, по которым образовались составляющие ее наименования. Поэтому набор принципов и признаков номинации, характерных для определенных темати-

ческих групп лексики, обнаруживает полное или значительное сходство в разных языках. Это объясняется наличием одинакового набора броских признаков обозначаемых реалий. Так, например, наименования, обозначающие разные виды молочая базируются на идентичной семантической модели: «способность выделять сок (молоко) → наименование», ср. мар. *шӧршудо* «одуванчик; молочай», букв. «молоко-трава», к. *йӧв турун* «тж», удм. *йӧлтурын* «молочай», букв.«молоко-трава», морд. м. *лофцутише* «молочай; одуванчик», эст. *piimalill* «молочай», фин. диал. *maitoheinä* «одуванчик»; тат. *сөтлегән,* чув. *сетле курак* «молочай», букв. «молоко-трава»; русск. *молочай,* болг. *млечка,* польск. *mlesz*, нем. *Milchdistel* и т. д. По-видимому, аналогичные названия возникли в разных языках самостоятельно, независимо друг от друга. Поэтому вряд ли правомерно утверждение некоторых исследователей (Куклин 1989:179; Гордеев 1983:199; Ракин 1979:152 и др.) о калькировании с другого языка.

Выявлению основы номинации способствует знание признаков (цвет, форма, структура, вкус, запах и др.) и свойств (время роста и цветения, место произрастания) реалий. Кроме того, в мотивировочных названиях закреплены итоги познавательной деятельности человека в его взаимоотношениях с природой, с другими людьми и внутренняя форма слова отражает многовековой опыт разных поколений народа. В этом заключается познавательная функция внутренней формы слова. Так, например, фитоним **йынгырвеледыш** «колокольчик» — цветок с венчиком в виде колокольчика — образован на основе ассоциации с колокольчиком, ср. **йынгыр** «колокольчик».

Довольно часто разные признаки могут вызвать одинаковые ассоциации в зависимости от конкретных ситуаций. Например, в фитонимах **кӱртньышудо** «папоротник» и **кӱртньывуч** «свербига» определительный компонент **кӱртньӧ** «железо» функционирует в разных значениях: в первом случае указывает на цвет спорангиев реалии, а во втором — на твердость стебля растения. Поэтому в таких случаях приходится обращаться к описанию признаков и свойств реалий в биологической литературе. Встречаются также наименования, компоненты которых вполне понятны с точки зрения современного языка, но смысл наименования в целом утерян но-

сителями языка. Это так называемые формально-мотивированные названия, например, **кӱдыронггыр** «колокольчик», букв. «тетеревиный колокол», **колянершудо** «череда», букв. «мышь-нос-трава» и др.

В целом, подавляющее большинство марийских фитонимов является источником информации о самих реалиях, внутренняя форма их обусловлена естественно-ботаническими свойствами растений.

1.0. Принцип номинации — морфологические признаки растений. Данный принцип номинации широко представлен в флористической терминологии марийского языка. Его продуктивность во многом предопределена самим характером обыденного видовыделения, которое в большинстве случаях базируется на внешних, бросающихся в глаза признаках. Вследствие этого близкие по внешнему виду растения, даже не входящие в одно семейство, номинативно не различаются. Так, фитоним **йолваншудо (йолва** «кисть»; «бахрома») часто бывает связан с различными растениями, обладающими колосовидными метелками, и функционирует в говорах для обозначения метлицы, пырея. По своему составу фитонимы, образованные по данной семантической модели, неоднородны. В них содержится всесторонняя характеристика отдельных морфологических частей реалии: соцветия, стебля, листьев и т. п.

1.1. Наиболее многочисленную группу составляют фитонимы, отражающие специфику головки, колоса, метёлки, цветка: **алгашудо** «пырей обыкновенный», букв. «серьги-трава», **ӓкӓйшудо** В «лопух» (**ӓкӓй** В «головной убор замужних женщин, украшенный монетами»), **вуйденгге** Л, В «кипрей, иван-чай» (**вуйденгге** «женское головное украшение»), **йолваншудо** Л, В «метлица», «пырей», букв. «трава с кистью, бахромой», **кампывуй** СЗ «купавница», букв. «гусиная голова», **кокшавуяншудо** Л, В «одуванчик», букв. «трава с плешивой головой», **колявоч** Л, В «подорожник; стебель подорожника», букв. «мышиный хвост», **колявӱкш** Л, В «подорожник», букв. «мышиный орех», **котивач** Г «зубчатка», букв. «кошачий хвост», **мамыкшудо** Л, В, **мамыквуй** Г, **мӓмӹкшудо** СЗ «одуванчик» (мамык Л, В, Г, мӓмӹк СЗ «пух»), **оварчыкшудо** В кр. «одуванчик», букв. «лепешка-трава», **оксашудо** Л, В, СЗ «пастушья сумка», «петушиный гребешок», букв. «деньги-трава», **олмашудо** Л, В «ромашка пахучая», букв. «яблоко-трава», **онгырвуй, онгырвуй**

шудо Л, В, **оӈгырвуй сäскä** В, оӈкыршудо СЗ, **ынгырвеледыш** Г «колокольчик» (**оӈгыр** Л, В, **оӈкыр** СЗ, **ынгыр** Г «колокольчик»), **полдышвуйшудо** Л, В «ромашка», букв. «пуговица-голова-трава», **полдышшудо** Л «купальница», букв. «пуговица-трава», **понарвеледыш** Л, В «одуванчик», букв. «фонарь-трава», **пунвуяншудо** Л й-ол. «одуванчик», букв. «трава с пушистой головой», **пырыспоч** Л, В «камыш», букв. «кошачий хвост», **торгавуй** Л, В «василек», букв. «раскидистая голова», **туарашудо** Л. В. «манжетка обыкновенная», букв. «творожник-трава», **урвоч** Л, В, **урвач** Г., **урвац** СЗ яр., **урпац** СЗ тонш. «хвощ», букв. «беличий хвост», **уржавуйшудо** Л, В. «тимофеевка», букв. «рожь-голова-трава», **ӱшкыжвоч** Л «цикорий» букв. «бычий хвост», **цӹвӹсӹнзашуды** Г «звездчатка», букв. «курица-глаза-трава», **чомавоч** Л, В, **цамавач** Г, **цамапац** СЗ «конский щавель», букв. «хвост жеребенка», **шаргенчышудо** Л, В «пастушья сумка», **шаргеньшуды** Г «очисток едкий» (**шаргенче** Л, В, **шаргеньы** Г «гнида»), **шергашвуй, шергашвуйшудо, шергашшудо, шӧргашшудо** Л, В «ромашка аптечная; купавка красильная» (**шергаш, шӧргаш** «кольцо») и т. п.

1.2. Фитонимы, отражающие особенности строения стебля.

1.2.1. Названия растений с вьющимися, лазящими и ползучими стеблями: **вӱдылтышшудо** Л, **вӹдылтышшуды** Г «повилика», букв. «обвивающая трава», **маскапота** Л, В «плаун булавовидный», букв. «медвежий кушак», **маскашудо** «тж», букв. «медвежья трава», **пийсоло** «собачий горошек», **пийшоло** Л, В, **пишол** Г «чина луговая», букв. «собачья кишка», **пӱтыралтышшудо** Л, Г «вьюнок полевой», пӱтӹрäлтшешудо В «повилика», букв. «вьющаяся трава», **уала вӱдылтышшудо** Л., **уалавӹдылтыш** Г «вьюнок заборный», букв. «обвивающая кусты трава».

1.2.2. Названия растений с длинным прямостоячим стеблем: **кишкывуч** Л. В «дягиль», букв. «змеиный стебель» — длинный стебель 120—150 см высоты, **коракпуч** Л, В, **каракпыч** Г «купырь лесной», букв. «сорочий стебель» — стебель высотой 60—150 см, **маскавуч, мӧскавыч** «дудник», «плаун», букв. «медвежий стебель», **чомавуч** Л, В «конский щавель», букв. «стебель жеребенка» и т. п.

1.2.3. Характеристика стебля со стороны твердости, мягкости и гладкости: **йожгашудо** Л, В, **йожгашуды** Г,

йажгашудо СЗ «осока; тростник», букв. «жесткая трава», **кӱртньывуч** Л, В «свербига», букв. «железная трава», **порсыншудо** Л «повилика», букв. «шелковая трава», **парсынпадыренгы** Г «тж» (**падыренгы** «стебель»), **чаравуч, чарапуч** Л «дягиль лекарственный», букв. «голый стебель», **шондашшудо** Л, В, **шандашшуды** Г «валун сплюснутый», букв. «щетка (круглая для чесания кудели) — трава», **шорыкпуч** «болиголов крапчатый», букв. «овечий стебель», **шымавуч, шимавуч** Л, В, **шӹмавыч** Г «дягиль лекарственный», букв. «нежный, гладкий стебель» и т. д.

1.2.4. Узловатость стебля подчеркивается фитонимом **шӧншудо** Л, В «подорожник», букв. «жилы-трава». Вероятно, сюда же следует отнести фитонимы **чезекйол** Л «гвоздика», букв. «ласточкина нога», **цӹгакпеледыш** Г «гвоздика луговая», букв. «ласточкин цветок».

1.3. Многочисленны фитонимы, базирующиеся на морфологии листа.

1.3.1. Названия растений с листьями продолговато-эллиптической формы: **казапылыш** Л, В «подорожник большой», букв. «козье ухо», **кишкыйылме** Л, В, **кӹшкыйӹлмы** Г «гусиный лук», «острец», «ландыш», букв. «змеиный язык», **мераӈпылыш** «кислица», букв. «заячье ухо», **пийвылыш,** Л, **пивӹлыш** Г «вьюнок полевой», букв. «собачье ухо», **пийылме** Л, В «подорожник», букв. «собачий язык», **чомавылыш** «конский щавель», букв. «ухо жеребенка», **шорыкпылыш** «подорожник», букв. «овечье ухо».

1.3.2. Фитонимы, характеризующие реалии со стороны размера листьев: **маскавылыш** Л, **мӧскавӹлыш** Г «коровяк», букв. «медвежье ухо», **маскакопа, маскакопашудо** Л «копытень». Лексема **комбо** «гусь», выступающая в качестве атрибутивного компонента, со словами **йол** «нога», **лапа** «лапа, ступня ноги (у животных и водоплавающих птиц)», **чапа** детск. «ножка» употребляется для обозначения стрелолиста, мать-и-мачехи, мелкого осотника, герани лесной, манжетки, росянки, клечера, подорожника, баранчика, гусиной лапки; **коти лапа** Г «кошачья лапка», **мӧрӓнкӹкапа, мӧрӓнлапа** СЗ яр., туж., **мӧрӓнкапа** СЗ тонш. «кислица», букв. «заячья лапка», **пырыскопашудо, пырысчапа** Л «кошачья лапка», **цӹвӹкапа** СЗ «подорожник», букв. «куриная лапка», **чомакӱч** Л, В «копытень», букв.«копыто жеребенка».

1.3.3. Названия растений со своеобразной спецификой листьев: **парняшудо** Л «лапчатка гусиная», букв. «па-

лец-трава» — листья реалии похожи на кисть руки, на пальцы; **пызлышудо** Л, **пӧзылмышуды** Г «пижма» (**пызле** Л, **пӧзылмы** Г «рябина») — листья пижмы напоминают листья рябины, **пӧзылмылӧшташ** Г «черноголовка (полевое растение)», букв. «рябина-лист», **тӧрлемшудо** «подорожник», букв. «трава с вышивкой», **чындаран лышташ** В кр. «папоротник мужской», букв. «лист с узором».

1.4. В названиях растений и ягод отражается и такой признак, как «величина (размер) и количество» реалий и их отдельных частей.

1.4.1. Растения больших размеров. В качестве определительного компонента в таких фитонимах функционирует имя прилагательное **кугу** Л. В, СЗ, **кого** Г «большой»: **кугумӧр, кугымӧр** Л, В, СЗ, **когомӧр** СЗ «клубника», букв. «большая ягода»; этот же фитоним употребляется и для обозначения виктории; **коговисан** Г «мордовник шароголовый», букв. «большой осот», **коговӧчыж, когопӧчыж** Г «клюква», букв. «большая клюква», **кугупурса** «бобы», букв. «большой горох», **кугушудо** Л, **когошуды** Г «серпуха», букв. «большая трава». Вероятно, сюда же следует отнести фитоним **маскаписан** Л., **маскависан** Г «чертополох», букв. «медвежий осот».

1.4.2. Растения более мелких размеров, где в качестве атрибутивного компонента в большинстве случаев выступает лексема **изи** «маленький»: изи метелица Г «мятлик луговой», букв. «маленькая метелица», **изимӧр** Л, В, Г, СЗ «земляника», букв. «маленькая ягода», **изиомыж** Л «ситник расходящийся», букв. «маленький камыш», **изи пӧчыж** Л, **изивӧчыж** Г «брусника», букв. «маленькая клюква», **тыгыде мӧр** Л, В «земляника», букв. «мелкая ягода», **тыгыде пурса** «чечевица», букв. «мелкий горох», **тыгыды пишол** Г «тысячелистник», букв. «мелкая вязель». По-видимому, к этой же подгруппе следует отнести фитонимы с конструкцией, в которых в качестве атрибута выступают зоонимы **жава** «жаба» и **коля** Л, В, **каля** Г, СЗ «мышь»: **жавагоржангы** Г «череда поникшая», букв. «жабий репей», **калягаржангы** Г «мышиный репей», букв. «тж», **калянуж** Г, СЗ «мелколистная крапива», букв. «мышиная крапива», **колягоршанге** Л «липучка», букв. «мышиный репей», **коляпурса** Л, В, **калявырса** Г «мышиный горох», букв. «тж». Аналогичные конструкции «зооним+фитоним» с указанием на размер реалий представлены в коми языке (Ракин 1977: 16—17).

1.4.3. Фитонимы, базирующиеся на количественной характеристике отдельных морфологических частей: **кудлу** Г «василек», букв. «шестьдесят», кудвуян пеледыш Г «василек», букв. «шестиголовый цветок», **кумпылыш** «вахта трехлистная», букв. «три уха», **кутлукш, кутлукш пеледыш** «василистник», букв. «цветок с шестидесятью ветками», **мужыршудо** «купена аптечная» букв. «парная трава», **тестевуй** «пижма», букв. «десятиголовик».

Морфологические признаки растений являются одним из самых распространенных принципов номинации и в других финно-угорских языках (Ракин 1977:3—19; Сюрьялайнен 1982: 8—10; Гребнева 1984: 10—11). Такая же тенденция проявляется в орнитонимической номенклатуре марийского языка (Васильев 1983: 22—28; 1984: 7—8).

Анализ фитонимов данной подгруппы показывает, что они представлены в основном метафорическими выражениями, в которых мотивировочный признак обозначен ассоциативно, посредством уже существующих новообразований, основанных на соотнесении одного предмета с другим через какой-либо общий признак (форма, величина, внешнее подобие и т. п.). В большинстве случаев метафорические выражения базируются на семантической модели «часть тела (или орган тела) животного → наименование». Как правило, каждая лексема с обозначением «части (органа) тела животного» в составе метафорических наименований выполняет определенную функцию: **копа** Л, **капа** Г, СЗ «ладонь, лапа» указывает на лист со сложным строением (см. 1.3.2), **поч** «хвост» — на колосовидное соцветие (1.1), **пылыш** «ухо» — на лист овальной формы с опушением (1.3.1), **йылме** «язык» — на наличие овальных листьев без опушения (1.3.1). Наименования растений с опорой на часть тела широко представлены в других языках ср. к. **ыжпель кор** «подорожник», букв. «лист-овечье ухо» (Ракин 1977:16), к. **уткакок турун** «стрелолист обыкновенный», букв. «трава-утиная нога» (Там же, с. 17); морд. **букань пуло** «чертополох», букв. «бычий хвост» (Вильдяева 1980:123); эст. *kassikäpp* «кошачьи лапки» (ЭРС 152), эст. *karukeel* «кривоцвет», букв. «медвежий язык» (ЭРС 151); фин. диал. *koiranhäntä* «подорожник большой», букв. «собачий хвост» (Сюрьялайнен 1981:35); тат. **кузгалак** «щавель кислый», букв. «ягненок-ухо» (Бурганова

1976: 134); башк. **эт эсäге** «вьюнок», букв. «собачья кишка» (Дмитриева 1972:217); чув. **кушак хӳре** «тимофеевка», букв. «кошачий хвост» (Там же) и т. д.

2.0. Принцип номинации — цветовые признаки растений. Цвет — один из самых древних призаков, используемых в основе наименования растений. По-видимому, фитонимы, базирующиеся на цветообозначении, не играли особой роли в жизни человека. Классификация фитонимов этой группы производится в зависимости от того, какой оттенок цветового спектра отражается тем или иным растением.

2.1. Названия, подчеркивающие белизну денотата: **муно пеледыш** Л влж. «ромашка» (**муно** «яйцо» в значении белый), **ошвуйшуды** Г «тысячелистник обыкновенный», букв. «белоголовая трава», **ошвуй** Л., **ошвуйшудо, ошвуяншудо** Л., **ошвуянпеледыш** Г «ромашка непахучая», **ошкиза** «жимолость белая», **ош локама, ош локама пеледыш** «белая лилия», **ошлокон** «кувшинка чистобелая», **ошмӳйшудо** «клевер белый», букв. «белая медовая трава», **ошписан** Г «татарник», букв. «белый осот», **ош с'äс'кä, ош чäс'ш'ка** В «ромашка», букв. «белый цветок», **ош эҥыж** Л, В «белая малина».

2.2. Фитонимы, отражающие оттенки синего цвета: **зäнгäр с'äс'кä, зäнгäр чäс'ш'кä** В «василек синий», букв. «синий цветок», **канде с'äс'кä** В «василек синий», «колокольчик раскидистый», **кандывуй, кандывуйшудо, кандывуйпеледыш** «василек», букв. «синяя голова», «синеголовая трава», «синеголовый цветок», **каракшыҥцä** СЗ «фиалка», букв. «вороний глаз», **кловой шудо** Г «василек», букв. «голубая трава», **коракшинча** Л, **коракшынца** Л й-ол., **караксӹнза** Г. «василек», «вороний глаз», **чалка пеледыш** Л влж. «василек», букв. «синий, голубой цветок». Для обозначения синего цвета в качестве атрибутивного компонента выступают лексемы **зäнгäр** В, **канде** Л, **коловой, кловой** Г, **чалка** Л влж.

2.3. Наименования, подчеркивающие желтый цвет реалий: **нарынчывуй** Г «купальница», букв. «желтая голова», **нарынчывуйчача Л** «девясил высокий», букв. «цветок с желтой головой», **пät'äвуй** СЗ «желтая ромашка», букв. «желтая голова», **пät'äвуйшудо** СЗ «одуванчик желтый», букв. «желтоголовая трава», **сар донник** «донник желтый», **сарлокон** «кубышка», **сарӹҥгыж** Г «желтая (белая) малина», **тӳкывисвис** «купавка красиль-

ная», букв. «желтая ромашка», **тӱкышудо** Л, В «калужница болотная», букв. «желтая трава», **ӱвуйшудо** «чистяк весенний», букв. «масло-голова-трава». Этот же семантический признак присутствует и в названии **тулпеледыш** Л, В, **тылвеледыш** Г «адонис весенний», букв. «огонь-цветок» — наименование получило за крупные желтые цветки, как бы «горящие» на солнце.

2.4. Названия, отражающие оттенки красного цвета: **йошкарвож** Л «кузьмичева трава», букв. «красный корень», **йошкар клевер** Л, В **якшар клевыр** Г «клевер красный», **йошкар шоптыр** Л, якшар шаптыр Г «красная смородина», **кергывуй, кергывуйшудо** Л, В, Г «клевер красный», букв. «трава-желны голова», **кӱренвуй** Л, В «кровохлебка аптечная», букв. «бурая голова», «душица обыкновенная», **кӱреншудо** «плакун-трава», букв. «бурая, коричневая трава», **кына клевер** Л. В «розовый клевер», букв. «алый клевер», **чевер клевер** «красный клевер», букв. «розовый, румяный клевер», **якшар муян** Г «щирица», букв. «красная лебеда», **якшаруа** Г «краснотал», букв. «красный тальник», **якшарӹнгыж** Г «красная малина» т. п.

2.5. Оттенки черного, темного цвета подчеркивают фитонимы: **варшудо** Л, В «черноголовка обыкновенная», букв. «вареная смола-трава», **тегытвуйшудо** «гвоздика дельтовидная», букв. «деготь-голова-трава», **тегытшудо** «ежа сборная», букв. «деготь-трава», **чаҥавуй** В «камыш, головка камыша», букв. «галка-голова», **шемкиза** «черная жимолость», шемслива Л, шимслива Г «терн», букв. «черная слива», **шемуа** Г «чернотал», **шемшоптыр** Л, В, **шимшаптыр** Г «черная смородина», **шемшудо** Л «марьянник дубравный», букв. «черная трава», **шемэҥыж** Л, **шимӹнгыж** Г «ежевика», букв. «черная малина», **шимпӹрцӹ** СЗ тонш. «черника». букв. «черное зернышко».

2.6. Фитонимы, имеющие индивидуальное цветообозначение: **алашуды** Г «марьянник дубравный», букв. «пестрая трава», **кукшуды** Г «ятрышник пятнистый», букв. «кукушка-трава» — название дано за окраску цветка и листьев, **кӱртньышудо** Л «папоротник мужской», букв. «железная трава», **тӱтырашудо** Л «дымянка лекарственная» — растение благодаря своей сероватой окраске издали напоминает дым, поднимающийся с земли, **ужаршоптыр** Л, В, букв. «зеленая смородина», **чуварнуж** Л

«пустырник обыкновенный», букв. «пестрая крапива» и т. п.

Семантическая модель «цвет → наименование» является одной из самых распространенных в тематических группах лексики разных языков, ср. мар. **ужарӱмбал** «синяя сыроежка» (ужар «зеленый»), **йошкарголя** «мышь-зерновка», букв. «красная мышь», **шемгайык** «желна», букв. «черная птица»; к. **лӧз кудри** «василек синий», букв. «синие кудри» (Ракин 1977:20), **гӧрд гоб** «подосиновик» (гӧрд «красный») (Ракин 1983:274); морд. **маз'и чукштьру** «красная смородина» (Вильдяева 1989:123); русск. черника и др.

3.0. Принцип номинации — место произрастания растений.

3.1. Растения, произрастающие в сухих местах: **кожламӧр** Л серн. «земляника», букв. «лесная ягода», **корнышудо, корновоктеншудо** Л. «подорожник большой» (корно «дорога»), **олыкмӧр** Л «клубника», букв. «луговая ягода», **алыкмӧрйӓрым** Г «овсяница луговая», **ошма кияк** Л, **ошма хыяк** Г «песочная осока», **пӱнчӧ пӧчыж** Л «вид брусники», букв. «сосновая брусника», **пысманшудо** Л, **пӹсманшуды** Г «ежа сборная» (**пысман, пӹсман** «межа»), **сиремшудо** Г «подорожник» (**сирем** «дерн», «целина»), **талиполдыран** Л «пастернак (**тале** «поляна»), **тошкемшудо** Л, **ташкемшуды** Г «птичья гречиха», букв. «трава на задворках», **чодыра маке** Л «купальница европейская», букв. «лесной мак», **шӹгерлашуды** Г «черноголовник лекарственный», букв. «кладбищенская трава».

3.2. Водные растения. В качестве атрибутивного компонента выступает лексема **вӱд** Л, В, **вӹд** Г «вода»: **вӱдвондо** Л, В «камыш», букв. «водяной стебель», **вӱдкушкыл** Л «водяное растение», **вӹдлӧчка** Г «сабельник болотный», букв. «водяной шиповник», **вӱднеде** Л, **вӹднеде** Г «щелковник», **вӱдпачаш** Л, **выдпотяш** Г «дербенник иволистный» (**пачаш** Л **потяш** Г «посконь»), **вӱдпеледыш** «водоросль, тина», букв. «водяной цветок», **вӱдпорсын** Л, **вӹдпарсын** Г «водоросль, тина», букв. «водяной шелк», **вӱдпӱкш** Л «чилим», букв. «водяной орех», **вӱдшудо** Л, **в*h*тшудо** СЗ «разновидность водорослей», букв. «водяная трава, **вӹдвусы** Г «хвощ приречный».

3.3. Болотные растения: **купкушкыл** Л, В «болотная флора», букв. «болотное растение», **куппӧчыж** Л, В «брусника», **к*h*пшудо** СЗ «отяк», букв. «болотная трава»,

лӱкышуды Г «водоросль» (**лӱкы** Г «трясина, топь (болотное место»)) и т. п.

Семантический признак «место произрастания (обитания) «присутствует не только в фитонимической лексике, ср. к. **нюр турун** «пушица влагалищная», букв. «болотная трава» (Ракин 1977:24), эст. *teeleht* «подорожник», букв. «дорога-лист» (ЭРС 561), но и в других разделах лексики флоры и фауны: а) в орнитонимии — мар. **вӱдолго** «оляпка», букв. «водяной дрозд» (Васильев 1982:103), эст. *veelahelind* «водоплавающая птица» (ЭРС 651); б) в зоонимах — мар. **вӱдшашке** «выхухоль», букв. «водяная норка»; к. **васа вурдысь** «водяная крыса», букв. «водяной крот» (Хаузенберг 1972:132); в миконимах — мар. *тумо понго* «опенок красный», букв. «дубовый гриб», русск. *подберезовик* и т. д.

4.0. Принцип номинации — способность растений издавать какой-либо звук. Звуки происходят от механического воздействия на растение. К фитонимам, базирующимся на этом признаке, следует отнести: **кычакашудо** Л, **кӹчкашуды** Г «хвощ зимующий», букв. «скрипучая трава», **кычыртышшуды** Г «сушеница обыкновенная» (**кычыртаташ** «скрипеть», «скрежетать»), **лочкышудо** Л, **лочкышуды, лочкымпеледыш** Г «смолевка-хлопушка» (лочык «щелчок»), **оксашуды** Г «ярутка полевая», букв. «деньги-трава».

Семантическая модель «издаваемый звук → наименование» широко распространена в образовании фитонимов в других языках, ср. к. *дзуртан турун* «очиток пурпуровый» (дзуртны «скрипеть») (Ракин 1977:21), морд. м. *лажштмарь* «ежевика», букв. «трещать-ягода» (Гребнева 1984:11), русск. *погремок* и т. д.

За пределами ботанической номенклатуры этот принцип имеет широкое распространение в орнитонимической лексике. Например, в русских наименованиях птиц «названия по голосу» составляют 32% (82 из 254) (Гинатуллин 1973:25).

5.0. Принцип номинации — способность растений выделять какой-либо сок, пениться. Данную семантическую модель воспроизводят названия: **вӱршудо** Л, В «зверобой», «чистотел большой» — при надрывании цветков этих растений выделяется кроваво-красный сок (**вӱр** «кровь»), **кечывалупс** Л, **кечывӓллыпш** Г «росянка круглолистная», букв. «обеденная роса», **кояшудо** Л, **кайашудо** СЗ «алоэ», букв.

«жирная трава», **лазырашудо** Л, **лязӹрашуды** Г, **лой-зырашудо** В кр. «звездчатка средняя» — название дано за способность хорошо сохранять влагу, **лазырачай** Л «чай луговой», **лӧчкашудо** Л, **лӧчкашуды** Г (лӧчаш «взбухать, разбухать») «рдест», **ночкышудо** Л «мокрица», букв. «мокрая трава»; клейкость реалий фиксируют фитонимы **тегытвуй, тегытшудо** Л, В, **тегыт с'ӓс'кӓ** В, **тигытвуй, тигыт пеледыш** Г «гвоздика луговая», «ежа сборная» (**тегыт** Л, В, **тигыт** Г **«деготь»**); образование пены при растирании лежит в основе номинации у фитонимов — **шавыньшуды** Г «мыльнянка лекарственная», букв. «мыльная трава», **шовынвуй** Л «кукушкин цвет», букв. «мыльная голова», **шовынпеледыш** Л «горицвет кукушкин», **шовыншудо** Л, **шавыншуды** Г «грыжник»; большинство растений, у которых из стебля выделяется млечный сок, обозначается названиями **шижер шудо** Л диал. «дикий салат», букв. «молоко-трава», **шӧрпелчан** Л. В., **шӹшеранписан** Г, **шӧрпилцан** СЗ «молочай», «осот», **шӧршудо, шӧрписан** Л «молочай», «одуванчик», **шӹшеранпыч** Г «анисовые дудки», букв. «молочный стебель» и т. п.

Аналогичные семантические конструкции функционируют в системе названий грибов: **коявонго, ӱйвонго** «масленок желтый», букв. «жирный гриб», **шӧрвонго** «молочница», букв. «молочный гриб». Для других тематических групп данная семантическая модель не характерна.

6.0. Принцип номинации — пригодность для человека. Классификация фитонимов данной семантической группы производится нами в зависимости от того, для чего применяются они в хозяйстве, в быту.

6.1. Названия растений, семена которых или же само растение применялись или применяются для приготовления пищи, напитков: **калачыкичке** Л «сныть обыкновенная», букв. «семена калача», **калачышудо** Л «тмин обыкновенный:, букв. «калач-трава», **киндывуч** Л, **киндывыч** Г «борщевик», «пастернак посевной», **киндышудо** Л «лебеда», букв. «хлебная трава», **чайшудо** Л, В, **цӓйшудо** СЗ «богородская трава», «зверобой продырявленный», «душица обыкновенная», букв. «чай-трава» — эти растения обладают сильным ароматическим запахом и применяются как суррогат чая.

6.2. Растения, являющиеся надежным средством в

борьбе с различного рода насекомыми: **кармешудо, кармышудо** Л, В «душица обыкновенная», «блошница простертая», букв. «муха-трава», **клопшуды** Г «полынь горькая», букв. «клоп-трава», **тараканшудо** Л, **тараканшуды** Г «мыльнянка лекарственная» (таракан «тж»), **умдылашудо** Л, В, *ӈндӈлашӈдо* Л й.-ол. «донник желтый», букв. «клоп-трава», **ӱвырашуды** Г «пижма обыкновенная» (**ӱвыра** «мошка, мошкара»).

6.3. Растения, применяемые в других сферах человеческой деятельности: **ваштырашшуды** Г «мятлик луговой» — применяется для изготовления веников; **вачкы прейыктым шуды** Г «пижма» — перед засолкой овощей (капусты, огурцов) бочки промывают («парят») отваром пижмы; **коншудо** Л, В, СЗ «лебеда татарская» (**кон, конвӱд** «щелок, щелочь») — поташ из золы лебеды раньше широко применялся для отбеливания различных тканей: **курайвуч** Л, В «дудник», бук. «дудка-стебель» — пустой стебель реалии употребляется на изготовление дудок; **лыпшаваштыр** Г «жимолость обыкновенная» — стебель растения обладает большой крепостью и употребляется на ружейные шомпола, на кнутовины; **тамакашудо** Л., **табакшуды** Г «белена черная», букв. «табак-трава»; **ягашудо** Л, В, **йагашудо** Л, В «хвощ болотный; хвощ зимующий» — стебель хвоща применяется в быту для полировки деревянной и жестяной посуды, для мытья полов, ср. **ягылгаш** «сглаживаться, шлифоваться».

Фитонимы данной семантической группы не обладают такими яркими признаками (цветовая окраска, конфигурация отдельных морфологических частей и т. п.), которые могли бы быть в основе номинации и способствовали бы различению одних видов от других. Появление подобных наименований обусловлено практической деятельностью человека. Аналогичные семантические конструкции функционируют в лексике флоры других языков, ср. к. **лудіктурун** «багульник болотный», букв. «клоп-трава» (Ракин 1977:35), морд. э. **карво тикше**, м. **кару тише** «зверобой», бук. «муха-трава» (Гребнева 1984:12), эст. *koirohi* «полынь горькая», букв. «моль-трава» (ЭРС 185), русск. **мольная трава** «донник желтый», тат. **бабасыр улэме** «пижма», букв. «трава от червяков» и т. д. Подобные нормативные единицы встречаются в микономической лексике: **кармывонго** Л, **орашынгавонго** Л, В, **арашӹнгавонгы** Г «мухомор».

7.0. Принцип номинации — характер поверхности реалии. По данной семантической модели образованы такие фитонимы: **апашудо** Л «горечавка лазоревая» (**апа** «межд., выражающее боль») — при прикосновении к растению возникают болевые ощущения; **аярнуж** Л, В, **ӓйӓрнӈж** «крапива жгучая» (**аяр** Л, В, *ӓйӓр* СЗ «злой», «ядовитый»), **аярпелчан** «татарник колючий», **иман коршанге** «чертополох», букв. «иглистый, колючий репейник», **иманписан** Г «татарник», «чертополох», **иман шоптыр** Л, В, **иманшаптыр** Г «крыжовник» (**шоптыр** Л, В. **шаптыр** Г «смородина»), **иманшуды** Л, В «алоэ» букв. «трава с колючками», **козырашудо** Л «хвощ болотный», букв. «грубая, шершавая трава», **коптырашудо** «калужница болотная» (**коптыра** «грубый, некрасивый»), **пуншоптыр** Л «крыжовник», букв. «пуховая смородина», **пустануж** «пустырник волосистый» (**пуста** «пустой») — название получило за пушистый стебель; **пӱяншудо** В «алоэ», букв. «трава с зубьями», **сокырнуж** Л, В «яснотка белая», букв. «слепая крапива» — листва яснотки в отличие от крапивы не вызывает ожога; **шуркагше пелчан** «бодяк полевой» (**шуркалаш** «вонзать», «колоть, прокалывать») и т. д. Семантический признак «характер поверхности» присутствует в названиях растений других языков, ср. морд. э. **пици палакс** «крапива», букв. «обжигающая крапива» (Гребнева 1984:10), к. **сотан турун** «крапива», букв. «жгучая трава» (Ракин 1977:14), фин. диал. *karvamarja* «крыжовник», букв. «шерстяная ягода (по одному из культивируемых прежде сортов крыжовника)» (Сюрьялайнен 1982:7) и др.

8.0. Принцип номинации — время произрастания (цветения) растений. Данный семантический признак отражается в названиях **лумпеледыш** «подснежник», букв. «снежный цветок» — появляется ранней весной; **покырау гӱл** В «колокольчик» (**покырау** «покров день»), **семыкшудо** Л «сурепица обыкновенная», букв. «семик-трава» — цветет в период празднования Семика; **сеӈгашудо, сыӈгашудо** «гвоздика» (**сыӈга, сеӈга** «июнь»). По-видимому, этот же семантический признак в основе сложных фитонимов, в которых в качестве определительного компонента выступают орнитонимы **куку** «кукушка», **кӱдыр** «тетерев», **шиште** «дятель»: **кукугынзылаванды** Г «одуванчик», букв. «кукушкина прялка», **кукуняня** «полевой хвощ», **кӱдыронгыр** «под-

снежник», **шиштыс'äс'кā** В «подснежник». Например, споры полевого хвоща появляются в конце апреля — в начале мая, т. е. в период кукования, отсюда и название **кукуняня,** букв. «кукушкин хлеб». Эту же функцию, т. е. указывает на определенный период весны, выполняет в коми фитониме **кöктион** «хвощ полевой» атрибутивный компонент **кöк** «кукушка» (Ракин 1979: 150).

9.0. Принцип номинации — лекарственные свойства реалий. Как известно, большинство травянистых растений и ягод обладают определенными целебными свойствами и широко применяются в народной медицине. Так, например, на территории Марийской АССР произрастает около 1000 разных видов растений, из которых по меньшей мере 350 являются полезными и свыше 100 общеизвестных, изученных и применяемых в современной медицине лекарственных растений (ЛР 4). Фитонимы этой семантической группы неоднородны по своему содержанию.

9.1. Фитонимы, тождественные названию болезней: **золотукшудо** Л «чистец болотный», букв. «золотуха-трава», **кöтöрмашудо** Л, **кöтöрмашуды** Г «герань луговая» (**кöтöрма** «молочница» (болезнь полости рта»), **кучышудо** Г «полынь цитварная», букв. «глист-трава», **мужсаска** Л «вероника лекарственная», букв. «лихорадка-трава», **мӱшкыркорштымшудо** Л «лапчатка прямостоячая», букв. «трава от боли живота», **пӧшыршудо** Л, **пӱсыршуды** Г, **пӧс'ыршудо** В «тысячелистник обыкновенный», «репяшок», букв. «грыжа-трава» — настой перечисленных трав пьют от грыжи; **разымшудо** Л «очиток едкий», букв. «ревматизм-трава», **рематизмшудо** «мордовник шароголовый» — применяется при лечении ревматизма; **сармужышудо** Л «желтушник» (**сармужо** «желтуха»), **сӧсаншудо** Л «пижма обыкновенная» (**сӧсан** «глиста») — в народной медицине пижма применяется как эффективное глистогонное средство; **тийшудо** «вид травы» (**тий** «вошь»), **цараматшуды** Г «желтушница», (**царамат** «желтуха (болезнь печени)», **чӱчышудо** Л, **цӱцӱшуды** Г «чистотел большой» (**чӱчӧ** Л, **цӱцӱ** Г «болезнь носа»), **шандышуды** Г «пижма» — пижма является эффективным мочегонным средством; **шыгылешудо** Л, В, **шӹгыльшуды** Г «чистотел» (**шыгыле** Л, В, **шӹгыль** Г «бородавка», **ырлыганшудо** Л, **ӹрлыханшуды** Г «кипрей, иван-чай» — трава, применяемая против кори;

юмбелшудо В «полынь цитварная», букв. «глист-трава» и т. п.

9.2. Названия растений с определительным компонентом часть (орган) тела человека, для лечения которой они применяются: **пагаршудо** Л «сушеница топяная», букв. «желудок-трава» — водный настой сушеницы топяной применяют в народной медицине «при лечении язвы желудка и двенадцатиперстной кишки» (ЛР 145): **пӱшудо, пӱшӱкшудо, пӱкорштымошудо** Л «белена черная» (**пӱ** «зуб») — болеутоляющее и успокаивающее свойство белены находит применение в народной медицине при зубных болях; **шодышудо** Л, **шодышуды** Г «полынь горькая», букв. «легкие-трава» — настой полыни применяется при воспалении легких и лечении бронхиальной астмы; **шӱмшудо** Л, В «герань луговая», букв. «сердце-трава» — настой герани пьют от сердечных заболеваний.

9.3. Названия растений, которые появились вследствие использования реалий для вылечивания ран, порезов, опухолей и т. п.: **вӱркучышшудо** Л «тысячелистник обыкновенный», букв. «кровь держащая трава» — наложенный на рану лист повышает свертываемость крови и оказывает болеутоляющее действие; **кокша шудо** Л «одуванчик лекарственный», букв. «фурункул-трава», **куатшудо** Л В «девясил иволистный», букв. «мощь-трава» — девясил используется при лечении различных заболеваний, его отвар повышает бодрость, придает силы; **кушмышудо** Л, В «подорожник большой», букв. «заживляющее растение», **пӱчмышудо** Л, «тысячелистник обыкновенный», букв. «трава от пореза», **сарлашуды** Г «тж» букв. «серп-трава» — появлению таких номинаций способствовал тот факт, что тысячелистник пользовался широкой популярностью у жнецов, когда имелись случаи пореза руки; **сӱваншудо** Л «кирказон ломоносовидный», букв. «чирей-трава», **шӱлгуштымошуды, шӹлгӹшкышшуды, шӹлшуды** Г «подорожник большой», букв. «мясо заживляющая трава» и др.

Признак «лекарственное свойство реалий» является широко распространенным в образовании фитонимов в других языках, ср. к. **дой турун** «кисличка заячья», букв. «рана-трава» (Ракин 1977:33), морд. м. **верь нолдама тише** «тысячелистник», букв. «крови пускание трава» (Гребнева 1984:11), тат. **йара улэне** «подорожник», букв. «рана-лист ее» (Бурганова 1976:130), чув. **шанар кураке**

«подорожник», букв. «жила-трава» (Дмитриева 1972: 221), русск. **сердечная трава** «копытень европейский» (ЛР 68) и др. Для других лексических разрядов этот семантический тип не характерен.

10.0. Принцип номинации — запах растений. По этой семантической модели образовано небольшое число фитонимов. К наименованиям, базирующимся на данном семантическом признаке, следует отнести **пушаншудо** Л. **пышаншуды** Г «ромашка пахучая» (**пуш** Л, **пыш** Г «запах), **пушаншудо** Л, в «мята», **ӱпшан шудо** Л, В «мята», букв. «трава с запахом» — «растение с приятным, характерным мятным запахом благодаря содержанию особого эфирного масла» (ОР 478). Как правило, в фитонимах данной семантической группы в качестве определительного компонента функционируют лексемы **пуш** Л, **пыш** Г «запах», **ӱпш** Л, В «тж».

Семантическая модель «запах → наименование» широко употребляется в образовании флористической лексики других языков, ср. к. **дука дурун** «лабазник вязолистный», букв. «душистая трава» (Ракин 1977:23), чув. **шашла вута корак** «полынь» < **шашла** «вонючий:+ **вута** «трава»+**корак** (Дмитриева 1972:221) и др. Для других тематических групп лексики марийского языка данный семантический тип не характерен.

11.0. Принцип номинации — вкусовые свойства растений. Наряду с признаками, бросающимися в глаза, у людей с течением времени вырабатывались определенные критерии для оценки того или иного растения со стороны вкусовых свойств. По-видимому, названия, появление которых обусловлено применением людей, в хронологическом отношении более позднего образования. В подтверждение этому следует считать, что большинство наименований базируется на внешних признаках (цвет, морфологические особенности, место произрастания, время цветения и т. п.) — около 65%. С точки зрения достоинства вкусовых свойств реалий можно отметить такие группы.

11.1. Названия растений со сладким вкусом: **мӱвуй** «яснотка пятнистая», букв. «медовая голова», **мӱкосатале** Л «пикульник-медовик», букв. «медовый жабрей», **мӱйшудо** Л, **мӱйшуды** Г «клевер луговой», букв. «медовая трава», **мӱшудываж** Г «солодковый корень» (**важ**

Г «корень»), **шервӧчыж** Л «брусника (**шере** «сладкий»), **шершудывож** Л «солодковый корень» и др.

11.2. Названия растений с кислым или соленым вкусом: **аракавуч** Л «дикая редька» (**арака** «вино, водка» в значении кислый и **вуч** < **пуч** «стебель»), букв. «горький стебель», **аракапулеж** Л «свербига», букв. «горькая ягода», **цажвыч** Г «дикая редька», «свербига», букв. «кислый стебель», **шапшуды** Г «щавель обыкновенный», букв. «кислая трава», **шинчаланшудо** Л, В, **шанцаланшудо** СЗ яр., тонш., **шынзäläншудо** СЗ туж. «щавель обыкновенный», букв. «соленая трава», **шäнчаланшудо** В кр. «кислица», **шапышудо** СЗ шар. «щавель кислый», **шопышудо** Л влж., й-ол. «щавель кислый», **санзаланшуды** Г «дикарка», букв. «соленая трава».

11.3. Названия, отражающие горький вкус реалий: **кацыпhрса** СЗ «перец», букв. «горький горох», **кочушмен** Л, В, **качушен** Г., **кацынушмен** СЗ яр., **кацышhмен** СЗ туж. «редька», букв. «горькая редька», **кочшудо, кочышудо** Л «полынь», «горчак ястребниковый, или желтый», букв. «горькая трава».

Фитонимы, характеризующие денотат со стороны вкусовых свойств, широко представлены в других языках, ср. к. **юманянь** «клевер», букв. «сладкий хлеб» (Ракин 1977:27), удм. **курытгумы** «свербига восточная», букв. «горький стебель» (УРС 234), морд. м. **шäпи тише** «полынь горькая», букв. «горькая трава» (Гребнева 1984:10), тат. **баллыкай** «клевер» < **баллы** «медовый» (Дмитриева 1972:212), русск. **медовик** «клевер» (Меркулова 1967:91) и др.

С точки зрения пригодности, непригодности, съедобности можно выделить следующие группы.

11.4, Растения с низкими питательными качествами: **колякозгаляк** Л «щавель воробьиный», букв. «мышиный щавель», **колявурса** Л, В, **калявырса** Г, **кал'апhрса** СЗ «мышиный горошек», **коляумла** Л «мышиный хмель», **коляшыдан** Л, **калягречиха** Г «горец вьюнковый», букв. «мышиная гречиха», **коляшинчаланшудо** Л, **каляшапшуды** Г «щавелек», букв. «мышиный щавель», **коляшӱльӧ** Л, **каляшӹльы** Г, **кал'ашӱл'ӧ** СЗ «овсянница», букв. «мышиный овес», **каляыржа** Г «тимофеевка луговая» букв. «мышиная рожь», **комбымӧр** Л «очиток едкий», букв. «гусиная ягода», **пийвурса** Л, В «вика», букв. «собачий горох», **пивӧчыж, пийпӧчыж** «толокнянка обыкновенная»,

букв. «собачья брусника», **таракан пырса** Г «бобы», букв. «тараканий горох», **турнявурса** Л, **тыртнявырса** Г, **тһрн'апһрса** СЗ «вика», «чина лесная», букв. «журавлиный горох», **чомашопышудо** «конский щавель», букв. «щавель жеребенка», **шиштывурса** Л, **шиштывырыса** Г «сочевичник весенний», букв. «дятловый горох», **шордымодо** Л, **шордымуды** Г «голубика», букв. «лосиная черника».

11.5. Ядовитые растения и ягоды. В фитонимах данной подгруппы в качестве определительного компонента выступают лексемы **ия** «дьявол», «черт», **кишке** «змея», **корак** «ворона», **пий** «собака», **пире** «волк»: **иявуч** Л, **иавыч** Г «болиголов пятнистый» (**вуч** Л **выч** Г «стебель»), **ияшудо** Л, **иашуды** Г «палун-баранец», «телорез обыкновенный», **кишкыс'äс'кä** «коровяк обыкновенный», букв. «змеиный цветок», **коракшинча** В «паслен черный», букв. «вороний глаз», **пийломбо** «крушина (ягоды)» (**ломбо** «черемуха»), **пирыгичке** Л, **пирыгӹцкы** Г «волчьи ягоды».

11.6. По-видимому, следует выделить конструкции «зооним, орнитоним+фитоним», в которых выражается отношение, показывающее съедобность данных видов растений и ягод для животного: **кайыкшӱльӧ** «горец птичий, или птичья гречиха», букв. «птичий овес» — семена реалий служат кормом для промысловых и певчих птиц; **мераңковышта** Л, В, **моренкавшта** Г «очиток пурпуровый, или заячья капуста», **мераңлашка** Л «кисличка обыкновенная», букв. «заячьи клёцки», **мореншапшудо** Г «клевер заячий» — эти растения поедаются зайцами, но, кроме того, подчеркивается характер расположения листьев; **музымӧр** Л, **мызымӧр** Г, **мһзһмӧр** СЗ тонш. «костяника» (**музо,** Л, **мһзо** СЗ «рябчик», **мызы** Г «куропатка» и **мӧр** «ягода»), **мһзһшӹмäкш** СЗ **тонш,** «костяника» — ягоды костяники охотно поедаются рябчиками и тетеревами; **коракшоптыр** Л «воронец колосистый», букв. «воронья смородина» — черные ягоды растения поедаются птицами; **пырысшудо** Л «валериана лекарственная», букв. «кошачья трава», **пӹсий гӱл** В «герань», букв. «кошачий цветок» — кошки очень любят запах этих растений; **сӧснатуара** Л, **саснадара** Г «подорожник», «просвирник», букв. «свиной творожник» — эти растения являются хорошим кормом для свиней; **турняпӧчыж** Л, В, **тһрн'апӧцӧ** СЗ яр., **тһрн'äпӧцӹж** СЗ тонш. «клюква

болотная», букв. «журавлиная брусника», **тыртнявӧчыж** Г «голубика» — ягоды клюквы и голубики поедаются птицами; **урмӧрӧ** Л, В «майник двулистный», «морошка», букв. «беличья ягода» и др.

Выделение конструкций «зооним, орнитоним+фитоним» в отдельные подгруппы (11.4., 11.5., 11.6) носит в определенной степени условный характер. Эта модель широко представлена в лексике флоры марийского языка, но сопряжена с значительными трудностями для определения. Такая конструкция может выражать, во-первых, отношение сходства по различным признакам: морфологические особенности, цветовая окраска и т. д., ср. **казапылыш** «подорожник», **кергывуй** «клевер», **колянпызле** «пижма», букв. «мышиная рябина» и др. Во-вторых, эта схема используется для обозначения малоупотребительности и несъедобности отдельных видов растений и ягод, ср. **колявурса** Л., **калявырса** Г «мышиный горох», **чомашинчаланшудо** Л «конский щавель» и др. И, в-третьих, такие фитонимы могут базироваться на выражении отношения съедобности данного вида растений и ягод для животного, см. 11.6. Какой из трех вышеперечисленных семантических типов присутствует в каждом конкретном случае, определить трудно.

Идентичные семантические конструкции широко представлены в других языках, ср. морд. **каргын'кснав** «дикая вика», букв. «журавлиный горох» (Вильдяева 1980:123), к. **понгӧне** «вех ядовитый», букв. «собачий бутень» (Ракин 1977:17), удм. **пунысяртчы** «просвирник обыкновенный», букв. «собачья репа» (УРС 365), башк. **бүрэ элäге** «паслен» букв. «волчья ягода» (Дмитриева 1972:220), русск. **заячья капуста, гусиный лук** и др. Такие наименования появляются на основе соотнесения культурных растений к животным и птицам. Подобные номинации как бы указывают на «ненастоящий», дикорастущий характер растений (Меркулова 1967:110). Эта же тенденция проявляется и в флористической лексике коми языка (Ракин 1977:25—31).

12.0. Принцип номинации — суеверные представления людей. Значительное место во флористической терминологии марийского языка занимают названия, базирующиеся на мифологических представлениях людей. Данная семантическая группа марийских фитонимов представлена следующими номинативными единицами: **асршудо** Л, В «кровохлебка аптечная»

(**асра**< **асыра** «злой дух») — по поверью, кровохлебка обладает магической силой прогонять нечистых злых духов, и настой этой травы давали больным людям; **азырен тайа ванды** Г «чертополох поникающий», **шайтан шорвондо** В «тж», **шайтан шуарвондо** В кр. «татарник» — по народным рассказам, чертополох прогоняет колдунов и чертей, оберегает домашний скот, врачует болезни, поэтому этим растением окуривали хлева, вешали его в жилых помещениях; **öфишуды** Г «бутень красноватый», **сӹрт пеледыш** Г «фиалка трехцветная» (**öфи, сӹрт** Г «фея, лесная красавица (из легенды)» — по поверью, эти растения обладают магической силой превращения в красавицы и настой этих трав употребляли девушки, чтобы стать красивыми; **савырымшудо, савырымэ шудо** Л «любка двулистная», **сымастарыме шудо, сымыстарымшудо** Л «тж» (**савыраш, сымыстараш** «привораживать (пристрастить невольной любовью)», **шӧрымӧ шудо** Л «купальница европейская (*шӧраш* «отгораживать, отвергнуть») — по народному поверью, отвар этих растений принимается за любовный напиток, способный пробудить нежные чувства в сердце красавицы: **увершудо** Л, **вувершудо** Л «икотник сероватый«, букв. «ведьма-трава» — по народным рассказам, отвар икотника вызывает истерическое заболевание, выражающееся в судорожных припадках, во время которых больной кричит, бесится; **умалмышудо, малымышудо** Л «прострел весенний» (**умалаш, малаш** «спать») — название исходит от поверья, что животные и люди, полизав корень прострела, впадают в сон; кроме того, это растение обладает пророческою силою; если положить его на ночь под изголовье, то он покажет человеку его судьбу в сонных видениях; думают также, что всякий, заснувший на этой траве, приобретает способность предсказывать во сне будущее; **чизышудо** «вахта трехлистная» — настой этой травы давали замужней женщине, если у нее долгое время не наступала беременность, и после чего, по поверью, она забеременеет.

Названия растений, базирующиеся на мифологических представлениях людей, функционируют в фитонимической номенклатуре других языков, ср. морд. м. **вирь авань руця** «папоротник», букв. «лесной женщины платок» (Гребнева 1984:12), к. **пӧлудьсин** «василек», букв. «глаз духа пӧлудь», ср. **пӧлудь** «дух в образе женщины, живущей в несжатой полосе ржи» (Ракин

1977:36), тат. **шайтан таягы** «чертополох», букв. «чертова палка» (Ахметьянов 1978:150), чув. **вупар кураке** «чертополох», букв. «злой дух-трава» (ЧРС 85), русск. **чертополох, одолень** и др.

За пределами ботанической терминологии аналогичные номинативные единицы встречаются для обозначения птиц, ср. мар. **юмынкайык** «лебедь, дикий гусь» (**юмын** «божья»+**кайык** «птица»), **кайык овда, овда** «филин» (*овда* — мифическое существо женского пола) (Васильев 1982:104).

13.0. Принцип номинации — несколько признаков. В эту семантическую группу объединены фитонимы, в которых отражается не один, а несколько признаков. К таковым следует отнести: **вӱдкияр, вӱдкиярпеледыш** Л «кувшинка белая», букв. «вода-огурец-цветок» (место произрастания и форма листьев), **вӱдлопшудо** «мать-и-мачеха» (место произрастания — растение произрастает во влажных местах — и форма листьев), **изи нарынзы веледыш** Г «лютик едкий», букв. «маленький желтый цветок» (размер и цветовая окраска), **купмамык** Л «пушица влагалищная» (место произрастания и особенность соцветия), **ошмӱйшудо** «клевер белый» (цветовая окраска и вкусовое свойство), **пакчатар, пакчатарвуй** «мак» (место произрастания и внутреннее содержание плода); **салтакполдыш** Л, В «ромашка», «мордовник», «короставник», Г «цикорий», букв. «солдатская пуговица» (форма плода и цветовая окраска); **чевер няня** «клевер», букв. «красивый хлеб» (цветовая окраска и вкусовое свойство); **чумырка кандывуй** Л «колокольчик скученный», букв. «сверток — синяя голова». Как правило, данную семантическую группу представляют составные фитонимы.

14.0. Принцип номинации — другие специфические свойства реалии. В эту группу объединены фитонимы, имеющие свою индивидуальную мотивировку: **ватыгыне** Л, **вӓтыгӹне** Г «пролеска многолетняя», букв. «женская конопля» — название дано для обозначения женских цветков пролески; **йуршудо** СЗ «смола», букв. «дождь-трава» — смык зубчатки коробки — сигнал к дождю; **незершуды** Г «василек синий», букв. «бедная трава» — обилие василька среди озимых и яровых хлебов свидетельствует о бедной почве, о малоурожайности; **шӹдышуды** Г «недотрога» (**шӹды** «гнев,

злость») — при прикосновении плоды растения быстро растрескиваются и выбрасывают семена, как бы выражая «негодование, зло», **ис'ершудо** В кр. «дурман», букв. «глупая трава», **орадышудо** Л, **орадышуды** Г «белена» (**ораде** Л, **ороды** Г «дурак; глупый»), **осал шудо** Л «дурман», букв. «злая, вредная трава», **уш колтышо шудо** Л «дурман обыкновенный», букв. «одурманивающая трава» — сок, отвар и запах этих растений производят на человека одурманивающее действие, чем и обусловлено появление вышеперечисленных фитонимов и др.

Таковы основные принципы номинации флористической лексики марийского языка, конечно, не исчерпывающие всех тех признаков и возможностей, которые могут быть в основе номинации. Но в целом создается довольно сложная картина принципов номичыцяя травянистой и ягодной флоры марийского языка. Анализ принципов номинации флористической терминологии в количественном отношении можно проиллюстрировать таблицей.

№№ пп	Принцип номинации		Всего		в %
1	Морфологические признаки	колос, соцветие	95		
		стебель	36	190	34,52
		лист	37		
		количество, размер	22		
2	Цветовые признаки	белый	13		
		синий	10		
		желтый	15		
		красный	15	68	12,42
		черный	9		
		разный	6		
3	Место произрастания	водные	16		
		болотные	4		
		в сухих местах	16	36	6,5
4	Характер поверхности		23		4,2
5	Способность выделять сок		27		4,9
6	Способность издавать звук		11		2,2
7	Вкусовые свойства			84	15,5
8	Запах реалий		4		0,8
9	Время цветения, роста		11		2,2

10	Пригодность для человека		26	4,9
11	Лекарственные свойства		39	7,13
12	Суеверные представления людей		17	3,17
13	Несколько признаков		6	0,9
14	Прочие признаки		7	1,4
	Всего		555	100

Конечно, вышеприведенная таблица носит несколько условный характер. Определенно говорить о специфике принципов номинации в количественном аспекте пока еще трудно. Не до конца ясны принципы выборки и ограничений лексического материала. Довольно сложной является проблема вариантов с фонетической точки зрения. Определенные трудности возникают с заимствованными фитонимами и спорными этимологиями по соотнесению к тому или иному семантическому типу. Все эти вопросы являются весьма существенными в топологических исследованиях количественного характера. Поэтому, вероятно, исследователи принципов номинации лексики флоры и фауны редко прибегают к статистическому методу, в частности, работы по флористической лексике финно-угорских языков (Ракин 1977а; Сюрьялайнен 1982; Гребнева 1984) количественными оценками принципов номинации не располагают.

В лексике травянистой и ягодной флоры марийского языка с семантической точки зрения следует выделить две группы слов: с мотивировочными признаками и без них. Первую группу составляют сложные и составные описательные наименования, хронологически более поздние, имеющие прозрачную основу номинации и хорошо осмысливающиеся говорящими. Вторую группу составляют древние слова, общие для родственных языков, и заимствования. У слов этого типа связь между исходным значением и основой номинации утрачена. Поэтому в большинстве случаев нам остается только гадать, почему то или иное растение именуют именно так, а не иначе. Например: **модо** Л, **муды** Г, **мудо** СЗ «черника», **нуж** «крапива», **шымаш** «костяника», **ковак** «лопух», **кына** «бальзамин» и др.

Как и в других финно-угорских языках (мордовские, коми, финский), во флористической лексике марийского языка ведущее положение занимает номинация по признаку (цвет, форма, структура, вкус, запах и т. д.) — около 85%. На основе обобщения мотивировочных

признаков, связанных с использованием реалий в быту, в народной медицине сформировался принцип номинации по функции (назначению, использованию, роли) — около 12%. Прагматический фактор зависит от того, насколько человек их познает. В большинстве случаев фитонимы этого типа не обладают сами по себе яркими признаками и обязаны своим выделением лишь потому, что нашли определенное применение у людей. Исключение составляют лишь названия, базирующиеся на мифологических представлениях людей — около 3%. Как правило, вышеперечисленные признаки представлены взаимосвязанно, тесно переплетаясь между собой. Одно и то же растение обладает целым набором признаков и свойств, поэтому им, в зависимости от обстоятельств, присваивались различные имена, например, в названии подорожника отмечается 22 варианта (Ефремов 1987: 77).

По способу номинации марийские фитонимы представлены двумя разрядами названий: номинативные единицы, мотивировочный признак которых выражен непосредственно, и образные выражения, мотивировочный признак которых обозначен ассоциативно, посредством уже другого существующего слова или новообразования, т. е. способ номинации может быть прямым и опосредованным.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Философские тетради. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 29.— М., 1963.

Ахметьянов Р. Г. 1978. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика).— М.: Наука.— 248 с.

Блинова О. И. 1984. Явление мотивации слов. Томск: Изд-во Томского ун-та.— 191 с.

Бурганова Н. Б. 1976. О татарских народных названиях растений // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка.— Казань.— С. 125—142.

Васильев В. Н. 1982. Названия птиц в марийском языке // СФУ — т. 18, вып. 2.— С. 101—104.

Васильев В. Н. 1983. К этимологии некоторых марийских орнитонимов // Вопросы марийской ономастики. Вып. 4 — Йошкар-Ола.— С. 32—55.

Васильев В. Н. 1984. Марийская орнитонимия. Автореф. дис... канд. филол. наук.— Тарту.— 16 с.

Вильдяева А. М. 1980. Словообразовательная структура флористических названий мордовских языков // Финно-угристика. Вып. 3.— Саранск.— С. 117—127.

Гинатуллин М. М. 1973, К исследованию мотивации лексических единиц (на материале наименований птиц): Автореф. дис... канд. филол. наук.— Алма-Ата.— 20 с.

Голев Н. Д. 1981, О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны //Русские говоры в Сибири.— Томск.— С. 12—20.

Гордеев Ф. И. 1963, Этимологический словарь марийского языка. т. II: В—Д.— Йошкар-Ола.— 287 с.

Гребнева А. М. 1984, Флористическая лексика мордовских языков. Автореф. дис.... канд. филол. наук.— Тарту.— 17 с.

Дмитриева Л. В., 1972, Названия растений в тюркских и других алтайских языках //Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков.— Ленинград.— С. 151—224.

Ефремов А. С. 1987, Варианты названий растений в диалектах марийского языка //Материалы и исследования по марийской диалектологии.— Йошкар-Ола.— С. 68—86.

Куклин А. Н. 1980, К этимологии некоторых диалектных слов |Вопросы марийского языка.— Йошкар-Ола.— С. 177—182.

ЛР — *Подымов А. И., Суслов Ю. Д.* Лекарственные растения Марийской АССР.— Йошкар-Ола, 1975.— 174 с.

Меркулова В. А. 1967, Очерки по русской народной номенклатуре растений: (Травы. Грибы. Ягоды).— Москва: Наука.— 258 с.

ОР — Определитель растений средней полосы европейской части СССР.— М., 1963.— 640 с.

Ракин А. Н. 1977, Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология.— Сыктывкар.— 58 с.

Ракин А. Н. 1977а, Лексика флоры коми языка: Дис... канд. филол. наук.— Сыктывкар — 268 с.

Ракин А. Н. 1979, Флористическая терминология коми языка //Вопросы лексикологии коми языка. вып. 22.— Сыктывкар.— С. 129—164.

Ракин А. Н. 1983, Миконимическая лексика пермских языков // СФУ.— т. 19, вып. 4.— С. 272—279.

Серебренников Б. А. 1977, Номинация и проблемы выбора //Языковая номинация: Общие вопросы.— М.: Наука.— С. 147—188.

Сюрьялайнен Ю. Э. 1981, Варианты названий растений в финских говорах Ленинградской области //Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 6.— Ленинград.— С. 32—39.

Сюрьялайнен Ю. Э. 1982, Названия растений в финских говорах Ленинградской области: Автореф. дис... канд. филол. наук.— Тарту.— 19 с.

УРС — Удмуртско-русский словарь. Около 35000 сл./А. С. Белов, В. М. Вахрушев и др.; Под ред. В. М. Вахрушева.— М.: Русский язык, 1983 — 592 с.

Хаггенберг А. Р. 1972, Названия животных в коми языке (сравнительно-исторический анализ).— Таллинн.— 238 с.

ЭРС — *Тамм Й. А.* Эстонско-русский словарь. Изд. 5-е.— Таллинн, 1981—760 с.

В. Н. Васильев

МАРИЙСКО-УДМУРТСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ОРНИТОНИМИИ

Орнитонимическая лексика марийского и удмуртского языков складывалась как система в течение многих веков. В ней отражается история данных народов, обнаруживаются связи с другими языками. К тому же орнитофауна местности столетиями оставалась почти стабильной в видовом отношении, претерпела лишь незначительные изменения. А мы знаем, что одним из основных занятий наших предков была охота. Они постоянно соприкасались с природой, хорошо знали не только внешний вид птиц, но и их повадки, характерные черты, что отражали в названиях. Поэтому эта тематическая группа слов может сохранить древнейшие лексические элементы, которые могут дать ценные сведения о развитии лексики как отдельного, так и группы языков, отражает интенсивность и длительность связей с разноязычными народами.

При изучении орнитонимической лексики марийского языка отмечается значительное количество соответствий в марийском и удмуртском языках, это касается как финно-угорских лексем, так и заимствований. Дополнительно к этому в этих языках имеются слова, характерные только для марийского и удмуртского языков. В данной статье на конкретных примерах рассматриваются эти соответствия.

Марийский и удмуртский языки возникли из единого древнего финно-угорского языка-основы. Поэтому в этих языках имеются орнитонимы, унаследованные с праязыка, которые являются общими не только для этих двух, но и для многих родственных языков. К ним относятся: 1. мар. *вараш* — удм. *варыш* «ястреб»; 2. мар. *йӱксӧ* — удм. *юсь* «лебедь»; 3. элемент — *шуэ* в орнитонимах *шуркашуэ, олашуэлудо* «кряква, вид дикой утки» — удм. *силы* «кряква»; 4. мар. *пучыре, пӱчӱрык, путуртык* — удм. *пӧськы* «стриж»; 5. мар. *курныж* «коршун» — удм.

кырныж «ворон»; 6. мар. *кӱдыр* — удм. *тур* «тетерев»; 7. мар. *карш* — удм. *куажы* «коростель»; 8. мар. *керге* — удм. *кыр* «черный дятел, дергач»; 9. мар. *косо* «гоголь» — удм. *косыт* «бледный», ср. коми *косысь* «серая утка»; 10. мар. *куку* — удм. *кикы, кики, кукы* «кукушка»; 11. мар. *куткыж, кучкыж* «орёл» — удм. *кутш* «птица, похожая на орла, но меньшая размером»; 12. мар. *чезек* Л., *цыгак* Г. «ласточка» — удм. *чечек* «трясогузка»; 13. мар. *шиште* «дятел» — удм. *сизь* «пёстрый дятел». Здесь всего отмечено 13 лексических соответствий. Среди них имеются звукоподражательные названия, такие как мар. *пучыре* и удм. *пӧськы* «стриж», мар. *куку* и удм. *кикы, кукы* «кукушка» (названия кукушки во многих языках являются звукоподражательными и своей фонетической оформленностью друг от друга отличаются лишь гласными); мар. *карш* и удм. *куажы* «коростель», которые в разных родственных языках могли возникнуть самостоятельно, то установить это в настоящее время весьма трудно. Поэтому они включены в общий лексический фонд родственных языков.

В эту же группу могут быть включены также орнитонимы мар. *лудо* «утка» и удм. *луд* «поле, дикий». Казалось бы, что семантически эти два слова не связаны или, как отмечает Р. А. Будагов, «сформировавшись из единого источника, слова родственных языков впоследствии начинают функционировать в каждом из них настолько своеобразно, что не позволяют говорить о семантическом единстве лексем, с генетической точки зрения, казалось бы, совершенно однородных» (Будагов 1971:110). Сравнительно-исторический анализ семантики данных слов дает возможность говорить об их генети ческом родстве. Мар. *лудо* имеет параллели во многих родственных языках: финском, эстонском, хантыйском, мансийском, венгерском. В удмуртском же языке такая параллель до сих пор не отмечалась, говорилось лишь о мар. Г. *луды* и удм. *луд* «серый», считалось, что удм. *луд* «серый» марийское заимствование (Тараканов 1982: 172). В марийском языке значение *лудо* «серый» является вторичным от *лудо* «утка», развитие значения шло от крнкретного к абстрактному, а не наоборот, это подтверждают и сами носители языка. В КЭСК удм. *луд* «поле, дикий» сравнивается с мар. диал. *ландака* «низкий» (КЭСК:1970:163), в данном случае не только фонетическое, а также семантическое расхождение этих слов

опровергают возможность такого сопоставления. По нашему мнению, мар. *лудо* «утка» сопоставимо с удм. *луд* «поле, дикий». Судьба этого слова в родственных языках разнообразна: в одних языках оно стало обозначать вообще птиц (фин., эст.), произошло расширение значения слова, в других же языках, как и в марийском, отдельных особей (хант., манс., венг.). Поэтому надо думать, что лексема *лудо* в некоторых финно-угорских языках употреблялась для обозначения более крупных, пригодных для пищи, птиц т. е. дичи, потому что в хантыйском, мансийском, венгерском языках обозначает гуся, а в марийском языке — утку. Только по этой причине стало возможным такое расхождение в значениях. Возможность такого сопоставления подтверждают и данные марийского языка. В добулгарское время в марийском языке не было слова, обозначающего обобщенно дикий животный мир. В этом значении стало употребляться булгарское заимствование *кайык,* ср. *кайыкланаш* «одичать», *чодыра кайык* «лесная дичь», *пасу кайык* «полевая дичь», *кайык лудо* «дикая утка» и т. д. Слово *кайык* было заимствовано и удмуртским языком: *койик* «дичь» (Галкин 1986:48),— *кай: кыйкай* «дичь» (Тараканов 1982: 154), но оно не стало общеупотребительным, сохранилось как элемент сложного наименования. В этом значении наиболее употребительным стало собственное слово *луд.* В марийском языке слово *кайык* тоже изменило первоначальное значение (в современном марийском языке *кайык* «птица»), а освободившееся лексическое гнездо заняло слово *ир* «дикий», также заимствованное с булгарских источников: ср. чув. *хир* «дикий». О возможности такого сопоставления говорят и названия Млечного пути в марийском и удмуртском языках: мар. *Кайык комбо корно* — удм. *Луд зазег сюрес,* в обоих случаях «дорога диких гусей».

Фонетическая оформленность слов подчеркивает возможность такого сопоставления. В удмуртском языке конечный безударный гласный отпал, образовалось односложное слово, а «по наличию односложных слов финно-угорского происхождения первое место занимает венгерский и пермские языки, за ними идут марийский и обско-угорские языки» (ОФУЯ, 202).

В марийском и удмуртском языках имеются названия птиц, которые созданы по единому образцу, при номинации в основу положен один и тот же признак:

мар. *вӱдчыве* «камышница» (*вӱд* «вода»+*чыве* «курица») — удм. *вукурег* «лысуха» (*ву* «вода»+*курег* «курица»); мар. *вӱдӱшкыж* «большая выпь» (*вӱд* вода»+*ӱшкыж* «бык») — удм. *вуош* «выпь» (*ву* «вода»+*ош* «бык»); мар. *подлогар* «цапля» (*под* «котёл»+*логар* «шея») — удм. *лёгчырты* диал. «цапля» (*лёг* «бугристая»+*чырты* «шея»); мар. *куптага* «бекас» (*куп* «болото»+*тага* «баран») — удм. *нюртака* «бекас, выпь» (*нюр* «болото»+*така* «баран»). Эти данные подтверждают то, что марийский язык длительное время развивался в непосредственном соседстве с родственным удмуртским языком, взаимодействуя друг с другом. Начало этих связей относится к последним векам до нашей эры, на что указывают и археологические изыскания (Тараканов 1982:169, Архипов 1982:69).

Другая группа орнитонимов имеет параллели только в марийском и удмуртском языках. К ним, в первую очередь, следует отнести лексемы мар. *кӱседык, ӱэдык,* диалектные варианты . *кӱса-кӱса, кӱсела* «чибис» и удм. *сэдык, кӱсэйдык* «чибис». Некоторые исследователи в этом марийском орнитониме усматривают удмуртское заимствование (Берецки 1977, Тараканов 1982). Но наличие в марийском языке вариантов *кӱса-кӱса* и *кӱсела,* а также *ӱэдык* говорят о звукоподражательном характере этого слова в марийском языке. Образование *кӱседык* от *кӱса* на материале марийского языка объясняется довольно легко: *-ед* — суффикс многократности, *-ык* — суффикс, образующий именные части речи. В удмуртском *кӱсейдык* посредством марийского языка можно объяснить и появление *й,* которого нет в самом марийском языке. Орнитонимы *музо, сузо* в восточном наречии марийского языка имеют формы *муйзо, суйзо,* они сохранили наиболее древние формы этих слов. Следовательно, и удмуртское *кӱсейдык* древнее марийское заимствование, удмуртский язык сохранил одну из форм этого слова.

Орнитоним мар. *шаленге* «канюк» — удм. *шаланги* «коршун», кроме этих двух родственных языков встречается в неродственном чувашском языке, ср. чув. *шаланка* «сарыч, канюк, диал. коршун». М. Д. Федотов считает, что в чувашском языке оно заимствовано из марийского языка (Федотов 1968:208). Финно-угорское происхождение данной лексемы подтверждают материалы И. С. Галкина. Он выделяет мертвый суффикс *-нге*

(первоначально было только *-ге*), который, по его мнению, является финно-угорским (Галкин 1966:23). Поэтому этот орнитоним включен в разряд марийско-удмуртских лексических параллелей.

Следующее слово из этой группы мар. *немыч чыве* «индюк» и удм. *немыч* «индюк». Они содержат один и тот же элемент немыч. Лексемы (в марийском и удмуртском языках) являются прямой калькой с русского названия немецкая курица.

В марийском и удмуртском языках было отмечено 21 соответствие. Здесь обращает внимание на себя тот факт, что в этих названиях наблюдается лишь незначительный семантический сдвиг, если не считать мар. *лудо* «утка» — удм. *луд* «дикий, поле», мар. *косо* «гоголь» — удм. *косыт* «бледный». Это говорит о том, что в развитии орнитонимической лексики два языка шли в одном направлении.

Марийский и удмуртский народы с давних времен обитали и продолжают обитать в непосредственном соседстве с другими народами Среднего Поволжья — чувашами, казанскими татарами, башкирами, русскими. Между ними были, а в настоящее время становятся еще более крепкими торгово-экономические, культурные, политические и иные связи. Активные процессы такого взаимодействия и сотрудничества, которые продолжаются в течение многих веков, отразились в многочисленных заимствованиях и проникновениях как в марийском, так и в удмуртском языках. Они пронизывают многие тематические группы лексики, отражают разнообразные стороны жизни и деятельности человека. Не исключение в этом отношении и орнитонимическая лексика. Наблюдается несколько групп таких заимствований, имеющих параллели в марийском и удмуртском языках.

Это, в первую очередь, слова, имеющие тюркское происхождение. По времени проникновения они относятся к различным историческим эпохам. Наиболее древним считается булгарский пласт, имеющий в настоящее время параллели в чувашском языке. Но их нельзя называть чувашизмами, потому что «после складывания чувашской народности и нации удмурты с последними никогда не соприкасались и не имели непосредственных торгово-экономических связей» (Тараканов 1982:151). По этой причине и марийские орнитонимы, находящие

свои соответствия в удмуртском языке, относятся в разряд булгаризмов. К ним можно причислить следующие названия птиц: мар. *чаҥа* — удм. *чана* «галка», чув. *чана* «галка»; мар. *чарланге* «цапля» — удм. *чарлан* «чайка», чув. *чарлан, чарлак* «цапля, чайка»; мар. *чыве* «курица» — удм. *чипы* «цыпленок», чув. *чепе* «цыпленок, птенец»; мар. *кайык* «птица» — удм. элемент *-кай* в лексемах *кыйкай* «дичь» и *латинкай* «сокол, ястреб», чув. *кайык* «дикий». Мар. *ӱнгӧ* и удм. *ыгы* «филин» многие считают булгарским заимствованием. В таком случае они могли бы быть сопоставимы. Но изыскания последних лет говорят о том, что мар. *ӱнгӧ* имеет параллель в финском языке, ср. фин. *ynkyä* «издавать неясный звук» и относится к лексике финно-волжского периода (Галкин 1986:31). Поэтому можно отметить лишь 4 соответствия. Они возникли в период существования в пределах Булгарского государства, что относится к VII—VIII векам нашей эры. Орнитонимическая лексика к тому времени в этих двух языках не успела оформиться как система, шло пополнение названий за счет заимствований.

После падения Волжского булгарского государства и установления Казанского ханства начинается период татарских заимствований, что также оставило свои следы в названиях птиц. Татарские заимствования можно разделить на две подгруппы: раннетатарские и позднетатарские.

В орнитонимической лексике можно говорить лишь о двух раннетатарских элементах, которые участвуют в образовании названий. Мар. *кож* в названии *кожкугулудо* «сероха» имеет значение «пара, парный», такое же слово находим и в удмуртском языке, ср. удм. *куз* «пара, парный», которое считается гуннским проникновением (Тараканов 1982:148). А марийцы с гуннами не вступали в контакт и не заимствовали слова (Галкин 1986:46), поэтому эти лексемы можно назвать раннетатарскими заимствованиями.

И в марийском и в удмуртском языках имеется элемент *-куш (-гуш)*, заимствованный также из древнетатарского языка: мар. *коллегуш* «чапура, красный коршун», в котором вычленяется элемент *-гуш*. В удмуртском *пиёкуш* «сарыч, канюк ястребиный» также можно выделить элемент *-куш: пиёк* «звукоподражание крику

сарыча» и одно из названий этой птицы (УРС 1983:341). Заимствовано слово в тот период, когда еще не произошло перехода *у* в *о:* ср. тат. *кош* «птица».

К позднетатарским относятся: мар. *кӱрка* — удм. *курка* «индюк», тат. *кӱркә* «индюк»; мар. *лачын* в орнитониме *лачын вараш* «сокол» — удм. *латинкай* «сокол, ястреб», тат. *лачын* «коршун»; мар. *шырчык* — удм. *шырчик* «скворец», тат. *сыерчык* «скворец»; мар. диал. *торгай* — удм. *турагай* «жаворонок», тат. *тургай* «жаворонок»; мар. *чоракай* — удм. *чурегей* «чирок», тат. *чурэкэй* «чирок». Начало татарских заимствований относится к XIII веку, а в XV века наблюдается усиление татарского влияния.

В последнее время на марийский и удмуртский языки значительное влияние оказывает русский язык. В этом большую роль играет марийско-русский и удмуртско-русский билингвизм. Отмечаются следующие параллели в названиях птиц: орел, чайка, чомга, не говоря о названиях тех птих, которые у нас не обитают (фламинго, колибри и т. д.).

Исходя из вышеизложенного, марийско-удмуртские лексические параллели в орнитонимии можно разделить на три большие группы: 1) лексические соответствия, имеющие финно-угорское происхождение; 2) параллели в названиях птиц, характерные только для этих двух языков; 3) параллели в заимствованиях, которые можно разделить на несколько подгрупп: имеющие булгарское происхождение, параллели в татарских заимствованиях (раннетатарские и позднетатарские), также встречаются и одинаковые русские лексические единицы.

Из сказанного следует, что марийский и удмуртский языки в становлении орнитонимической лексики шли сходным путем, заимствовали из соседних языков значительное количество одинаковых названий. С учетом заимствований можно отметить около 32 параллелей в орнитонимии. Причем эти параллели, как уже было сказано, во многих случаях семантически совпадают или имеют незначительные расхождения. Данный материал подтверждает изыскания археологов и топонимистов о том, что между марийцами и удмуртами в добулгарское и в булгарское времена были достаточно тесные связи. Это оставило свои следы и в становлении орнитонимической лексики.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г. А. 1982, Марийско-удмуртские этнокультурные связи (к вопросу об азелинском компоненте в марийском и удмуртском этносе) //Материалы по этногенезу удмуртов.— Ижевск.

Будагов Р. А. 1971, Язык, история и современность.— Москва.

Берецки Г. 1977, Пермско-марийские лексические связи (на венг. яз.) //Nyk — 79/1—2 — Будапешт.

Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. II.— Йошкар-Ола.

Галкин И. С. 1986, Марий исторический лексикологий.— Йошкар-Ола.

КЭСК — *Лыткин В. И., Гуляев Е. И.* Краткий этимологический словарь коми языка.— М., 1970.

ОФУЯ — Основы финно-угорского языкознания: Вопросы возникновения и развития финно-угорских языков.— М., 1974.

Тараканов И. В. 1982, Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка //Материалы по этногенезу удмуртов.— Ижевск.

Федотов М. Р. 1968, Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Ч. II.— Чебоксары.

УРС — Удмуртско-русский словарь.— М.: Русский язык, 1983.

С. С. Сибатрова

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Этимологии большинства послелогов и послеложных основ известны. Они представлены разрозненно в многочисленных работах как отечественных (марийских), так и зарубежных лингвистов. В настоящей статье предлагаются новые объяснения генезиса некоторых послелогов и послеложных основ, ранее уже подвергнутых этимологическому описанию.

СЗ *ан'еш* «позади чего-л., за чем-л.», *ан'ышкы* «за что-л., на другую сторону чего-л.», *ан'ышты* «на другой стороне чего-л., за чем-л.» Имеют общее происхождение с наречиями: *оньыш лийдымаш* Л «несбыточный, неосуществимый, невероятный», букв. «впредь небывалый», *мӧнгеш-оньыш* Л, В, *мӹнгеш-анеш* Г, *мӧнкеш-ан'еш* СЗ «туда-сюда, взад-вперед». Б. Коллиндер (1977:89), вслед за ним Ф. И. Гордеев (1979:115) рассматривают наречие *анеш, оньыш* как производное от реликтового финно-угорского вокалического **а—о**-ового указательного местоимения, ср. венг. *az*, мордЭ *омбо*, удм. *отын*. Однако, как справедливо отмечает Ф. И. Гордеев, в данном случае совершенно неясной остается функция элемента *нь-*. На наш взгляд, *ань, онь-* восходит к чув. *ум, ом, ун* «перед, передняя часть чего-л.» (Ашмарин III:233, 243) < др. тюрк. *он* «перед, восток» (Егоров 1964:274). Во многих примерах чувашскому **о** в марийских диалектах соответствует **а—о** (Грузов 1964:104). Смягчение **н** в *анеш* произошло под влиянием последующего переднерядного гласного. Послелоги *ан'ышкы, ан'ышты* появились под уподобляющим влиянием других серийных послелогов.

Вошт Л, В, *вашт* Г, СЗ «через, сквозь что-л.» Ф. И. Гордеев (1983:75) считает образованным его «с помощью наречного суффикса **-т** от *ваш* «друг друга, друг с другом». Как видно, сопоставляемые лексемы имеют довольно большие семантические расхождения. Предлагается рассматривать *вошт* производным при посредст-

ве прафинно-угорского локативного *-t (ср. *кызыт* «сейчас» — ОФУЯ 251) от некогда именного корня *ваш-*. Этимологическим соответствием последнего является морд. *пачк* «пополам; насквозь; через, сквозь» (Мокш. РС 202), сопоставляемый с фин. *pahki*, который обнаруживает параллели вплоть до самодийских языков (SKES 456). Озвончение начального **р** могло произойти вследствие постоянной постпозиции, когда управляемое слово имело в конце открытый слог. Соответствие мар. **ш** — фин. *hk* встречается и в других примерах: мар. *тош* «обух» — фин. *tahko*, эст. *tank* (Грузов 1969: 104).

Гай, гае Л, *ганьэ* Лв, *гань, кань, ганьэ, каньэ, гäньэ, käньэ* В, *гань* Г, *ган'(ы), ган'ыкы* СЗ «вроде кого-чего-л., подобно кому-чему-л., как, словно». Г. И. Лаврентьев (1966:331, 1968:113) считает его татарским заимствованием: *гуя, гуяки* «как будто». Г. Берецки (1971:68) проводит параллель с удм. *kad'*, *kaj-ik* «как, вроде, наподобие». Ф. И. Гордеев (1983:222—223), отклоняя возможность татарского источника и указывая на фонетические затруднения для сравнения с общепермским **кодь*, допускает позднесарматское наследие в марийском и пермских языках. И. С. Галкин (1986:77) выделяет в *гай, гане* инструктивный суффикс *-ин*. Мы считаем родственным с мар. *гай* морд. *кой* «обычай, привычка, традиция», который рассматривается в одном ряду с фин. *kuje* «шалость, проказа, проделка, выходка», эст. *kuju* «образ, форма, фигура, бюст, вид», манс. (послелогом) *kitl, kaitl* «подобно» (SKES 232). В SKES в данной словарной статье указывается мар. *койыш* «нрав, характер; манера, выходка; обычай», являющийся фактически, как отмечает и Ю. Мягистэ (EEW 1023), производным от глагола *кояш* «показаться, показываться». Исходя из преимущественной определительной роли таких послеложных конструкций, рассматриваем *гай, ганьэ* сложившимся при посредстве необязательного в данном случае финно-угорского деминутивного суффикса *-н'э* (орф. **-не**), ср. мар. *лепене* В «бабочка», *шаргеньы* Г «гнида», фин. *pähkinä* «орех» (Галкин 1966:16), от ранее бытовавшего в марийском языке существительного *кай* «форма; подобие», ср. эквивалентную уменьшительную форму мордЭ *kojńe* (Paasonen 1953:80). Звукосоответствие ф.-уг.* *и* мар. **о, а** допустимо: фин. *kuu* — мар. *коя, кайа* «жир, сало» (Грузов 1969:100).

Гоч, коч Л, *коц* Лй.-ол., Лв.сидел., *гач* Г, *гац* СЗ «через кого-что-л.» К. Редеи (1962:151) находит генетическую связь *гоч* с коми *kettseb* «поперек, через». Этого же мнения придерживается Г. Берецки (1971:69). Ф. И. Гордеев (1983:239) относит *гоч* к финно-угорскому лексическому слою при фин. *keski-* «средний, центральный», рассматриваемом в SKES (с. 186) в одном ряду с коми *kos, kost* «промежуток, расстояние; время», удм. *kusip, kuspin* «тж», венг. *küszöb* «порог» (ср. КЭСК 134, Гордеев 1983:239). Как отмечает Е. И. Коведяева (1978:102), *гоч* «представляет собой некогда существовавшее знаменательное слово-имя в аблативной форме». Это подтверждается и способностью послелога изредка присоединять к себе морфему **-ын,** как правило, сопровождающую форму аблатива: *Затор гочын пеш мастарын лекте* (Евсеева 1968:21) «Он перешел через затор очень легко», ср. *гыч — гычын* «из, от, с», *деч — дечын* «от». Историю послелога *гоч* можно представить в следующем виде: *гоч* < *? кас* «промежуток; середина» (имя, которое в современном языке отсутствует), ср. фин. *keski* + -ч(< -т). Его семантика вначале была: *чодыра гоч каяш* «идти по промежутку леса» > «идти через лес», ср. пролативное значение аблатива: *лум ӱмбач каяш* «идти по поверхности снега»>«идти по снегу».

Гыч, гычын Л, В, *гыц* Лй.-ол., Лв. сидел., *гӹц, гӹцӹн* Г, СЗ «из, с, от кого-чего-л.». Г. И. Лаврентьев (1972:35) утверждает, что он возник из аблативной формы финно-угорского местоимения *ку-*, не учитывая, однако, их семантической отдаленности. Ф. И. Гордеев (1968:129, 1983:250) сопоставляет его с мордЭ *кецте* < *кец+те*, допуская их позднесарматское наследие: сармат **häcä* «от, из». Ввиду того, что нельзя оспаривать наличие в послелоге аблативного *-ч* (Коведяева 1978:104, Галкин 1980:27), невозможно присоединиться и к мнению Ф. И. Гордеева. И. С. Галкин предполагает развитие *гыч* от именного корня *кы-*, обозначавшего нутро предмета, «вроде *кӧргӧ* «нутро», если не является первым слогом последнего». Принимая во внимание зарегистрированные В. М. Васильевым существительные *кир* Г, *кар, кӧргӧ* «внутренность» (ММ 67), данную версию можно объяснить следующим образом: *кир/кар+-ч* > *кирч/карч* > *кич/кач* > *гӹц/гыч*, ср. *деч* «от» < *дерч*. Имя *кӧргӧ*, следовательно, и его сокращенные варианты *кир, кар* имеют финно-угорское происхож-

дение (ф. -уг. **kirkз* или **kürkз* — ОФУЯ 420).

Даңыт, таңыт Л, В, *дәнкыц* Глб, *тәнгынь, дәнгынь* Г, *тәңүт* СЗ «по что-л., до, вплоть до чего-л.», Г. И. Лаврентьев (1966:331, 1968:113), Г. М. Тужаров (1966:342), Ф. И. Гордеев (1983:254) считают их образованными с помощью падежных суффиксов от имени *таң* Л, *тән* СЗ, *тәнг* Г «друг, приятель» < чув. *тан* «равный, одинаковый» (Федотов 1965:125). Основываясь, с одной стороны, на определенные трудности в объяснении («терминативного» — Гордеев 1983:255, «локативного» — Галкин 1986:77) характера элемента *-т* в *таңыт* и, с другой стороны, на наличие в татарском языке тождественного послелога *тинентен* «вровень с, по, до»: *кукрэк тинентен* «по грудь» (ТРС 543), *тиненте* (ТСТЯ 110) «тж», рассматриваем указанные послелоги как татарские проникновения.

Гутлаште Л, В, *кытлашты* Г, *ғытлашты* СЗ «около, у кого-чего-л., во время чего-о.», *кытлашкы* Г, *ғытлашкы* СЗ «около кого-чего-л., к кому-чему-л.», *кытлан* Г, *ғытлан* СЗ «около кого-чего-л.», во время чего-л.», *кытлаэш* Г «около, у кого-чего-л.» Г. М. Тужаров (1966:327) считает указанные в северо-западном наречии послелоги вариантами временного послелога *годым* «во время чего-л.» с общей основой *год* «время». В. И. Лыткин и Е. И. Гуляев сопоставляют *кутла* с удм. *котыр* «около, вокруг; окрестность» (КЭСК 136). *Кутла* «окрестность, местность» представляет заимствование из чувашского языка: *хутлах* «местность, место, пространство, площадь; промежуток, расстояние; промежуток времени и др.» (ЧРС 569), ср. чув. *хол, хул* «слой, ряд; сторона; раз» в ряду других тюркских параллелей (Räsänen 1969:24).

Марте, мартен, марке, маркен, мартек, мартке Л, В, *маткэ* Лв «по что-л., вплоть до чего-л.». И. С. Галкин (1964:46, 38) расчленяет *марте/мартек, мартеке* на следующие компоненты: корень *мар-* (ср. морд. *мар.* «куча земли, холмик») + древнемарийский локативный или пролативный *-т/-те* + древнелативный *-к/-ке*. Составители SKES (с. 334) морд. *мар.* рассматривают рядом с фин. *marasto* «довольно высокий, заросший березой хребет, горная гряда, холмистое место». Приводятся также хантыйские соответствия. Небезынтересно наличие в татарском языке равнозначного существительного (правда, устаревшего) *мар* «курган»: *таш мар* «каменный

курган» (ТРС 362), ср. *мар.* «холмь» и в некоторых других тюркских наречиях (Радлов IV:2025). Вполне возможно, что морд. *мар* и мар. *мар-* соотносятся с тюркскими лексемами. В пользу данного положения говорит и распространенность описываемых послелогов только в луговом и восточном диалектах.

В *таҥгалне, тäҥгäлӹште* «около (на)против кого-чего-л. (где?)», *таҥгалке, таҥгалышке* «около (на)против кого-чего-л. (куда?)», *тäҥгäлеш* «около, (на)против кого-чего-л.», *таҥгалч(ын)* «от кого-чего-л.» Имя-наречие *таҥгал,* лежащее в основе перечисленных послелогов, является татарским заимствованием, ср. тат. *тэнгал* «прямо, напротив: бок, сторона, окрестность, округа и др.» и производные послелоги *тэнгэле, тэнгэлендэ, тэнгэленэ* (ТСТЯ 111:239), семантически одинаковые с марийскими. Соответствия татарскому имени имеются и в других тюркских языках (OTW 138).

Тāтӹштӹ СЗ «во время, в момент, за время чего-л.». Г. М. Тужаров (1966:343) предполагает образование его «на марийской почве путем контаминации древнемарийских местоимений»: *тä* «этот»+*тӹштӹ* «здесь». Послелог *тätӹштӹ* представляет собой локативную форму имевшего место в северо-западном наречии имени *тāт* «промежуток времени, момент» (Галкин 1986: 87), ср. *тат* Л »момент». Последнее заимствовано из чувашского языка: чув. *татăк* «обрезок, обрывок; кусок, обрубок; отрезок, промежуток (времени) и др.» (ЧРС 448), *тата* (Ашмарин XIII:236) обнаруживает параллели в других тюркских языках (Егоров 1964:233).

Торышто В «про кого-что-л., о, об ком-чем-л». Основа заимствована из татарского языка, ср. тат. *турында* «о, обо, про»: *без эш турында сэйлэштек* «мы говорим о работе» (ТРС 558).

Ӱмбак(е) Л, *ӱвäкэ, ӱмбäк(э), ӱмбäлкэ* В, *вӊлвäлк(ӹ)* СЗ «на кого-что-л., над кем-чем-л. (куда?),», *ӱмбалан* Л, *ӱмбäлäн* В, *вӊлвäлäн* СЗ «на кого-что-л., на ком-чем-л., над кем-чем-л.», *ӱмбалне* Л, *ӱмбалнэ, ӱвäлнэ* В, *вӊлвäлнӹ* СЗ «на ком-чем-л., над кем-чем-л.», *ӱмбач(ын)* Л, *ӱмбäч(ӹн)* В, *вӊлвäлц(ӹн)* СЗ «с кого-чего-л., над кем-чем-л., по чему-л., поверх чего-л». Ю. Вихман (1923:44, 1924:44) сопоставляет *-вäл: вӹл-вäл* с фин. *pääli-* и венг. *fel*, рассматривая их на одном уровне с послелогами *валны, вакы, валан, вачын,* восходящими к основе *вал-, вӹл-, вӊл-* «верх, поверх-

ность». В известной степени его точки зрения придерживаются составители SKES (с. 690), КЭСК (с. 49). Ф. И. Гордеев (1983:31) считает *вал: вӧлвал, ӱмбал* иранского происхождения в восточнофинно-угорских языках. Наиболее близок к истине А. Алхониеми (1964:84), когда связывает *вал* в *тӱжвал, вӧл-вӓл, лӧ-вӓл* со значением «сторона». К. Е. Майтинская (1964:67, 68, 72, 81), выделяет в соответствующих основе *ӱмбал* местоименных словах *тумбал, умбал, тембал* корень *вал* «сторона, половина».

П. Равила (1937:35) предполагает слово *ӱмбал*, равно как и *тембал, тумбал, умбал*, образованным при помощи финно-угорского компаративного суффикса *-мпа* и деноминального *-л* от местоименной основы. Его взгляд нашел поддержку в ряде исследований (Bereczki 1971: 79, ОФУЯ 180). Ф. И. Гордеев (1983:31) представляет *ӱмбал* как «сращение *ӱ* — дейктической частицы, указывающей на близкий предмет...+*м* «?»+*вал*». В. В. Кузнецов (1984:52) считает *ӱмбал* также сложным: *ӱм* < *ӱл* «верх», ср. фин. *ylä-*, эст. *ülä-*, +*вал* «поверхность».

Как видно, в предшествующих работах лексемы *ӱмбал* и *вӈлвал* не рассматриваются на одном генетическом уровне, хотя, безусловно, они являются близкородственными. Они сложились из двух одних и тех же корней: *ӱм-* ∞ *вӈл—/вӧл-* «верх, верхний» (< ур. **wülä* ОФУЯ 407) +*-бал — -вал* «сторона» (< ур. **pälä* ОФУЯ 407). В *ӱмбал* произошел переход **л** > **м** под ассимилирующим влиянием последующего билабиального **в/п.** Наблюдается также выпадение **в** перед огубленным гласным, что характерно для ряда финно-угорских языков (ОФУЯ 130). В языке одно и то же наречие, имеющее общее происхождение с *вел* «сторона», в одних диалектах выступает с передней огласовкой, в других — с задней: *пелке* Л, В, *пелкӧ* СЗ «в сторону», *пакы* Г «вдаль», *пелне* Л, В, *пелнӧ* СЗ «в стороне», *палны* Г «вдали». Вполне допустимо, что задняя огласовка компонента *-бал/-вал* (также в *нӱжвал* Г «нижняя часть туловища», *йымал* «низ, нижний») возникла не без влияния примеров типа: *покшал, покшел* СЗ «середина» (Тужаров 1966:341), *покшал* «тж», *покшец(ын)* «с середины» Г (СГН 122), *шеӈгел, шеӈгал* Л «зад, задний» и других.

Шумлык, Л, В, *шӱмлӧк, сомлӧк* В, *шӈмлӈк* СЗ «из-за кого-чего-л., о, о ком-чем-л.» Г. М. Тужаров (1966:

344), И. С. Галкин (1986:78) связывают его с чув. *сумла, сумлах* «почетный, уважаемый; почет, уважение; достойный внимания». Приведенные параллели имеют значительное семантическое различие. *Шумлык* представляет заимствование тат. *шунлык* «поэтому, потому» (ТСТЯ III:522), выступающего в языке-источнике в качестве причинно-следственного союза. Звукосоответствие **н—м** в марийских диалектах известно, например, *лондем-ломдем* «низина» (Грузов 1964:224). Так как на почве марийского языка заимствуемое слово претерпело функциональное переосмысление, следует, по-видимому, послелог *шумлык* признать исконно марийским.

ЛИТЕРАТУРА

Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка.— Казань—Чебоксары, 1928—1950.— Вып. I—XVII.

Галкин И. С. 1964, Историческая грамматика марийского языка. Ч. I.— Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.— 203 с.

Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Ч. II.— Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.— 168 с.

Галкин И. С. 1980, Об относительной хронологии в развитии местных падежей // Вопросы грамматики и лексикологии.— Йошкар-Ола.— С. 22—29.

Галкин И. С. 1986, Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис: Тунемме книга.— Йошкар-Ола.— 123 с.

Гордеев Ф. И. 1968, О происхождении формы, выражающей неполноту действия в марийском языке // СФУ.— Т. 4, вып. 2.— С. 127—131.

Гордеев Ф. И. 1979, Этимологический словарь марийского языка. Т. I: А—Б.— Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.— 256 с.

Гордеев Ф. И. 1983, Этимологический словарь марийского языка. Т. II:В—Д.— Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.— 287 с.

Грузов Л. П. 1964, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении.— Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.— 244 с.

Грузов Л. П. 1969, Историческая грамматика марийского языка: Введение и фонетика.— Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.— 211 с.

Егоров В. Г. 1964, Этимологический словарь чувашского языка.— Чебоксары: Чув. кн. изд-во.— 355 с.

Евсеева М. Т. 1968, Илыш савыра.— Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во.— 164 с.

Коведяева Е. И. 1978, Типологическая эволюция системы локальных падежей в истории марийского языка // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам.— М.— С. 49—154.

Кузнецов В. В. 1984, Ойконимия бассейна реки Илеть Марийской АССР: Дис... канд. филол. наук.— Тарту.— 200 с.

КЭСК-*Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка.— М.: Наука, 1970.— 386 с.

Лаврентьев Г. И. 1966, Волжский говор марийского языка: Дисс... канд. филол. наук.— Йошкар-Ола.— 372 с.

Лаврентьев Г. И. 1972, Специфические падежные формы в волжском говоре марийского языка // СФУ.— Т. 8, вып. 1.— С. 33—36.

Майтинская К. Е. 1964, Местоимения в мордовских и марийских языках.— М.: Наука.— 110 с.

ММ-Ӱпымарий *(Васильев В. М.)*. Марий мутэр. Тӱрлӧ вэрэ илышэ марийын мутшым тангастарэн нэргэлымэ книга.— М.: Центр. изд-во народов СССР, 1926.— 347 с.

Мокш. РС-Мокшанско-русский словарь.— М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949.— 359.

ОФУЯ-Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков.— М.: Наука, 1974.— 484 с.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий.— М., 1962.— Т. I—IV.

СГН-*Саваткова А. А.* Словарь горного наречия марийского языка.— Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981.— 236 с.

ТРС-Татарско-русский словарь.— М.: Сов. энц., 1966.— 863 с.

ТСТЯ-Толковый словарь татарского языка.— Казань: Тат. кн. изд-во, 1977, 1979, 1981.— Т. I—III.

Тужаров Г. М. 1966, Яранский говор марийского языка: Дис... канд. филол. наук.— Тарту.— 406 с.

ЧРС-Чувашско-русский словарь.— М.: Русск. яз., 1982.— 712 с.

Alhoniemi A. 1964, Über das tscheremissische *βal, βäl* // FUF.— XXXV, h. 1—2.—S. 75—87.

Bereczki G. 1971, Cseremisz (Mari) nyelvkönyv.— Budapest.— 98 l.

Collinder B. 1977, Fenno-Ugric Vocabulary: An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Second Revised Edition.— Hamburg, Helmut Buske Verlag.—217 p.

EEW-Mägiste J. 1983, Estnisches etymologisches Wörterbuch. I—XII. // Finnisch-Ugrische Gesellschaft.—Helsinki.— LXXVI, 4106 s.

OTW-Paasonen N. 1948, Ost-tscheremissisches Wörterbuch/Bearbeitet und herausgegeben von Paavo Siro // LSFU.— 11.— 210 s.

Paasonen H. 1953, Mordvinische Chrestomathie mit Glossar und grammatikalischem Abriss.— Zweite Auflage.— Helsinki-Turku.— 153 s.

Ravila P. 1937, Über das finnisch-ugrische komparativsuffix // FUF.—XXIV, h. 1—3.—S. 29—58.

Rédei (Radanovics) K. 1962, Die Postpositionen im Syrjanischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen.— Budapest.—224 s.

Räsänen M. 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen // LSFU.— 27.— 533 s.

SKES-Suomen kielen etymologinen sanakirja. I—VII.— Helsinki, 1955—1981.

Wichmann Y. 1923, Tscheremissische texte mit wörterverzeichniss und grammatikalischem abriss.— Helsinki.— 132 s.

Wichmann Y. 1924, Die türkischen lehnwörter im tscheremissischen // FUF.— XVI, h. 1—3.—S. 32—53.

РЕЦЕНЗИИ

М. Г. АТАМАНОВ, УДМУРТСКАЯ ОНОМАСТИКА.
Ижевск, 1988.

В последние два десятилетия, как и в других регионах СССР, в Удмуртии ономастическая наука заметно шагнула вперед. Появилось немало содержательных и интересных исследований, выросли молодые кадры, которые с большим энтузиазмом взялись за изучение самых неразработанных проблем удмуртской ономастики. Свидетельством тому является и рецензируемая нами книга М. Г. Атаманова «Удмуртская ономастика». Она явилась как бы обобщением всего того, что сделано по удмуртской ономастике за предшествующие годы.

Автор справедливо замечает, что по сравнению с другими народами Волго-Уральского региона в области изучения удмуртской ономастики ощущается отставание: нет монографического описания ни одного ее раздела, отсутствуют топонимические, антропонимические, этнонимические словари и т. д. Как, впрочем, это можно сказать и о марийской ономастике.

В книге автор впервые постарался комплексно рассмотреть наиболее крупные и основные разделы ономастики: этнонимию, топонимию и антропонимию. Несмотря на то, что книга по своей структуре напоминает учебное пособие по удмуртской ономастике и, как сказано в аннотации, рассчитана на широкий круг читателей, она является, на наш взгляд, глубоким и содержательным монографическим исследованием. Она состоит из введения, трех глав, краткого историко-этимологического словаря географических названий Удмуртии и раздела о правописании удмуртских топонимов.

Во введении автор дает определение предмета ономастики, знакомит читателя с состоянием ономастической науки в Удмуртии и определяет задачи книги.

Первая глава посвящена этнонимии. Здесь автор после краткой историографии производит подробный анализ этнонимов удмуртов: *удмурт, одо, ар, вотяк;* племенных названий *ватка* и *калмез,* а также 70 воршудно-родовых наименований.

Этимологии этнонимов *удмурт, одо* не вызывают каких-либо возражений, но мысль П. Хайду о неясности на сегодня этнонима *одо,* пожалуй, заслуживает внимания. Что же касается этнонима *ар,* то связь его с *арису,* упоминаемым в X в. в письме хазарского царя Иосифа к еврейскому сановнику, вряд ли оправдана и тем более мысль о том, что слово *арису* состоит из *ар* (удмурты) и *су* (вепсы) (стр. 12). По-видимому, в этнониме *арису* отразилось название какого-то другого племени. А утверждение о том, что западная граница удмуртов охватывала восточные пределы Вологодской, Горьковской и Костромской областей, не имеет убедительных аргументов. Отдельные вкрапления топонимов удмуртского характера на этой территории должны быть более древними остатками финно-пермского времени, ибо, как показывают археологические материалы, азелинцы — предки уд-

муртов — не выходили западнее бассейна рек Большая и Малая Кокшага. Географические названия типа р. Воча, р. Вотча, р. Вотинская и др. (стр. 15) не говорят о пребывании на этой территории обязательно вотяков. Здесь нужно более тщательное исследование с учетом данных архивных документов и других наук, особенно археологии. Нельзя, например, на основании ойконима Черемисиново в Курской обл. говорить о том, что там когда-то жили марийцы.

Нам очень импонирует толкование племенного названия удмуртов Ватка. Автор выводит его из удм. *вад* «выдра» и суффикса *-ка*, широко представленного в родовых именах, ср. *Поска*, *Юська* и др. (стр. 20). Не вызывает сомнений и этимология племенного названия *Калмаш*, в котором автор усматривает: *кал* рыба» (ср. мар. *кол*, фин. *кала* «рыба») и *мэс* «человек, мужчина: муж» (ср. фин. *миес*, эст. *меес* «человек, мужчина» (стр. 22).

Этимологии воршудно-родовых названий также достаточно убедительны, хотя некоторые из них и остались без объяснения. Но вот утверждение о том, что аффиксы *-йа, -ка(-га), -ча, -ра, -ма*, по своему происхождению восходящие к уральскому и финно-угорскому праязыковому периоду, являлись аффиксами зоонимов и не более, нам кажется, слишком смелым и не убедительным, ибо некоторые микроэтнонимы могли быть и отгидронимными (стр. 45), о чем говорит их распространение на всем Севере Европейской части СССР. Поэтому р. Урга, левый приток р. Суры в Горьковской обл., вряд ли отзоонимный (впрочем, и гидроним Сура тоже), так как этот гидроним нельзя возвести к финно-угорскому названию белки по фонетическим соображениям. Древняя форма названия белки восстанавливается не с гласным *у-*, а с гласным *о-*: **ора* «белка». К тому же, в Советском районе Марийской АССР есть речка *Ургаш* < *Ургакш*, где четко выделяется уменьшительный суффикс *-кш* > *ш*, встречающийся в основном в гидронимах, ср. *ераш* < *еракш* «озерко».

Во второй главе дан анализ топонимии Удмуртии. Главе предпослана история изучения удмуртских топонимов. Далее автор рассматривает исторические пласты удмуртской топонимии. Он находит, что в географических названиях Удмуртии можно выделить прапермский, собственно удмуртский и русский топонимические пласты, а также угорские, самодийские, тюркские, марийские топонимические элементы. Автор исходит из того, что топонимические пласты представляют собой целостные комплексы топонимов, возникших в процессе длительного проживания на этой территории определенных народов. Топонимические же элементы — это единичные, сравнительно редко встречающиеся иноязычные названия, возникшие вокруг отдельных поселений иноязычных народов среди единого, компактного по языку населения, тогда как топонимические пласты занимают сплошную территорию (стр. 58—59).

К прапермскому пласту, по мнению автора, относятся лишь те апеллятивы, которые не встречаются в словарном фонде современного удмуртского языка, но они бытуют у коми, или ни в одном из пермских языков в живой речи не употребляются, однако сохранились в топонимах и их параллели выявляются в других родственных языках. К таким относятся: *ва* «вода, река», *куш* «лесная поляна», *пор* — этноним, *си* — деэтимологизированное слово, *кык* «два». Ряд апеллятивов к прапермским он относит под вопросом: *люк* «река», *мес, месь, мас, мос* «водный источник», *ой, уй, уйо, ай, айа* «ручей», *юль* «лесная речка», *лöп* «лесная чаща; валежник, бурелом», *ожги* «заросшее травой озеро» (стр. 59—62).

Наиболее многочисленны собственно удмуртские апеллятивы. Их автор нашел 85. Сюда же он включил ряд апеллятивов иранского: *гурт* «деревня», *зарезь* «море»; тюркского: *ана, ана* «полоса пахотной земли», *арама* «роща вдоль берега реки», *бакча* «огород», *бусы* «поле», *куак* «кустарник; кустарниковая роща», *котрес* «круглый, округлый, овальный, окружной», *кыр* «голое место; степь, поляна» и др. и русского: *волок* «волок», *гар* «гарь», *кулига* «лесная поляна, расчищенная для земледелия» и др. происхождения.

По степени употребляемости все собственно удмуртские географические термины автором разделены на четыре группы: 1) употребляющиеся в живой речи удмуртов большинства регионов и в литературном языке: 2) сохранившиеся в отдельных диалектах, но употребляющиеся в литературном языке; 3) зафиксированные в памятниках письменности, в словарях или в топонимии, употребление в живой речи ограничено отдельными говорами; 4) сохранившиеся лишь в топонимии, в памятниках письменности не зафиксированы, параллели в родственных языках не выявлены и их значение науке остается неизвестным.

При делении топонимов на группы автор, на наш взгляд, напрасно одним из критериев взял литературный язык, ибо литературный включает в себя все лучшее, что имеется в диалектах. Поэтому у него вторая и третья группы фактически идентичны, если не считать тех терминов, которые встречаются лишь в письменных памятниках (стр. 68).

Четвертая группа географических терминов, как нам кажется, может быть названа удмуртской весьма условно. Удмуртское происхождение их надо еще доказать, ибо такие термины как *сям, чемо, чимо* явно указывают на доудмуртский их характер.

Большую группу удмуртских топонимов составляют отантропонимные топонимы. По происхождению, как правильно заметил автор, только часть из них является удмуртским, внушительную группу составляют заимствования из тюркских языков.

Во всех географических названиях автор выделяет 15 топоформантов. Всем им даны в целом достаточно убедительные объяснения их происхождения. Однако некоторое сомнение вызывает выделение топоформанта *-мыж, -мыш*. Здесь, на наш взгляд, скорее всего выделяется топоформант *-ыж, -ыш, -еж*, о чем говорят такие гидронимы как рч. *Юмыж*, ср. р. *Юм;* р. *Немдеж* (по-марийски *Немдыж*), ср. р. *Немда* и др.

Заслуживает внимания мнение автора об индоиранском (лучше иранском) происхождении топоформантов *-ганда, -гында; -тан, -дан* (стр. 80—81).

Марийский ойконим Сурты автор выводит из удмуртского *сурд* «березняк, березовая роща» (стр. 87). С этим никак нельзя согласиться. Этот ойконим чисто марийского происхождения, ср. мар. *сурт* «дом с надворными постройками» и ойконим *Тосурт* из *Тошто сурт*.

Вряд ли можно вывести гидроним *Юньга* из селькупского *йунгы* «запор для ловли рыбы» (стр. 95). Нам кажется, гораздо ближе для этимологии этого гидронима хантыйское *йынк* «вода».

В гидрониме *Илеть*, учитывая его марийский вариант *Элнет*, нельзя выделять топоформант *-леть* (стр. 95). Этот гидроним, очевидно, образован с топоформантом *-ть*, ср. *Оять, Ловать* и др.

Третья глава рассматриваемой книги посвящена антропонимии

удмуртов. Ей также предпослана краткая историография, в которой автор отмечает, что некалендарные имена удмуртов сохранились в так называемых *корка ним* «домашнее имя» (стр. 104).

Все личные имена автор делит на два пласта: 1) общепермский, сюда входит и собственно удмуртский, и 2) заимствованный.

К общепермскому пласту им отнесены имена на *-эг: Шудэг, Мушэг* и др. Они общи для коми и удмуртов (стр. 110). В основе собственно удмуртских имен лежат: 1) названия птиц, животных, насекомых, рыб и растений: *Койык* «лось», *Гондыр* «медведь» и т. д.; 2) термины родства: *Нуны* «ребенок», *Нылок* «девочка» и др.; 3) физические, психические, моральные качества ребенка: *Бур* «хороший», *Он* «крепкий» и др.; 4) этнонимы: Пор, Чувашко и др.; 5) сезон года и цикл земледельческих работ, сопутствующих рождению ребенка: *Культо* «сноп жита», *Чабей* «пшеница» и др.; 6) отпугивающие имена: *Шакта* «плохой, дурной, неприятный; грязь, мусор, хлам», *Жага* «мусор, хлам, сор», *Кый* «змея» и др. Заимствованные личные имена включают в себя четыре пласта: иранский (*Артан, Дада* и др.), угорский (*Мансэй, Салькай* и др.), тюркский (*Акбей, Аксултан, Эшбай* и др.), русский, который делится на древнерусские (некалендарные) (*Петрушка, Третьяк* и др.) и христианские (календарные) *Педор, Микулай* и др.).

Особый раздел книги посвящен обрядам и поверьям удмуртов, связанным с именами, некоторые из которых имелись и у марийцев (имя уважаемого человека, нарекание жрецом, табуизация) хотя автор это не отмечает.

В разделе о становлении фамилий удмуртов автор правильно отметил, что фамилии появились не раньше середины XVIII в. (стр. 131).

Историко-этимологический словарь, приведенный в конце книги, действительно очень краткий: в нем этимологизировано всего около ста топонимов.

С практической точки зрения весьма ценен раздел о правописании удмуртских топонимов, ибо четкие правила правописания дают возможность избежать различного рода искажений.

В заключение нужно сказать, что М. Г. Атаманов на основе глубокого анализа ономастической лексики удмуртского языка написал очень ценную книгу, сделал неоценимый вклад в удмуртскую и финно-угорскую ономастику.

Доктор филологических наук, профессор И. С. ГАЛКИН.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

авест.	— авестийский
алт.	— алтайский
арх.	— архангельский говор русск. яз.
балт.	— балтачевский говор
бар.	— барабынский диалект тат. яз.
барт.	— бартангский
башк.	— башкирский
болг.	— болгарский
булг.	— булгарский
В	— восточное наречие
вв.	— верхневычегодский диалект коми яз.
венг.	— венгерский
вепс.	— вепсский
влж	— волжский говор
вс.	— верхнесысольский диалект коми яз.
ВУАК	— Вятская учебная архивная комиссия
вым.	— вымский диалект коми яз.
Г	— горное наречие
ГАКО	— Государственный архив Кировской области
Глб	— левобережный говор горного наречия
др.-перс.	— древнеперсидский
др. тюрк.	— древнетюркский
иж.	— ижемский диалект коми яз.
иран.	— иранский
й.-ол.	— йошкар-олинский говор
карел.	— карельский
кирг.	— киргизский
коми-зыр.	— коми-зырянский
коми-язв.	— коми-язвинский диалект
кр.	— красноуфимский говор
Л	— луговое наречие
л.	— лузский диалект коми яз.
лет.	— летский диалект коми яз.
лл.	— лузско-летский диалект коми яз.
лтш.	— латышский
манс.	— мансийский
мар.	— марийский
монг.	— монгольский
мордМ	— мокша-мордовский
мордЭ	— эрзя-мордовский
нв.	— нижневычегодский диалект коми яз.
н.-перс.	— новоперсидский
нем.	— немецкий

общетюркск. — общетюркский
ойр. — ойротский
осет. — осетинский
пермск. — пермский
печ. — печорский диалект коми яз.
польск. — польский
русск. — русский
руш. — рушинский
саам. — саамский
самодийск. — самодийский
серн. — сернурский говор
сельк. — селькупский
СЗ — северо-западное наречие
сидел. — сидельниковский говор
скр. — присыктывкарский диалект коми яз.
скиф. — скифский
сойон. — сойонский
сс. — среднесысольский диалект коми яз.
тат. — татарский
тонш. — тоншаевский говор
тув. — тувинский
туж. — тужинский говор
тюркск. — тюркский
уд. — удорский диалект коми яз.
удм. — удмуртский
ур. — уральский
фин. — финский
ф.-уг. — финно-угорский
хак. — хакасский
хант. — хантыйский
чув. — чувашский
шар. — шарангский говор
эст. — эстонский
южн. — южный диалект удм. яз.
яр. — яранский говор

СОДЕРЖАНИЕ

И. С. Галкин. Топонимические этимологии 14
В. И. Вершинин. О некоторых марийских ойконимах Прикамья 28
А. Н. Куклин Названия исчезнувших селений Марийской АССР (с апеллятивом **чодыра** 'лес') 49
Л. Ш Арсланов. Марийский пласт в топонимии Мамадышского района ТАССР 75
Ф. И. Гордеев. О контактах позднесарматских племен с волжско-пермскими этническими группами. (Границы распространения волжско-пермских и обско-угорских племен) 81
В. Шаймарданов. К вопросу о субстратной топонимике на территории Марийской АССР 107
А. С. Ефремов. Принципы номинации травянистой и ягодной флоры в марийском языке 113
В. Н Васильев. Марийско-удмуртские лексические параллели в орнитонимии 140
С. С. Сибатрова. Этимологические заметки 148
Рецензии 156

МАРИЙСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
им. В. М. ВАСИЛЬЕВА

ВОПРОСЫ МАРИЙСКОЙ ОНОМАСТИКИ

Выпуск 7

Редактор *Т. А. Товашова*
Обложка художника *Р. Е. Янгильдина*
Технический редактор *Е. М. Данилова*

Сдано в набор 28.02.90. Подписано к печати 20.02.90. Э-00288 Формат 84×108/32. Бумага типогр. № 1. Гарнитура Литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,61. Усл. кр. отт. 8,87. Учетно-изд. л. 9,0. Тираж 500. Заказ 789. Цена 1 р.

Республиканское полиграфическо-редакционное объединение Госкомиздата Марийской АССР, 424700, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112.